

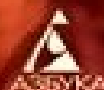
LADY
FANTASY

A woman with red hair in a braid, wearing a strapless red gown, stands against a background of red curtains. The title 'ЭЛИТА' is overlaid on the image.

ЭЛИТА

КИРА КАСС

Сначала их было тридцать пять.
Теперь их осталось всего шесть.
Это Элита.

Annotation

Сначала их было тридцать пять. Теперь их осталось всего шесть. Это Элита. И битва за сердце принца Максона разгорается с еще большей силой. Но чем ближе Америка Сингер к тому, чтобы завоевать корону, тем чаще встает перед ней вопрос: кому в действительности принадлежит ее сердце — Максону или Аспену? Ведь каждая минута, проведенная с принцем, похожа на дивную сказку. Однако при встрече с Аспеном, ставшим королевским гвардейцем, девушка вспоминает о том, как они с любимым строили планы о совместной жизни. И пока героиня пытается разобраться в своих чувствах, время неумолимо бежит вперед и работает против нее... Впервые на русском языке!

- [Кира Касс](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Благодарности](#)
-

Кира Касс
Элита

Зовите слуг! Проснулась королева!

Посвящается маме

Глава 1

Воздух Анджелеса был абсолютно неподвижен — ни малейшего дуновения ветерка. Некоторое время я тихо лежала, прислушиваясь к дыханию Максона. В последние дни подловить его по-настоящему в спокойном и веселом расположении духа становилось все труднее и труднее. Я смаковала каждый миг, радуясь тому, что наедине со мной он превращался в себя прежнего.

После того как круг участниц Отбора сузился до шестерых, принц стал сам не свой. Даже когда все тридцать пять претенденток только приехали во дворец, он не переживал так сильно. Наверное, думал, что у него будет больше времени на то, чтобы сделать выбор. Я чувствовала себя отчасти виноватой в сложившейся ситуации, хотя, конечно, дело было не только во мне.

Принц Максон, наследник престола Иллеа, был увлечен мной. Неделию назад он признался: если бы я сказала, что питаю к нему такие же чувства, как и он ко мне, состязание завершилось бы.

Иногда я даже развлекалась, представляя, каково это — принадлежать только Максону. Впрочем, пока что Максон пользовался свободой. Кроме меня, было еще пять девушек, с которыми он встречался и нашептывал что-то на ушко. И вот вопрос: как к этому относиться? К тому же в придачу к Максону полагалась еще и корона. Эту мысль я старательно игнорировала, поскольку не знала точно, что это будет для меня означать.

И, разумеется, оставался еще Аспен. Теоретически у меня не было перед ним никаких обязательств. Он разорвал наши отношения еще до того, как меня объявили участницей Отбора. После призыва в армию ему повезло: его отправили в дворцовую гвардию. Здесь, во дворце, мы встретились вновь, и все чувства, которые я пыталась подавить, внезапно воскресли. Аспен — моя первая любовь. Когда я смотрела на него, то словно возвращалась в наш маленький мир, где были только мы — он и я.

Максон ни о чем не догадывался. Знал лишь, что у меня был кто-то дома, и великодушно согласился дать время забыть прошлое. Одновременно принц пытался найти другую девушку, с которой бы он мог быть счастлив, если я так и не смогу его полюбить.

Принц повернул голову и легонько коснулся носом моей макушки. Я попыталась представить, каково это — просто любить Максона.

— Знаешь, когда я в последний раз смотрел на звезды? — спросил он.

Я придвинулась к нему поближе. Ночной воздух становился все более прохладным.

— Понятия не имею.

— Несколько лет назад. Мне наняли учителя по астрономии. Если приглядеться, видно, что на самом деле звезды разного цвета.

— Погоди, ты хочешь сказать, что в последний раз смотрел на звезды на занятиях? Не для души?

— Для души! — фыркнул он. — Надо будет втиснуть заботу о душе между консультациями по бюджету и заседаниями комитета по инфраструктуре. Ах да, еще и между планированием военных операций. Это, кстати, у меня получается из рук вон плохо.

— А что еще у тебя получается из рук вон плохо? — Я провела пальцами по его накрахмаленной сорочке.

Ободренный этим прикосновением, Максон принялся поглаживать меня по плечу.

— А почему ты интересуешься? — с притворным раздражением спросил он.

— Потому что я до сих пор почти ничего о тебе не знаю. И ты производишь впечатление человека без недостатков. Приятно иметь доказательство того, что ты тоже не идеален.

— Ты ведь в курсе, что я не идеален. — Он приподнялся, вглядываясь в мое лицо.

— Ну, почти идеален, — возразила я.

Мы то и дело мимолетно соприкасались коленями, локтями, пальцами. Он покачал головой и еле заметно улыбнулся:

— Ну, тогда ладно. Я не умею планировать военные операции. Вообще ни в каком виде. И, наверное, повар из меня вышел бы тоже неважный. Впрочем, я никогда в жизни не пробовал, так что...

— Совсем никогда?

— Ты, возможно, обращала внимание на ту ораву, которая до отвала кормит тебя сладостями? Так вот, мне от них время от времени тоже кое-что перепадает.

Я прыснула. В нашей семье без моего участия приготовление пищи не обходилось практически никогда.

— Давай еще, — потребовала я. — Что еще тебе плохо удастся?

— А в последнее время я понял одну вещь... — Он привлек меня к себе ближе, карие глаза заговорщицки блеснули.

— Выкладывай.

— Так уж получилось, что мне очень плохо удастся держаться от тебя

подальше. Это серьезная проблема.

— А ты хорошо старался? — улыбнулась я.

Он сделал вид, как будто задумался:

— Вообще-то, нет. И не рассчитывай, что буду это делать.

Мы негромко засмеялись, не выпуская друг друга из объятий. В такие мгновения не слишком сложно было представить, что так будет всю жизнь.

Шелест листьев и шорох травы возвестили о чьем-то приближении. Хотя мы ничего предосудительного не делали, я смутилась и поспешно села на покрывало. Максон последовал моему примеру. К нам приближался гвардеец.

— Ваше высочество, — поклонился он. — Прошу прощения за вторжение, но оставаться долго за пределами дворца в столь поздний час неразумно. Повстанцы могут....

— Понял, — вздохнул Максон. — Мы сейчас. — Гвардеец удалился, и Максон обернулся ко мне. — Вот тебе и еще один недостаток. Эти бунтари начинают выводить меня из себя. Я сыт их набегам по горло.

Он поднялся и протянул мне руку. В его глазах печаль мешалась с раздражением. С начала Отбора повстанцы нападали на дворец уже дважды: один раз это были сравнительно безобидные северяне, а в другой — свирепые южане. Даже с моим скудным опытом я понимала, как он устал от всего этого.

Максон тем временем взял покрывало и отряхнул его, явно не слишком довольный тем, что наше свидание оказалось таким непродолжительным.

— Эй, — окликнула его я. — Мне было хорошо. — (Он кивнул.) — Нет, правда. — Я подошла к нему, и он перебросил покрывало через одну руку, а второй обнял меня за плечи. — Надо будет как-нибудь повторить. Расскажешь, какие звезды какого цвета. По мне, так они все абсолютно одинаковые.

— Иногда так хочется, чтобы моя жизнь была попроще. Как у обычных людей. — Максон печально улыбнулся.

Я обняла его, и Максон, уронив покрывало, ответил мне тем же.

— Жаль вас расстраивать, ваше высочество, но до обычных людей вам как до луны, и охрана тут ни при чем.

Его лицо слегка просветлело, но взгляд остался серьезным.

— Был бы обычным — больше бы тебе нравился.

— Знаю, что ты мне неверишь, но на самом деле ты нравишься мне таким, какой есть. Только мне нужно больше...

— Времени. Помню. И я готов ждать. Просто хотелось бы быть

уверенным, что жду не напрасно.

Я отвела взгляд. Пообещать ему это я не могла: снова и снова сравнивала в сердце Максона и Аспена, но ни тот ни другой не перевешивал. За исключением, пожалуй, тех мгновений, когда я находилась наедине с одним из них. Потому что сейчас меня так и подмывало сказать Максону, что буду рядом с ним до конца моих дней.

— Максон, — прошептала я, видя, как угнетает его мое молчание, — я не имею права тебе этого обещать. Но одно могу сказать твердо: я хочу быть здесь. Хочу выяснить, есть ли у нас... — Я запнулась, не зная, как лучше выразить свою мысль.

— Будущее? — подсказал Максон.

Я улыbnулась, радуясь тому, как легко он меня понял.

— Да. Я хочу проверить, есть ли будущее у «нас».

Он перекинул мне через плечо выбившуюся прядь волос.

— Думаю, у нас есть все шансы, — спокойно произнес он.

— Согласна. Просто... дай мне время, ладно?

Он, просияв, кивнул. Я хотела, чтобы наш вечер закончился именно так: надеждой. Ну, может, и еще кое-чем. Я прикусила губу и подняла на Максона глаза. Ни секунды не колеблясь, он склонил голову и поцеловал меня. Его губы были теплыми и нежными, а поцелуй — полным обожания. Мне хотелось, чтобы он не кончался никогда. Я готова была часами стоять, прильнув к нему, просто ради того, чтобы узнать, надоест это мне когда-нибудь или нет, но Максон слишком скоро оторвался от моих губ.

— Идем, — сказал он и шутливо подтолкнул меня в направлении дворца, — пока гвардейцы не прискакали за нами на конях с саблями наголо.

Едва мы с Максоном распрощались у подножия лестницы, как на меня навалилась безумная усталость. Практически из последних сил я заставила себя подняться на второй этаж и завернуть в свой закуток, как вдруг всю сонливость точно рукой сняло.

— О! — произнес Аспен, для которого мое появление тоже стало неожиданностью. — Хороший же из меня часовой, ничего не скажешь. Я-то все это время наивно считал, что ты в спальне.

Я прыснула. После того как число конкурсанток сократилось до шестерых, нам было предписано обязательно оставлять на ночь в комнате одну из горничных. Мне эта идея совсем не нравилась, так что Максон на всякий случай выставил перед моей комнатой охрану. Ирония заключалась в том, что чаще всего эту функцию исполнял Аспен. Мысль, что он почти каждую ночь стоит за дверью, наполняла меня странной смесью ликования

и трепета.

Впрочем, его шутливый тон быстро угас, как только он понял, что означает мое отсутствие в постели в этот час. Он смущенно кашлянул:

— Ну как, хорошо провела время?

— Аспен, — прошептала я, оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. — Не расстраивайся. Я участница Отбора. Так надо.

— А мне как прикажешь быть? Он хорошо устроился, но мне-то что делать?

— Пожалуйста, не злись. Я пытаюсь со всем этим разобраться.

— Что ты, я вовсе на тебя не злюсь. — Его голос снова стал нежным. — Просто скучаю. — Он не осмелился произнести вслух «Я люблю тебя», но я прочитала эти слова по его губам.

— Знаю. — Я положила ладонь ему на грудь, позволив себе на мгновение забыть обо всем, чем мы рискуем. — Но это не меняет ни того, где мы находимся, ни того, что я теперь одна из Элиты. Мне нужно время.

Он накрыл мою ладонь своей и кивнул:

— Я подожду. Только... попытайся найти немного времени и для меня тоже.

Не хотелось говорить о том, как сложно это сделать, так что я лишь слабо улыбнулась ему, прежде чем отнять руку.

— Мне пора.

Он проводил меня взглядом и прикрыл за мной дверь.

Время. В последние дни я только и делала, что просила дать мне время. Я надеялась, что, если его у меня будет достаточно, все как-нибудь уладится само собой.

Глава 2

— Нет-нет, — засмеялась королева Эмберли. — На моей свадьбе подружек невесты было всего трое, хотя мать Кларксона настаивала, что их должно быть больше. Но я хотела, чтобы подружками были только мои сестры и лучшая подруга, с которой, кстати, мы познакомились на Отборе.

Я покосилась на Марли и с радостью отметила, что она тоже бросила взгляд в мою сторону. До приезда во дворец я думала, что ставки в этом состязании слишком высоки и на дружеские отношения с кем-нибудь из других участниц надеяться не стоит. Но Марли обняла меня при первой встрече, и с тех пор мы были рядом. Мы с ней ни разу даже не поссорились, если не считать одного случая.

Несколько недель назад Марли обмолвилась, что не хочет быть с Максоном. Когда я попыталась разговорить ее, она замкнулась. Мы не ругались, но пару дней, пока она избегала меня, было очень одиноко.

— Хочу, чтобы у меня было семь подружек, — сказала Крисс. — Ну, если Максон выберет меня и у нас будет пышная свадьба.

— Ну а мне никакие подружки не нужны, — бросила Селеста презрительно. — Они только отвлекают на себя внимание. А поскольку свадьбу будут показывать по телевидению, я хочу, чтобы все смотрели лишь на меня.

Я подавила раздражение. В кои-то веки нам выпала возможность поговорить по душам с королевой Эмберли, так нет же, этой Селесте обязательно нужно продемонстрировать свой несносный характер во всей красе и все испортить!

— Мне бы хотелось, чтобы в моей свадебной церемонии были отражены традиции моей культуры, — негромко вставила Элиза. — У нас в Новой Азии девушки появляются на торжествах в красном, а жених должен преподнести подругам невесты подарки, чтобы вознаградить их за то, что позволили ему взять ее в жены.

— Не забудь пригласить меня к себе на свадьбу! — потребовала Крисс. — Я люблю подарки!

— И я тоже! — воскликнула Марли.

— Леди Америка, вы что-то все время молчите, — заметила королева Эмберли. — Какой бы вы хотели видеть свою свадьбу?

Я вспыхнула, поскольку оказалась совершенно не готова к этому вопросу. В своих мечтах я рисовала всего одну свадьбу, и состояться она

должна была в администрации провинции Каролина после кучи нудных бюрократических процедур.

— Вообще-то, мне в голову приходит только одно желание. Хочу, чтобы замуж меня выдавал отец. Ну, знаете, когда он за руку подводит тебя к человеку, за которого ты выходишь, и вкладывает твою руку в его. Это единственное, чего мне всегда хотелось по-настоящему.

— Ну, так все делают, — протянула Селеста. — Никакой оригинальности.

Наверное, я должна была бы разозлиться на нее за то, что вмешалась в разговор, но лишь пожала плечами:

— В такой день мне важно знать, что мой отец полностью одобряет мой выбор.

— Это так мило. — Глядя в окно, Натали сделала глоток чая.

Королева Эмберли весело рассмеялась:

— Очень надеюсь, что ваш отец его одобрит. Кого бы вы ни выбрали, — добавила она поспешно, спохватившись, что ее слова могут быть восприняты как намек, что моим избранником станет Максон.

Интересно, она и в самом деле так считает? Рассказал ли Максон ей о нас?

Вскоре разговор на свадебные темы сам собою прекратился, и королева удалилась в свои покои поработать. Селеста устроилась перед большим телевизором, вмонтированным в стену, а все остальные принялись играть в карты.

— Здорово было, правда? — сказала Марли, когда мы с ней уселись рядышком за столом. — Пожалуй, так много на моей памяти королева еще никогда не говорила.

— Увлеклась, наверное.

Я не стала никому рассказывать о том, что узнала от сестры королевы Эмберли о ее многочисленных неудачных попытках завести еще одного ребенка. Адель обещала, что, как только нас станет меньше, ее сестра будет относиться к нам теплее, и оказалась права.

— Ладно, а теперь скажи: у тебя правда нет никаких других планов на свою свадьбу или ты просто не захотела откровенничать?

— У меня нет никаких других планов, — подтвердила я. — Мне как-то сложно представить себе пышную свадьбу. Я ведь Пятерка.

Марли покачала головой:

— Это ты раньше была Пятеркой. А теперь ты Тройка.

— Ну да, — согласилась я, вспомнив о своем новом статусе.

Я появилась на свет в семье Пятерок — не слишком хорошо

оплачиваемых художников и музыкантов. И хотя я терпеть не могла кастовую систему в целом, то, чем мы зарабатывали на жизнь, мне нравилось. Непривычно было думать о себе как о Тройке, представлять в качестве своего возможного поприща учительство или писательство.

— Не переживай, — утешила Марли, верно истолковав выражение моего лица. — Пока что тревожиться тебе еще не о чем.

Я хотела было возразить, но меня отвлек крик Селесты.

— Давай уже! — Она с размаху грохнула пультом дистанционного управления о диван, прежде чем снова ткнуть им в направлении телевизора. — Сколько можно?

— Мне кажется или она на самом деле становится еще более невыносимой? — шепотом спросила я у Марли.

Селеста еще несколько раз стукнула пультом о диван, потом поднялась и переключила телевизор на другой канал вручную. Наверное, для девушки, выросшей в семье Двоек, это была веская причина для раздражения.

— Видимо, это все стресс, — прокомментировала Марли. — Ты не замечала, что Натали в последнее время держится как-то отчужденно?

Я кивнула, и мы обе как по команде оглянулись на трех девушек, занятых карточной игрой. Крисс с улыбкой тасовала колоду, а Натали разглядывала кончики волос. Время от времени она выдергивала очередной волос, который ей не нравился. Вид у нее был рассеянный.

— Пожалуй, напряжение понемногу начинает сказываться на всех, — согласилась я. — Теперь, когда нас осталось так мало, все труднее сидеть сложа руки и наслаждаться жизнью во дворце.

Селеста что-то пробурчала, и мы покосились на нее, но быстро отвели глаза, когда она заметила, что мы на нее смотрим.

— Ты не возражаешь, если я на секундочку отлучусь? — сказала Марли, поерзав на своем месте. — Мне нужно в туалет.

— О, я как раз думала, не сходить ли мне тоже. Не против, если мы пойдем вместе?

Марли с улыбкой покачала головой:

— Иди первой. А я пока допью чай.

— Хорошо. Я быстро.

Я вышла из Женского зала и не спеша двинулась по роскошному коридору. Кажется, никогда не привыкну к этому великолепию. Я так увлеклась, что налетела на гвардейца, стоявшего за углом.

— Ой! — только и сказала я.

— Прошу прощения, мисс. Надеюсь, я вас не напугал. — Он

подхватил меня под локти, чтобы я не упала.

— Нет-нет, — со смешком сказала я. — Все в порядке. В другой раз буду смотреть, куда иду. Спасибо, что не дали упасть. Офицер...

— Вудворк, — представился он с небольшим поклоном.

— Америка.

— Я знаю.

Я улыбнулась. Ну разумеется, мое имя было отлично ему известно.

— Что ж, надеюсь, следующая наша встреча состоится не при таких драматических обстоятельствах, — пошутила я.

— Хорошо бы, — усмехнулся он в ответ. — Всего вам доброго, мисс.

— И вам тоже.

Вернувшись в Женский зал, я рассказала Марли о том, как налетела на офицера Вудворка, и предупредила ее, чтобы была осторожней. Она со смехом покачала головой.

Остаток дня мы нежились на солнышке у окна и болтали о доме и остальных девушках. Думать о будущем было грустно. Рано или поздно Отбор завершится, и хотя я была уверена, что мы с Марли останемся близки, мне будет не хватать наших ежедневных разговоров. Она стала моей первой настоящей подругой, и расставаться не хотелось.

Пока я пыталась запечатлеть в памяти это мгновение, Марли мечтательно смотрела в окно. Мне было любопытно, о чем она думает, но все вокруг дышало таким покоем, что я не стала спрашивать.

Глава 3

Двустворчатые двери, ведущие на балкон, были распахнуты настежь, как и двери в коридор, и в моей комнате гулял теплый ароматный ветерок. Я надеялась, что он станет вознаграждением за уйму работы, которую мне нужно было переделать. Вместо этого он отвлекал меня, заставлял думать о том, что есть масса мест, где хотелось бы оказаться. И письменного стола среди них не было.

Я вздохнула и откинулась на спинку кресла.

— Энн! — позвала я.

— Да, мисс? — отозвалась главная из трех моих горничных из закутка, где занималась шитьем.

Наверняка в тот же миг Мэри и Люси, две другие служанки, вскинули головы, ожидая распоряжений.

— Приказываю тебе разобраться, о чем идет речь в этом докладе.

Я лениво указала на развернутый отчет по военной статистике, лежавший передо мной на столе. Это испытание предстояло пройти всем претенденткам, но сосредоточиться было просто невозможно.

Служанки дружно расхохотались. Очевидно, дело не только в смехотворности моего требования, но и в том, что я вообще чего-то потребовала от них. Обычно командовать у меня получалось не слишком хорошо.

— Прошу прощения, миледи, но это было бы превышением моих полномочий, — ответила Энн.

Хотя ее ответ точно такая же шутка, как и мое распоряжение, я уловила в ее голосе нотки искреннего сожаления, что она ничем не может мне помочь.

— Прекрасно, — простонала я, усилием воли заставив себя усесться прямо. — Все приходится делать самой. Ну и зачем я вас держу, бездельницы? Завтра же найду себе новых служанок. Вот тогда вы попляшете!

Все трое опять захихикали, а я снова попыталась вникнуть в цифры. У меня складывалось впечатление, что отчет никуда не годится, но до конца я уверена не была. Я перечитывала абзацы и разглядывала диаграммы, хмуря лоб и покусывая кончик ручки в попытке сосредоточиться.

До меня донесся негромкий смех Люси. Я вскинула глаза и проследила за направлением ее взгляда. На пороге, прислонившись к дверному косяку,

стоял Максон.

— Ты меня выдала! — упрекнул он Люси.

Та снова захихикала.

Я торопливо вскочила, так что кресло отлетело назад, и бросилась в его объятия.

— Ты прямо мои мысли читаешь!

— Правда?

— Ну пожалуйста, скажи, что мы можем выйти в парк! Хотя бы ненадолго?

Он улыбнулся:

— У меня есть не больше двадцати минут. Потом надо будет вернуться.

Я потащила его по коридору под возбужденный щебет моих служанок, оставшихся в комнате.

Парк, без сомнения, стал нашим местом. Всякий раз, когда предоставлялась возможность побыть наедине, мы приходили сюда. Никакого сравнения с тем, как я привыкла проводить время с Аспеном. С ним мы забивались в тесный домик на дереве на заднем дворе, единственное место, в котором мы могли без опаски побыть наедине.

Внезапно мне пришло в голову, что Аспен может быть где-то поблизости. Неразличимый среди множества дворцовых охранников, он сейчас наблюдает за тем, как Максон держит меня за руку.

— Что это у тебя? — спросил Максон, легонько коснувшись кончиков моих пальцев.

— Мозоли. От игры на скрипке по четыре часа в день.

— Никогда раньше их не замечал.

— Тебе неприятно?

Из шести оставшихся во дворце девушек я принадлежала к самой низшей касте. Едва ли у кого-нибудь из них были такие руки, как у меня.

Максон остановился и поднес мои пальцы к губам, целуя загрубелые кончики.

— Наоборот. Они кажутся прекрасными. — (Я залилась краской.) — Я повидал мир, конечно, главным образом из-за пуленепробиваемого стекла или с башни очередного древнего замка, но все же я его видел. И в моем распоряжении ответы на тысячи вопросов. Но эта маленькая ладошка... — Он заглянул мне в глаза. — Эта ладошка способна извлекать из скрипки звуки, подобных которым мне не доводилось слышать никогда в жизни. Порой кажется, что твоя игра мне просто пригрезилась, — так прекрасна она была. Эти мозоли — доказательство того, что это случилось наяву.

Иногда он говорил такие красивые слова, что трудно было им поверить. И хотя они грели душу, я никогда до конца не могла доверять принцу. Откуда мне было знать, что все то же самое он не говорит другим девушкам?

— Ты в самом деле знаешь ответы на тысячи вопросов? — Я решила сменить тему.

— В самом деле. Задай любой вопрос. Если я даже не смогу на него ответить, я скажу, где искать ответ.

— Какой угодно?

— Какой угодно.

Трудно было с ходу придумать вопрос, тем более такой, который поставил бы его в тупик, чего я, собственно, и добивалась. Я задумалась, вспоминая о том, что мне больше всего хотелось узнать в детстве. Почему самолеты не падают? Какими были раньше Соединенные Штаты? Каким образом работают крохотные музыкальные проигрыватели, которые есть у представителей высших каст?

И тут меня осенило.

— Что такое Хеллоуин? — спросила я.

— Хеллоуин?

Он явно никогда не слышал этого названия. И не удивительно. Я сама встретила это слово всего лишь один раз в старинном учебнике истории, который хранился у моих родителей. Местами он был сильно поврежден, многие страницы отсутствовали вовсе или были практически нечитаемы. И все же праздник, о котором мы ничего не знали, не давал мне покоя.

— Ну что, ваше королевское умнейшество? — поддела его я.

Он с притворным недовольством вздохнул и взглянул на часы:

— Идем. У нас мало времени.

Принц схватил меня за руку и потащил обратно во дворец.

Я слегка спотыкалась в своих туфельках на невысоком каблучке, но все же с грехом пополам поспевала за ним. Максон улыбался во весь рот. Я любила те редкие моменты, когда он вел себя как беспечный мальчишка; слишком уж часто он бывал чрезмерно серьезен.

— Господа, — не останавливаясь, поприветствовал он гвардейцев перед дверями.

Я преодолела почти половину коридора, когда мои туфли подложили мне свинью.

— Максон, стой, — выдохнула я. — Мне за тобой не угнаться!

— Идем, идем, тебе там понравится, — нетерпеливо потянул меня за руку он. Потом все-таки замедлил шаг, но ему явно не терпелось поскорее

оказаться там, куда мы мчались.

Мы двигались в направлении северного коридора, в ту часть дворца, где снимались «Вести», но свернули на лестницу, немного не доходя до нее. Чем выше мы поднимались, тем труднее мне было сдерживать свое любопытство.

— Куда мы идем?

Он обернулся ко мне и мгновенно посерьезнел.

— Ты должна поклясться, что никогда никому не расскажешь про эту комнату. О ее существовании известно только немногочисленным членам семьи и горстке охранников.

Я была заинтригована донельзя.

— Клянусь, буду нема как рыба.

Мы поднялись на самый верх, и Максон открыл передо мной дверь. Потом снова взял за руку и потащил по коридору, пока наконец мы не очутились перед стеной, большую часть которой занимала великолепная картина. Максон оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Потом нащупал что-то за дальним углом рамы. Раздался негромкий щелчок, и картина поехала в сторону.

Я ахнула. Максон ухмыльнулся. За картиной обнаружилась дверца, не доходившая до пола. На ней было несколько кнопок, как на телефоне. Максон набрал какую-то комбинацию цифр. Что-то негромко запищало, принц нажал на ручку и обернулся:

— Позволь, я помогу тебе. Здесь довольно высокая ступенька.

Он протянул мне руку и сделал знак идти первой. Я была поражена. По стенам лишенной окон комнаты тянулись забитые древними книгами полки. На двух из них стояли фолианты со странными красными полосами на корешках. У одной стены я увидела объемистый атлас, открытый на странице с каким-то незнакомым мне государством. В центре высился стол с горой книг. Такое впечатление, что кто-то недавно приготовил их и собирался за ними вернуться. Еще одну стену занимал утопленный широкий экран, похожий на телевизионный.

— Что это за красные полосы? — спросила я с любопытством.

— Это запрещенные книги. Насколько нам известно, это могут быть единственные уцелевшие экземпляры во всей Иллеа.

Я обернулась к нему, взглядом прося о том, что не решалась произнести вслух.

— Да, ты можешь на них взглянуть, — сказал он таким тоном, который намекал, что своей просьбой я ставлю его в неудобное положение. Однако, судя по выражению лица, он надеялся, что я его об этом попрошу.

Очень осторожно я взяла с полки книгу, страшась случайно повредить уникальное сокровище. Перевернув несколько страниц, сразу же поставила ее обратно. Слишком велико было мое благоговение. Я обернулась и увидела, что Максон печатает что-то на штуковине, которая походила на плоскую печатную машинку, подсоединенную к телевизору.

— Что это такое? — любопытствовала я.

— Компьютер. Ты что, никогда не видела компьютеров? — Я покачала головой. Максон, похоже, не слишком удивился. — Они теперь мало у кого есть. В этом хранится вся информация о книгах в этой комнате. Если тут есть что-нибудь про твой Хеллоуин, компьютер подскажет нам, где искать.

Я не очень хорошо поняла его слова, но просить объяснить подробнее не стала. Через несколько секунд на экране появился список из трех пунктов.

— Превосходно! — воскликнул он. — Подожди меня тут.

Я осталась у стола, пока Максон разыскивал три книги, обещавшие раскрыть нам тайну Хеллоуина. Хотелось, чтобы это не оказалось какой-нибудь глупостью. Обидно было бы, если бы Максон потратил столько усилий ради ерунды.

В первой книге про Хеллоуин было написано, что это кельтский фестиваль, знаменующий конец лета. Тратить время не хотелось, поэтому я не стала говорить, что понятия не имею о том, кто такие кельты. Оказывается, они верили, что в Хеллоуин духи могут проникать из своего мира в наш и обратно, а потому люди надевали маски, чтобы отпугнуть зло. Впоследствии Хеллоуин превратился в светский праздник, в основном для детей. Они наряжались в разные костюмы и ходили по улицам, распевая песни и получая за это в награду конфеты.

Во второй книге было написано что-то в том же духе, только там еще упоминались тыквы и христианство.

— А вот это обещает быть интересным, — объявил Максон, листая книжку, которая была намного тоньше двух других и написана от руки.

— С чего ты взял? — поинтересовалась я и подошла поближе, чтобы посмотреть.

— Это, леди Америка, один из томов личного дневника Грегори Иллеа.

— Что?! — воскликнула я. — Можно его потрогать?

— Можно, только сперва я найду страницу, которая нам нужна. Смотри, здесь даже есть фотография!

На снимке, точно призрак из неизвестного прошлого, был запечатлен прямой как палка, в безукоризненно отутюженном костюме Грегори Иллеа с напряженным лицом. Меня поразило, сколько в его манере держаться

общего с королем Кларксоном и Максоном. Рядом с ним робко улыбалась в камеру какая-то женщина. В ее лице еще угадывались следы былой красоты, но взгляд был потухший. Казалось, она устала от жизни. Кроме этой пары, на фотографии были еще трое. Девушка-подросток, хорошенькая и жизнерадостная, улыбающаяся во весь рот, в пышном платье и с короной на голове. Как у настоящей принцессы! И два мальчика, один повыше, другой пониже, в костюмах каких-то героев. Вид у них был такой, словно они затеяли какую-то каверзу. Под фотографией была приписка, сделанная, как это ни поразительно, рукой самого Грегори Иллеа.

Дети в этом году устроили по случаю Хеллоуина вечеринку.

Наверное, для них это способ отвлечься от того, что творится вокруг, но мне это кажется легкомысленным. Мы одна из немногих семей, у которых есть деньги на то, чтобы устроить настоящий праздник, но эта детская затея кажется расточительством.

— Думаешь, поэтому мы больше не празднуем Хеллоуин? Потому что это расточительство? — спросила я.

— Вполне возможно. Судя по дате, это было как раз после того, как Американский штат Китая начал борьбу за освобождение, перед самой Четвертой мировой. Тогда большинство вообще было нищим: представь целую страну Семерок и горстку Двоек.

— Ничего себе. — Я попыталась вообразить, как выглядела тогда наша страна, раздираемая войной, борющаяся за то, чтобы вновь обрести целостность.

— И сколько в его дневнике томов? — поинтересовалась я.

Максон махнул в сторону полки, на которой стояло несколько похожих журналов.

— С десяток.

У меня все это в голове не укладывалось! Вся история нашей страны была собрана в одной этой комнатке.

— Спасибо тебе. Я даже и не мечтала, что когда-нибудь увижу такое. Мне просто не верится, что все это существует на самом деле.

Он просиял.

— Хочешь прочитать все остальное? — Максон кивнул на дневник.

— Конечно хочу! — воскликнула я, но тут же вспомнила про свои обязанности. — Но я не могу остаться здесь, мне нужно закончить с этим дурацким отчетом. А тебе пора возвращаться к работе.

— Верно. А как тебе такое предложение: можешь взять его на несколько дней.

— А разве это разрешено? — спросила я с благоговением.

— Нет, — улыбнулся он.

Я заколебалась. Меня неожиданно одолели разом тысячи страхов. А вдруг я потеряю дневник? Или испорчу? Максон наверняка думал о том же самом. Но второй такой возможности мне не представится никогда в жизни. Ради такого подарка судьбы я буду предельно осторожна.

— Хорошо. Я возьму его на ночь или на две, а потом сразу же верну.

— Только спрячь его хорошенько.

Я так и сделала. Это была не просто книга, это доверие Максона. Я сунула дневник в ящик под сиденьем табурета для пианино, под стопку нот. Там служанки никогда не прибирались. Об этом тайничке знала только я.

Глава 4

— Я безнадежна, — вздохнула Марли.

— Нет-нет, у тебя отлично все получается, — покривила душой я.

Вот уже вторую неделю я каждый день давала Марли уроки игры на пианино, и, по правде говоря, с каждым разом у нее выходило все хуже и хуже. Дальше гамм мы так и не продвинулись. Марли в очередной раз промахнулась мимо нужной клавиши, и я против воли поморщилась.

— Да у тебя все на лице написано! — воскликнула она. — Не выйдет из меня пианистки. Я с таким же успехом могла бы играть локтями.

— А что, надо попробовать. Вдруг локтями у тебя получится лучше.

— Все, с меня хватит, — вздохнула она. — Прости, Америка, ты столько со мной провозилась, но мне тошно слушать собственную игру. Она звучит так, как будто пианино заболело.

— Скорее уж при смерти.

Марли покатила со смеху, и я присоединилась к ней. Когда она попросила меня поучить ее играть, я не представляла, что мои уши ждет такая чудовищная — и в то же время смешная — пытка.

— Вдруг со скрипкой дело пойдет лучше? У скрипки очень красивый звук, — предложила я.

— Это вряд ли. С моими талантами я ее попросту угроблю.

Марли поднялась и подошла к столику. Бумаги, которые мы должны были читать, сдвинули в сторону, и мои милые служанки оставили для нас чай с печеньем.

— Ну и ничего страшного. Она все равно казенная. Можешь запустить ее Селесте в голову, если хочешь.

— Не искушай, — засмеялась Марли, разливая чай. — Америка, я буду так скучать по тебе. Не знаю, что я стану делать, когда мы не сможем больше видеться каждый день.

— Ну, Максон ведет себя нерешительно, так что пока у тебя нет никаких оснований тревожиться еще и об этом.

— Не уверена, — посерьезнев, покачала она головой. — Он так прямо этого не говорил, но я-то знаю, что я здесь потому, что нравлюсь народу. Только теперь, когда большинство девушек разъехались, публика быстро найдет себе новую любимицу, и тогда он отправит меня домой.

Я тщательно подбирала слова, боясь вновь ее оттолкнуть и надеясь, что она объяснит причину отчуждения, возникшего между ними.

— Тебе не обидно? Ну, что ты не останешься с Максоном?

Марли слегка пожала плечами:

— Просто он не тот, кто мне нужен. Меня не расстраивает перспектива выбыть из соревнования, но мне очень не хочется уезжать из дворца, — пояснила она. — И потом, я не хотела бы стать женой мужчины, который любит другую.

— Какую это другую... — Я резко выпрямилась.

Глаза Марли торжествующе блеснули. Улыбка, которую она попыталась скрыть, уткнувшись в чашку, явственно говорила: «Подловила!» Она и в самом деле меня подловила.

На долю секунды при мысли о том, что Максон может быть влюблен в кого-то еще, меня пронзила такая ревность, что стало темно в глазах. И в следующее же мгновение, когда я сообразила, что это меня она имеет в виду, снизошло невыразимое облегчение. Я попыталась выкрутиться, принявшись подшучивать над Максоном и расхваливать достоинства других девушек, но Марли одной-единственной фразой камня на камне не оставила от моих неловких попыток отвлечь ее внимание.

— Почему ты не положила этому конец? — спросила она ласково. — Ты же знаешь, что он тебя любит.

— Он никогда мне этого не говорил, — ответила я, и это была правда.

— Ну разумеется, — произнесла она таким тоном, как будто это было очевидно. — Принц так старается заполучить тебя, но каждый раз, когда он подбирается к тебе достаточно близко, ты его отталкиваешь. Зачем ты так с ним?

Могу ли я поделиться с ней? Могу ли сказать, что, хотя мои чувства к Максону глубоки — по всей видимости, глубже, чем я сама готова себе в этом признаться, — есть еще один человек, которого я не могу выбросить из сердца?

— Наверное, я просто... не уверена ни в чем до конца.

Я действительно доверяла Марли. Но для нас обеих будет безопасней, если она ни о чем не узнает.

Она кивнула. Казалось, подруга понимает, что все несколько сложнее, просто не хочет на меня давить. Этот молчаливый взаимный уговор, признание друг за другом права на тайны, очень грел душу.

— Так найди способ увериться в этом. И побыстрее. Если Максон не тот, кто мне нужен, это еще не значит, что он чем-то плох. Я бы очень не хотела, чтобы из-за своих страхов ты его потеряла.

И снова она была права. Меня терзали страхи. Страх, что чувства Максона не такие искренние, как кажутся, страх перед необходимостью

вести жизнь принцессы, страх потерять Аспена.

— Чтобы не заканчивать наш разговор на такой печальной ноте, — произнесла она, отставляя чашку, — скажу, что наша вчерашняя болтовня про свадьбу навела меня на одну мысль.

— Да?

— Скажи, ты согласилась бы быть подружкой на моей свадьбе? Ну, если я когда-нибудь выйду замуж?

— Ох, Марли, ну конечно! А ты на моей?

Я схватила ее за руки, и она в ответ сжала мои пальцы.

— Но у тебя ведь есть сестры. Они не будут против?

— Они все поймут. Пожалуйста!

— Разумеется! Я ни за что на свете не согласилась бы пропустить твою свадьбу!

Ее тон намекал на то, что моя свадьба обязана стать событием века.

— Пообещай мне, что, если я даже буду выходить замуж за неизвестного Восьмерку из подворотни, ты будешь на моей свадьбе.

Она бросила на меня недоверчивый взгляд, совершенно уверенная, что ничего подобного и быть не может.

— Даже тогда. Даю слово.

Подруга не стала брать с меня такое же обещание, и я в очередной раз задалась вопросом, не принадлежит ли ее сердце какому-нибудь Четверке, оставшемуся на родине. Впрочем, я не хотела на нее давить. Очевидно, что у каждой из нас были свои секреты, но Марли — моя лучшая подруга, и ради нее я готова была на все.

Я надеялась, что вечером увижусь с Максоном. Марли поселила в моей душе сомнения в правильности собственного поведения. И мыслей. И чувств.

После ужина, когда мы все поднялись из-за стола, я перехватила взгляд Максона и потянула себя за мочку уха. Это был наш тайный знак, применявшийся, когда надо было попросить о встрече.

Отказы в таком случае бывали не часто, но сегодня Максон с огорченным видом беззвучно произнес слово «дела». Я притворно надула губки и помахала ему рукой на прощание. Возможно, это и к лучшему. Мне действительно необходимо поразмыслить о некоторых вещах, связанных с Максоном.

Когда я свернула за угол к своей комнате, перед дверями на карауле снова стоял Аспен. Он окинул меня взглядом, задержавшись на зеленом платье, которое магическим образом подчеркивало все имеющиеся достоинства фигуры. Я молча прошла мимо. Когда пальцы уже легли на

дверную ручку, он осторожно коснулся моего локтя.

Прикосновение было неторопливым, но кратким, и за эти несколько секунд я ощутила ту тягу, ту тоску, которую всегда пробуждал во мне Аспен. Один взгляд в его изумрудные глаза, жадные и бездонные, — и я почувствовала, как колени подогнулись. Я поспешно скрылась в своей комнате, не в силах дольше выносить эту муку. К счастью, у меня практически не было времени на размышления о том, какие чувства вызывает у меня Аспен: не успела за мной закрыться дверь, как вокруг уже захлопотали служанки, готовя меня ко сну. Пока они расчесывали мне волосы, болтая при этом без умолку, я пыталась заставить себя хоть на пару минут позабыть обо всем. Но это было невозможно. Я должна сделать выбор. Аспен или Максон. Максон или Аспен.

Но как определить? Как принять решение, которое в любом случае разобьет мне сердце? Я утешалась мыслью, что еще есть время. Пусть и не очень много.

Глава 5

— Итак, леди Селеста, вы хотите сказать, что численность вооруженных сил недостаточна и в следующем году набор нужно увеличить? — уточнил Гаврил Фадей, ведущий дискуссии в телепередаче «Вести столицы» и единственный человек, которому было дозволено интервьюировать монарших особ.

Наши дебаты в эфире «Вестей» — испытание. И все это понимали. Несмотря на то что формально в сроках Максон был не ограничен, публике не терпелось, чтобы круг претенденток поскорее сузился, и королю с королевой и советниками, судя по всему, тоже. Если мы не хотели быть отчисленными, то должны проявлять себя с лучшей стороны где и когда скажут. Я порадовалась, что все-таки продралась через этот кошмарный отчет про армию. Даже запомнила кое-какие цифры, так что у меня были сносные шансы произвести хорошее впечатление.

— Именно, Гаврил. Война в Новой Азии тянется уже многие годы. Я полагаю, один-два увеличенных призыва — и мы сможем положить ей конец.

Я терпеть не могла Селесту. Она подставила одну из девушек, которая по ее милости вылетела из состязания, испортила день рождения Крисс и в буквальном смысле попыталась содрать с меня приглянувшееся ей платье. Будучи Двойкой, она считала себя на голову выше всех остальных. По правде говоря, до сих пор у меня не сложилось определенного мнения относительно численности нашей армии, но теперь, когда Селеста высказалась за увеличение призыва, я просто не могла не занять строго противоположную позицию.

— Я не согласна, — произнесла я самым нежным тоном, на какой оказалась способна.

Селеста оглянулась на меня, тряхнув гривой темных волос. Теперь, когда камера не видела ее лица, она могла без помех метать глазами молнии.

— Ага, значит, вы, леди Америка, полагаете, что увеличение численности армии — это плохая идея? — спросил Гаврил.

Я почувствовала, как запылали щеки.

— Двойки могут позволить себе откупиться от призыва, так что, я уверена, леди Селеста никогда не видела, чем для многих семей оборачивается потеря единственного сына. Увеличение числа призывников

будет иметь катастрофические последствия, в особенности для низших каст, которые обыкновенно имеют большие семьи и нуждаются в каждой паре рабочих рук, чтобы выжить.

Марли, сидевшая рядом со мной, дружески подтолкнула меня.

— Ну и что же ты тогда предлагаешь нам делать? — высокомерно осведомилась Селеста. — Сидеть сложа руки, а война пусть себе тянется дальше?

— Нет, разумеется, нет. Конечно, я хочу, чтобы Иллеа покончила с этой войной.

Я сделала паузу, чтобы собраться с мыслями, и бросила взгляд на Максона, ища поддержки. Король, сидевший рядом с ним, явно был раздражен.

Необходимо было исправлять положение, так что я ляпнула первое, что пришло в голову:

— А что, если сделать призыв добровольным?

— Добровольным? — переспросил Гаврил.

Селеста с Натали фыркнули, усугубив ситуацию. Но тут я задумалась. Разве это такая уж нелепая идея?

— Да. Я уверена, что необходимы определенные требования, но, возможно, от армии, состоящей из мужчин, желающих быть солдатами, будет больше толку, чем от горстки мальчишек, единственная цель которых — остаться в живых и вернуться к своей обычной жизни.

Студия задумчиво притихла. По всей видимости, в моих словах было рациональное зерно.

— Это хорошая идея, — подала голос Элиза. — В таком случае мы могли бы отправлять на фронт свежие пополнения каждые месяц-два по мере того, как будут записываться новые люди. И это укрепит боевой дух тех, кто уже какое-то время служит.

— Я согласна, — поддержала ее Марли. Ни на что большее она обыкновенно не отваживалась. В дебатах она явно чувствовала себя неуверенно.

— Что ж, я понимаю, что эта идея может показаться новаторской, но что, если брать в армию и женщин тоже? — вставила Крисс.

— И ты считаешь, что найдется много желающих? И сама готова вести других в бой? — Селеста рассмеялась, а ее голос так и сочился презрительным недоверием.

Крисс не потеряла самообладания.

— Нет, из меня хорошего солдата не выйдет. Но, — продолжила она, обращаясь к Гаврилу, — если я чему-то и научилась за время Отбора, то

это тому, что некоторые девушки обладают инстинктом прирожденных убийц. И пусть нарядные платья не вводят вас в заблуждение, — закончила она с улыбкой.

Вернувшись в комнату, я задержала служанок у себя дольше обычного, чтобы они могли помочь мне вынуть из волос шпильки.

— Мне понравилась ваша идея о добровольной армии, — сказала Мэри. Ее проворные пальцы ни на минуту не останавливались.

— И мне тоже, — подала голос Люси. — Я помню, как бились мои соседи, когда их старших сыновей забрали в армию. Многие из них не вернулись. Это слишком ужасно.

Ее взгляд затуманился от воспоминаний. Мне тоже было что вспомнить. Мириам Кэрриер овдовела совсем молодой, но они с сыном Эйденом неплохо справлялись вдвоем. Когда у нее на пороге появились армейские с похоронкой, флагом и дежурными соболезнованиями, это совершенно ее подкосило. Жить в одиночку оказалось не под силу. Ее жизнь просто утратила смысл. Иногда я видела, как она, подобно Восьмеркам, побиралась на той самой площади, на которой я прощалась с Каролиной. Впрочем, дать мне ей было нечего.

— Знаю, — отозвалась я на невысказанные слова Люси.

— А вот Крисс, по-моему,хватила через край, — заметила Энн. — Женщинам на войне не место.

Я улыбнулась тому, с каким чопорным видом она взялась за мои волосы.

— Мой папа рассказывал, что раньше женщины...

Внезапно в дверь постучали, так неожиданно, что мы вздрогнули.

— Мне пришла в голову одна идея, — объявил Максон, войдя в комнату без приглашения.

Похоже, устраивать свидания по пятницам после «Вестей» становилось у нас доброй традицией.

— Ваше высочество, — хором приветствовали его служанки.

Мэри даже выронила из рук шпильки, так торопилась сделать книксен.

— Позволь, я помогу, — поспешил к ней Максон.

— Нет-нет, я сама, — воспротивилась она, отчаянно покраснев, и попятилась из комнаты. Потом неуклюже сделала большие глаза Люси и Энн, чтобы они тоже вышли.

— Э-э... доброй ночи, мисс, — сказала Люси и потянула Энн за край форменного платья.

Едва они скрылись, как мы с Максоном расхохотались. Я обернулась к зеркалу и продолжила вытаскивать из волос шпильки.

— Забавная троица, — заметил Максон.

— Просто они без ума от тебя.

Максон скромно отмахнулся.

— Прости, что помешал, — сказал он моему отражению.

— Все в порядке, — отозвалась я, вытаскивая последнюю шпильку, потом запустила пальцы в волосы, и они веером рассыпались по плечам. — Я нормально выгляжу?

Максон кивнул, задержав на мне взгляд чуть дольше, чем это было необходимо.

— Да, так насчет той самой мысли... — Он спохватился и быстро заговорил.

— Выкладывай.

— Помнишь, мы с тобой читали про Хеллоуин?

— Угу. Ох, у меня так и не дошли руки до дневника. Но он спрятан в надежном месте, — заверила его я.

— Все в порядке. Его никто не хватился. Так вот, я тут подумал... В тех книжках было написано, что его праздновали в октябре, верно?

— Ну да, — ответила я небрежно.

— Сейчас как раз октябрь. Почему бы нам не устроить вечеринку в честь Хеллоуина?

Я стремительно обернулась:

— Правда? Ох, Максон, правда можно?

— Так ты не против?

— Я обеими руками за!

— Думаю, девушкам без проблем сошьют костюмы. Гвардейцы, свободные от дежурств, могут быть запасными кавалерами в танцах, ведь я один, а было бы несправедливо заставлять всех подпирать стену в ожидании своей очереди. Можно устроить на следующей неделе уроки танцев. Ты же говорила, иногда в дневное время вам бывает нечем заняться. И еще сладости! Мы закажем лучшие сладости! Ты, моя дорогая, к концу вечеринки превратишься в колобок. Нам придется тебя катить! — (Я слушала как замороженная.) — Мы объявим о празднествах на всю страну. Пусть дети наряжаются и ходят от дома к дому с песнями, как в старые добрые времена. Твоей сестре это понравится?

— Ну разумеется! Это понравится всем!

Он о чем-то задумался, прикусив губу.

— Как думаешь, она не будет возражать, если мы пригласим ее на праздник сюда, во дворец?

Я была ошарашена.

— Что?!

— Мне все равно придется рано или поздно познакомиться с родителями Элиты. Так почему бы не пригласить ваших родителей, братьев и сестер на праздник, вместо того чтобы ждать...

Договорить он не успел, потому что я повисла у него на шее. Возможность повидать Мэй и родителей так меня обрадовала, что я не смогла сдержать свой восторг. Он обвил руками мою талию и заглянул в глаза. Его собственные сияли радостью. Каким образом этому человеку, которого я когда-то считала полной моей противоположностью, удавалось каждый раз придумать то, что больше всего меня порадовало бы?

— Ты серьезно? Они на самом деле смогут приехать?

— Ну разумеется, — отозвался он. — Мне не терпится с ними познакомиться, и потом, это входит в программу. И вообще, я полагаю, всем вам не помешает повидаться с родными.

Когда у меня перестало щипать в носу, я прошептала в ответ:

— Спасибо тебе.

— Не за что... Я знаю, что ты любишь своих родных.

— Люблю.

Он фыркнул:

— И совершенно очевидно, что ты готова ради них практически на все. Ведь это благодаря им ты осталась на Отборе.

Я отпрянула от него, чтобы видеть его глаза. В них не было осуждения, лишь растерянность от моего резкого движения. Но я не могла просто пропустить его высказывание мимо ушей. Необходимо расставить все точки над «і».

— Максон, в самом начале, когда я осталась, они действительно отчасти были причиной, но сейчас я здесь не из-за них. Ты ведь это знаешь, правда? Я здесь, потому что...

— Потому что?

Я взглянула на Максона, на его полное обожания лицо, светящееся надеждой. Давай, Америка. Скажи ему.

— Потому что?.. — повторил он снова, на этот раз с озорной улыбкой, от которой сердце у меня дрогнуло еще больше.

Вспомнился недавний разговор с Марли и то чувство, которое меня тогда охватило. Трудно было воспринимать Максона как моего парня, когда он встречался с другими девушками, но то, что мы с ним не просто друзья, очевидно. Меня вновь охватила надежда, что, быть может, наши отношения могут перерасти во что-то большее. Я не позволяла себе признаться в этом, но Максон успел стать для меня кем-то особенным.

Я кокетливо улыбнулась ему и двинулась к двери.

— Америка, сейчас же вернись на место. — Он опередил меня и, заступив дорогу, обнял за талию, так что мы очутились вплотную друг к другу. — Скажи, — прошептал он.

Я сжала губы.

— Что ж, значит, придется прибегнуть к другим способам коммуникации.

И он без предупреждения поцеловал меня. От неожиданности я слегка пошатнулась в кольце его рук и обхватила его за шею... И тут в голове что-то перевернулось. Обыкновенно, когда мы с ним оставались наедине, я отгораживалась от мыслей об остальных. Но сегодня я вместо себя представила рядом с ним другую. Воображение рисовало ее в объятиях принца, нежность в его взгляде, обращенном на нее, их свадьбу... У меня остановилось сердце, и я против воли расплакалась.

— Милая, что случилось? Милая?

Это словечко, такое ласковое и интимное, пробило в моих заслонах брешь. Если у меня и было какое-то желание бороться со своими чувствами к Максону, в это мгновение оно исчезло. Мне хотелось быть его милой, его дорогой, принадлежать ему одному. Пусть это значило сделать шаг навстречу будущему, которого я никогда не хотела, и распрощаться с вещами, которые всегда казались мне незыблемыми, но мысль о том, чтобы сейчас расстаться с ним, казалась совершенно невыносимой. Да, я не была лучшей кандидаткой на престол, но если у меня даже не хватит смелости признаться в собственных чувствах, я не заслуживаю вообще никакого шанса. Вздыхнув, я пыталась унять дрожь в голосе.

— Не хочу отсюда уезжать.

— Если я правильно помню, когда мы только познакомились, ты утверждала, что этот дворец — клетка. Выходит, со временем ты вошла во вкус?

Я покачала головой:

— Иногда ты бываешь таким тугодумом.

Из горла у меня вырвался полузадушенный смешок. Максон позволил мне отстраниться ровно настолько, чтобы я могла заглянуть в его карие глаза.

— Максон, я говорю не о дворце. Меня не волнует ни одежда, ни постель, ни даже, поверишь ты в это или нет, еда.

Принц рассмеялся. Мое восхищение изысканными блюдами, которые подавали во дворце, не было секретом ни для кого.

— Я говорю о тебе, — прошептала я. — Я не хочу уезжать от тебя.

— От меня? — Я кивнула. — Тебе нужен я?

При виде его изумленного лица я прыснула:

— Именно это я и пытаюсь объяснить.

Он немного помолчал.

— Но... с чего вдруг... что я такого сделал?

— Не знаю, — пожала я плечами. — Просто я думаю, что из нас может выйти неплохая пара.

Его губы дрогнули в улыбке.

— Из нас может выйти отличная пара.

Максон притянул меня к себе, довольно грубо по его меркам, и снова поцеловал.

— Ты уверена? — Он отстранил меня и внимательно посмотрел в глаза. — Ты точно в этом уверена?

— Если ты уверен, то и я уверена.

На долю секунды на его лице промелькнуло странное выражение, но оно мгновенно исчезло. Возможно, вообще почудилось. В следующий же миг он подвел меня к кровати, и мы вместе присели на краешек, держась за руки. Я положила голову ему на плечо. Казалось, он должен что-то сказать. Разве не этого он ждал? Но слова так и не прозвучали. Время от времени Максон прерывисто вздыхал, и этого мне было достаточно, чтобы понять, как он счастлив. Тревога немного улеглась. Мы словно не знали, что делать дальше. Некоторое время спустя Максон распрямился:

— Думаю, мне пора. Если хотим собрать к празднику всех родственников, нужно все подготовить.

Я отстранилась и улыбнулась. Не верилось, что скоро я обниму маму, папу и Мэй.

— Спасибо тебе еще раз.

Мы поднялись и двинулись к двери. Я цеплялась за его руку — почему-то ужасно боялась ее выпустить. Казалось, любая перемена может разрушить этот хрупкий миг.

— Увидимся завтра, — пообещал Максон шепотом и взглянул на меня с таким обожанием, что все тревоги мгновенно показались мне глупыми. — Ты потрясающая.

Когда он скрылся за дверью, я закрыла глаза и заново пережила каждый миг нашей недолгой встречи: его взгляды и озорные улыбки, нежные поцелуи. Я проигрывала их в памяти снова и снова, пока не настало время сна, и задавалась вопросом: занят ли Максон сейчас тем же самым?

Глава 6

— Так хорошо, мисс. Стойте вот так, как будто указываете на эскизы, а остальные пусть попытаются не смотреть на меня.

Была суббота, и нам позволили не отбывать обязательные часы в Женском зале. За завтраком Максон объявил о вечеринке в честь Хеллоуина. К обеду горничные уже приступили к шитью костюмов. Во дворец прибыли фотографы, чтобы запечатлеть весь процесс.

В данную минуту я пыталась с непринужденным видом разглядывать сделанные Энн наброски моего костюма, в то время как служанки стояли с отрезами тканей, пригоршнями стразов и охапками перьев. Мы перепробовали несколько вариантов, а фотограф отщелкивал кадр за кадром. Я как раз собиралась позировать с золотой тканью, когда к нам явился посетитель.

— Девушки, доброе утро, — поздоровался Максон, переступая через порог.

Я невольно распрямила плечи еще больше и почувствовала, как губы неудержимо расплываются в улыбке. Фотограф поймал этот момент и лишь потом обратился к Максону:

— Ваше высочество, это огромная честь для всех нас. Вы не против сфотографироваться вместе с этой юной леди?

— С превеликим удовольствием.

Служанки отступили. Максон взял со стола несколько рисунков и встал позади меня, держа в одной руке наброски, а другой обнимая меня за талию. Это был символический жест. «Видишь, — говорил он, — очень скоро я смогу прикоснуться вот так к тебе на глазах у всего мира. Ни о чем не тревожься».

Мы сделали еще несколько снимков, и фотограф отправился к следующей по счету девушке. Только тогда я поняла, что служанки незаметно тоже куда-то испарились.

— У тебя очень талантливые горничные, — заметил Максон. — Идеи одна другой чудеснее.

Я пыталась держаться с принцем как обычно, но после вчерашнего вечера все было иначе, лучше и хуже одновременно.

— Знаю. Я не могла бы оказаться в более надежных руках.

— Ты уже выбрала, какой костюм хочешь? — Он веером бросил эскизы на стол.

— Нам всем нравится идея с птицей. Думаю, ее навеяла моя подвеска.

Я прикоснулась к тоненькой серебряной цепочке. Эту цепочку с подвеской в виде певчей птицы мне подарил отец, и я предпочитала ее массивным украшениям, которыми нас снабдили во дворце.

— Мне не хочется тебя расстраивать, но, по-моему, Селеста тоже выбрала что-то такое, связанное с птицами. Судя по всему, настрой у нее весьма решительный.

— Ничего страшного, — пожала плечами я. — Если честно, меня все эти перья не очень прельщают. — Улыбка померкла. — Постой. Ты что, был у Селесты?

Он кивнул:

— Заглянул к ней немного поболтать. Боюсь, и к тебе я тоже ненадолго. Отец не в восторге от всей этой затеи, но понимает, что, коль скоро Отбор еще идет, неплохо бы устроить какое-нибудь празднество. И он согласен — это хороший предлог организовать знакомство с вашими семьями, учитывая все обстоятельства.

— Это какие?

— Он хочет кого-нибудь исключить. И я должен буду это сделать после того, как познакомлюсь с родителями всех девушек. Чем раньше они приедут, тем, по его мнению, лучше.

У меня и в мыслях не было, что отчисление одной из нас — часть плана празднования Хеллоуина. Я считала, что это будет просто грандиозная вечеринка. Эта новость меня встревожила, хотя я и твердила себе, что для того нет никаких оснований. О чем я могла тревожиться после нашего вчерашнего разговора? Он казался таким настоящим, как ничто другое до этого.

— Думаю, мне пора идти дальше, — произнес Максон, продолжая рассеянно проглядывать эскизы.

— Ты уже уходишь?

— Не волнуйся, дорогая. Увидимся за ужином.

«Ну да, только за ужином мы с тобой будем не одни».

— Все в порядке? — спросила я.

— Конечно, — заверил он и торопливо чмокнул. В щеку.

— Мне нужно бежать. Еще поговорим.

И с этими словами так же внезапно, как и появился, Максон скрылся.

В воскресенье, за восемь дней до вечеринки по случаю Хеллоуина, во дворце кипела лихорадочная деятельность. Утро понедельника Элита провела в обществе королевы Эмберли, дегустируя и утверждая меню

праздничного угощения. Это была бесспорно самая приятная задача из всех, что нам довелось выполнять за время пребывания во дворце. Однако после обеда Селеста несколько часов отсутствовала в Женском зале. Вернувшись часа в четыре, она объявила, что «Максон передает всем привет».

Во вторник после обеда мы встречали королевскую родню, которая была приглашена на празднества. Но до этого все утро мы наблюдали из окна за тем, как в парке Максон давал Крисс урок стрельбы из лука.

За едой теперь присутствовало множество гостей, приехавших заранее, зато Максон где-то пропал, как и Марли с Натали. Я все больше и больше чувствовала себя дурой. Зря я призналась ему в своих чувствах. С его стороны все это была пустая болтовня, иначе зачем сломя голову бегать по свиданиям со всеми остальными?

К исходу пятницы я почти утратила надежду, когда весь вечер после эфира «Вестей» просидела в своей комнате за роялем в ожидании принца. Он так и не появился.

В субботу решила выбросить все это из головы, поскольку в первой половине дня Элите предписывалось развлекать приезжих дам в Женском зале. А после обеда был назначен очередной урок танцев. Я порадовалась, что моя семья избрала своим поприщем музыку и искусство, поскольку танцовщица из меня оказалась никудышная. Хуже получалось только у Натали. Селеста, разумеется, являла собой воплощение грации. Инструкторы не раз просили ее помочь другим, в результате чего Натали едва не вывихнула лодыжку из-за намеренно неумелой помощи Селесты. Гибкая, точно змея, Селеста твердила, что Натали просто не способна к танцам. Учителя верили ей, но Натали лишь со смехом отмахивалась. Я восхищалась ее умением не принимать близко к сердцу шпильки Селесты.

Аспен присутствовал на всех уроках. Вначале я пыталась его избегать, поскольку не была до конца уверена, что хочу с ним общаться. До меня доходили слухи, что гвардейцы меняются дежурствами с головокружительной скоростью. Одни отчаянно хотели попасть на вечеринку. А вот у других остались дома подружки, которые устроили бы им головомойку, увидев по телевизору своих возлюбленных, танцующих с другими девушками. Тем более что вскоре пятеро из нас должны были освободиться.

Но, поскольку это был наш последний официальный урок, когда Аспен оказался в достаточной близости от меня, чтобы пригласить на танец, я не смогла ему отказать.

— У тебя все в порядке? — спросил он. — Ты была сама не своя, когда

я тебя видел.

— Просто устала, — солгала я. Не обсуждать же с ним свои сердечные дела.

— Это правда? А я был уверен, что меня ждут плохие новости.

— В каком смысле?

Неужели ему было известно что-то, чего не знала я?

Он вздохнул:

— Если ты собираешься сообщить, что я должен отказаться от борьбы за тебя, я не хочу это слышать.

По правде говоря, в последнюю неделю я вообще не вспоминала про Аспена. Я была так поглощена своими несвоевременными признаниями и поспешными выводами, что не могла думать больше ни о чем другом. Выходит, пока я беспокоилась о том, что Максон меня бросит, Аспен волновался, как бы я не поступила точно так же по отношению к нему.

— Дело не в этом, — ответила я уклончиво, чувствуя себя виноватой.

Он кивнул, довольствуясь этим ответом.

— Ай!

— Ох, прости, пожалуйста! — воскликнула я.

Наступать ему на ногу я уж точно не хотела. Усилием воли попыталась сосредоточиться на танце.

— Мер, извини, но танцуешь ты из рук вон плохо.

Он фыркнул, несмотря на то что мой каблук должен был причинить ему боль.

— Знаю, знаю. Я стараюсь, честное слово!

Я принялась скакать по залу, точно слепой лось, пытаюсь компенсировать недостаток грации усердием. Аспен, добрая душа, изо всех сил старался мне помочь. К концу урока мне хотя бы удалось выучить движения. Конечно, нельзя было поручиться, что я не врежу какому-нибудь заезжему дипломату, энергично взмахнув ногой, но я была исполнена решимости приложить все усилия, чтобы этого избежать.

Вообразив себе эту картину, я подумала: ничего удивительного, что Максон пошел на попятный. Как прикажешь вывозить такое позорище в какую-нибудь другую страну, не говоря уж о том, чтобы принимать гостей здесь? Ну какая из меня принцесса?

Я вздохнула и отправилась выпить воды. Аспен двинулся следом. Другие девушки остались в зале.

— Что ж, — начал он. Я быстро оглянулась, чтобы убедиться, что никто за нами не наблюдает. — Можно сделать вывод, что, коль скоро ты переживаешь не из-за меня, ты переживаешь из-за него.

Я опустила глаза и покраснела. До чего же хорошо он меня знал.

— Не стану говорить, что желаю ему успеха, но если он не видит, что ты потрясающая, значит он круглый идиот.

Я улыбнулась, продолжая внимательно разглядывать пол.

— Даже если ты и не станешь принцессой, что с того? Это не сделает тебя менее поразительной. Ты ведь знаешь, что... что...

Он не смог заставить себя договорить, и я отважилась взглянуть ему в лицо.

В глазах Аспена я увидела тысячу возможных концовок, и все они связывали его со мной. Что он все так же готов меня ждать. Что он знает меня как никто другой. Что мы с ним остались прежними. Что несколько месяцев во дворце не могут перечеркнуть двух лет. Что, как бы ни повернулась жизнь, Аспен всегда рядом.

— Аспен, я знаю. Знаю.

Глава 7

Я стояла в шеренге вместе с остальными девушками в величественном вестибюле дворца, покачиваясь на пятках.

— Леди Америка, — прошипела Сильвия, и я немедленно поняла, что веду себя неподобающим образом.

Сильвия, на которую во время Отбора была возложена ответственность за обучение претенденток, каждый наш промах по части хороших манер воспринимала как личное оскорбление.

Я попыталась стоять спокойно. Легко Сильвии шипеть: ей-то вместе с прислугой и гвардейцами можно двигаться. Если бы я имела такую возможность, тоже чувствовала бы себя намного спокойнее.

Наверное, будь Максон где-то поблизости, было бы легче. С другой стороны, может быть, я только больше тревожилась бы. Не давал покоя вопрос: почему после всего того, что между нами произошло, он вдруг словно забыл о моем существовании?

— Идут! — послышались голоса из-за дверей.

Я была не единственной, кто издал радостный возглас.

— Так, девушки! — провозгласила Сильвия. — Не забываем о манерах! Лакеи и горничные, постройтесь у стены, пожалуйста.

Мы изо всех сил старались держаться мило и с достоинством, как учила нас наставница, но стоило родителям Крисс и Марли переступить через порог, как все пошло не по сценарию. Девушки были единственными дочерьми, и их родители слишком истосковались по ним, чтобы беспокоиться о соблюдении этикета. Они с радостными возгласами устремились к чадам. Марли, позабыв про все на свете, опрометью бросилась из шеренги им навстречу.

Родители Селесты вели себя сдержаннее, хотя явно были рады видеть дочь. Она тоже нарушила строй, но куда более церемонно, чем Марли. Родителей Натали и Элизы я даже не заметила, потому что на пороге выросла невысокая фигурка с буйной копной огненно-рыжих волос и принялась обводить глазами вестибюль.

— Мэй! — замахала я ей.

Она услышала мой голос и побежала мне навстречу. Мама с папой спешили следом. Я упала на колени и обняла сестренку.

— Америка! Я просто глазам своим не верю! — затараторила она с восхищением и завистью в голосе. — Какая же ты красавица!

Слова застревали в горле. Я даже с трудом ее различала — все подернулось пеленой слез.

Мгновение спустя я почувствовала крепкие отцовские объятия. А затем, отбросив привычную внешнюю чопорность, к нам присоединилась мама, и мы вчетвером застыли на дворцовом полу.

До меня донесся вздох. Сильвия. Она недовольна, но мне сейчас было на это просто наплевать.

— До чего же я рада, что вы все здесь, — едва восстановив дыхание, заговорила я.

— Мы тоже рады, котенок, — сказал папа. — Ты представить себе не можешь, как мы по тебе скучали.

Он поцеловал меня в макушку. Я извернулась, чтобы покрепче его обнять. До этого мгновения я и сама не отдавала себе отчета в том, как сильно хотела их видеть. Последней я обняла маму. Она казалась на удивление тихой. Странно, что родительница не потребовала отчета о том, как продвигаются дела у нас с Максоном. Но когда я отстранилась, то заметила слезы у нее в глазах.

— Солнышко, ты такая красавица. Прямо как настоящая принцесса.

Я улыбнулась. Приятно, что мама в кои-то веки ничего от меня не требует и не поучает. Сейчас она была просто счастлива, и это значило для меня очень много. Потому что я тоже была счастлива.

Внимание Мэй привлекло что-то позади меня.

— Это он! — ахнула она.

— Хм? — переспросила я, глядя на нее, потом обернулась и увидела, что из-за величественной лестницы на нас смотрит Максон.

Принц с улыбкой подошел к нам, сгрудившимся на полу. Отец немедленно поднялся.

— Ваше высочество, — произнес он с благоговением.

Максон подошел к нему и протянул руку:

— Мистер Сингер, для меня большая честь познакомиться с вами. Я много о вас слышан. И о вас тоже, миссис Сингер.

Он передвинулся к матери, которая уже успела встать и поправить прическу.

— Ваше высочество, — пискнула она ошеломленно. — Прошу прощения за все это. — Она кивнула в сторону нас с Мэй. Мы тоже поднялись, но все еще держались друг за друга.

Максон фыркнул:

— Вам не за что извиняться. Иного я от родственников леди Америки и не ожидал, — ну вот, теперь мама точно потребует у меня объяснений. —

А вы, должно быть, Мэй.

Сестра покраснела и протянула ему руку для рукопожатия, но вместо этого он поднес ее к губам.

— Я так и не поблагодарил вас за то, что вы тогда не заплакали.

— Что-что? — переспросила она в замешательстве и покраснела еще больше.

— Вам никто не рассказал? — весело произнес Максон. — Мое первое свидание с вашей милой сестрой состоялось исключительно благодаря вам. Я перед вами в неоплатном долгу.

Мэй хихикнула в ответ:

— Всегда пожалуйста.

Максон заложил руки за спину, вспомнив о своих обязанностях хозяина.

— Боюсь, я должен поприветствовать остальных, но прошу вас на минуту задержаться. Я намерен сделать для всех одно небольшое объявление. Надеюсь, скоро нам представится случай поговорить подольше. Очень рад, что вы смогли приехать.

— В жизни он еще более классный! — громким шепотом сообщила мне Мэй. Судя по тому, как дрогнули плечи Максона, он все слышал.

Он подошел к родным Элизы, которые были, без сомнения, самой утонченной группой из всех. Ее старшие братья стояли навытяжку, точно гвардейцы, а родители поклонились Максону, когда тот приблизился. Интересно, это Элиза им велела или просто такое поведение у них в крови? Они все были до того лощеные, с одинаковыми черными волосами и одинаково безукоризненно одетые.

— Что он имел в виду, когда сказал, что не ожидал от нас иного? — шепотом осведомилась мама. — Это потому, что ты накричала на него при первой встрече? Ты ведь больше так себя не вела?

Я вздохнула:

— Вообще-то, мама, мы с Максоном нередко спорим.

— Что?! — ахнула она. — Чтобы не смела больше этого делать!

— Ах да, а еще я как-то раз ударила его коленом в пах.

В следующее мгновение Мэй залилась хохотом. Она зажала рот руками и попыталась остановиться, но смех рвался у нее из груди судорожными всхлипами. Папа крепко сжимал губы, но я видела, что он тоже с трудом сдерживается.

Мама побелела как снег:

— Америка, ведь это шутка? Скажи, что ты не набрасывалась на принца.

Не знаю почему, но слово «набрасывалась» стало последней каплей. Мы с Мэй и папой согнулись пополам от хохота. Мама только глазами захлопала.

— Мама, прости, — выдавила я.

— Ох, боже милосердный.

Тут она вдруг резко засобиралась познакомиться с родителями Марли, и я не стала ее удерживать.

— Значит, принц предпочитает девушек, которые не боятся дать ему отпор, — произнес папа, когда мы все успокоились. — Теперь он нравится мне еще больше.

Отец принялся оглядываться, любуясь дворцовым великолепием, а я задумалась. Сколько раз за те годы, что мы с Аспеном тайком встречались, они с папой оказывались в одном помещении? Как минимум с десятков, если не больше. И меня не волновало, одобрит он Аспена или нет. Я понимала, что получить от него согласие на брак с представителем низшей касты будет нелегко, но всегда была уверена, что в конечном счете он его даст.

Но почему-то на этот раз напряжение не оставляло меня. Несмотря на то что Максон был Единицей и брак с ним гарантировал нашей семье безбедное существование, я вдруг осознала, что он может не понравиться моему отцу. Папа не принадлежал к числу повстанцев, он не поджигал дома и все такое прочее. Но я понимала: он недоволен существующим положением вещей. А вдруг он перенесет это недовольство на Максона? Вдруг заявит, что я не должна выходить за принца? Однако прежде, чем я успела с головой погрузиться в эти размышления, Максон поднялся на несколько ступеней по лестнице, чтобы видеть всех собравшихся.

— Я хочу еще раз поблагодарить вас за то, что приехали. Мы счастливы принять вас во дворце не только для того, чтобы отпраздновать первый Хеллоуин в Иллеа за многие десятилетия, но и для того, чтобы познакомиться со всеми вами. К сожалению, мои родители не смогли присутствовать здесь, но в самое ближайшее время вы с ними встретитесь. Сегодня вечером матери и сестры Элиты, как и сами девушки, приглашены на чай к моей матери. Прием состоится в Женском зале. Ваши дочери проводят вас туда. А джентльменам будут предложены сигары в обществе моего отца и меня самого. За вами будут посланы слуги, так что можете не бояться, что заблудитесь. Сейчас горничные проводят вас в комнаты, отведенные вам на время вашего пребывания во дворце, и снабдят всей одеждой, необходимой как для приема, так и для праздника, который должен состояться сегодня вечером.

Принц быстро помахал нам рукой и удалился по своим делам.

Рядом с нами практически мгновенно материализовалась горничная.

— Мистер и миссис Сингер? Я пришла проводить нас и вашу дочь в ваши комнаты.

— Но я хочу жить вместе с Америкой! — уперлась Мэй.

— Милая, я уверена, что наша комната ничуть не хуже, чем у Америки. Разве ты не хочешь взглянуть на нее? — попыталась уговорить ее мама.

Мэй обернулась ко мне:

— Пожалуйста, я хочу пожить точно так же, как живешь ты! Хотя бы немножко. Можно, я буду жить вместе с тобой?

Я вздохнула. Что поделаешь, придется на несколько дней отказаться от возможности побыть в одиночестве. Сказать «нет», глядя в эти глаза, я не могла.

— Вот и славненько. Может, когда нас станет двое, моим служанкам наконец будет чем заняться.

Мэй немедленно задушила меня в объятиях, так что моя жертва перестала мне казаться такой уж большой.

— Что еще нового ты узнала? — поинтересовался папа.

Я взяла его под руку. Непривычно было видеть отца в официальной одежде. Если бы я не наблюдала его тысячи раз за работой в заляпанном красками комбинезоне, то могла бы поклясться, что он Единица по рождению. В этом строгом костюме он казался таким молодым и элегантным. Даже словно бы вырос.

— По-моему, я пересказала тебе все, что нам поведали о нашей истории. И про то, что президент Уоллис стал последним главой Соединенных Штатов, а потом возглавил Американский штат Китая. Я про него вообще не знала, а ты?

Папа кивнул:

— Ваш дедушка рассказывал мне о нем. Слышал, он был достойным человеком, но в сложившейся ситуации поделаться ничем не смог.

Правду об истории Иллеа я узнала, только попав во дворец. Историю нашей страны почему-то передавали главным образом из уст в уста. Я кое-что о ней слышала, но все эти сведения были весьма отрывочными. За последние несколько месяцев я получила прекрасное образование. Соединенные Штаты потеряли независимость в начале Третьей мировой войны, после того как не смогли выплатить долг Китаю, достигший астрономических цифр. Вместо того чтобы вернуть себе деньги, которых у Соединенных Штатов, впрочем, и не было, китайцы ввели на территории

США свое управление, основав Американский штат Китая, и стали использовать местное население в качестве рабочей силы. В итоге Соединенные Штаты восстали не только против Китая, но и против России, которая тоже хотела заполучить американских рабочих, объединившись с Канадой, Мексикой и несколькими странами Латинской Америки. Так разразилась Четвертая мировая война, и хотя мы не только выстояли в ней, но и основали новое государство, ее экономические последствия оказались разрушительными.

— Максон рассказывал, что перед самой Четвертой мировой у людей практически вообще ничего не было.

— Он прав. В том числе и по этой причине наша кастовая система так несправедлива. Многие попросту ничего не смогли предложить в качестве помощи, поэтому столько народу оказалось в низших кастах.

Мне не очень хотелось погружаться в эту тему, потому что от таких разговоров папа обычно распалялся. Не то чтобы он был неправ — система каст действительно несправедлива, — но это посещение было нечаянной радостью, и мне не хотелось тратить время на дискуссии о вещах, изменить которые нам не под силу.

— Кроме основ истории, нас учат главным образом этикету. Сейчас пошел уклон в дипломатию. Думаю, скоро придется иметь дело с иностранными послами, если на это делают такой упор. Я имею в виду — тем из нас, кто останется.

— Останется?

— Выяснилось, что одну из девушек отправят домой вместе с родителями. После знакомства со всеми вами Максон должен будет кого-то отчислить.

— У тебя грустный голос. Ты думаешь, он отправит тебя домой? — (Я пожала плечами.) — Так-так. За столько времени ты уже должна была понять, нравишься ты ему или нет. Если нравишься, тебе не о чем тревожиться. А если нет, зачем тебе здесь оставаться?

— Наверное, ты прав.

Он остановился:

— И как обстоит дело?

Мне было как-то неловко обсуждать эту тему с папой, но беседовать об этом с мамой я бы тем более не стала. А уж от Мэй ждать разумных суждений относительно Максона вообще смешно.

— Думаю, я ему нравлюсь. Во всяком случае, он так говорит.

Папа рассмеялся:

— Ну, значит, твое дело в шляпе.

— Да, но в последнее время он держится немного... отчужденно.

— Америка, милая, он ведь принц. Может, он озабочен принятием каких-нибудь законов или еще чем-нибудь в этом духе.

Я не знала, как объяснить ему, что на всех остальных, судя по всему, время у него находится. Это было слишком унижительно.

— Наверное.

— Кстати, о законах. Вам уже об этом рассказывали? О том, как пишутся законопроекты?

Эта тема тоже меня не вдохновляла, зато, по крайней мере, не имела отношения к моим сердечным делам.

— Пока что нет. Но мы читаем кучу таких законопроектов. Иногда в них сложно разобраться, но Сильвия, та женщина, что была внизу, — она наша наставница или что-то вроде того — пытается объяснять нам разные вещи. И Максон тоже никогда не отказывается помочь, если его попросить.

— Правда?

Папа, похоже, обрадовался.

— Ну да. Мне кажется, для него важно, чтобы каждая из нас считала, что может достичь успеха, понимаешь? Он очень здорово все объясняет. Он даже.... — Я заколебалась. Про потайную комнату с книгами никому говорить нельзя. Но ведь это мой папа. — Послушай, ты должен дать слово, что не скажешь про это ни одной живой душе.

Он фыркнул:

— Кроме мамы, я больше ни с кем не говорю, а поскольку всем известно, что она не умеет хранить секреты, даю слово, что ничего ей не скажу.

Я захихикала. Представить, как мама пытается удержать язык за зубами, решительно невозможно.

— Мне ты можешь доверять, котенок. — Он слегка приобнял меня.

— Во дворце есть потайная комната, битком набитая книгами! — поведала я ему вполголоса, предварительно оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. — Там есть запрещенные книги и карты мира, старинные, на которых все страны нарисованы, как они были раньше. Папа, я и не знала, что их было столько! А еще там есть компьютер! Ты когда-нибудь в своей жизни видел компьютер? — (Он изумленно покачал головой.) — Это просто потрясающе. Ты печатаешь, что хочешь найти, и он ищет это во всех книгах в комнате и выдает результат.

— Каким образом?

— Я не знаю, но именно так Максон выяснил, что представлял собой

Хеллоуин. Он даже....

Я снова оглядела зал. Потом решила, что папа, конечно, никому не скажет про потайную библиотеку, но сообщать ему о том, что одна из запрещенных книг спрятана у меня в комнате, будет уже слишком.

— Что «даже»?

— Он даже разрешил мне посмотреть одну из них.

— Ого, как интересно! И что там было? Можешь рассказать?

Я закусила губу:

— Это был один из томов личных дневников Грегори Иллеа.

От неожиданности папа даже рот разинул:

— Америка, это просто невероятно. И что там написано?

— О, я не дочитала до конца. Меня главным образом интересовало, что такое Хеллоуин.

Он обдумал мои слова и покачал головой:

— Ну и почему ты тревожишься? Максон явно доверяет тебе.

— Наверное, ты прав, — вздохнула я, чувствуя себя по-дурацки.

— Потрясающе, — выдохнул он. — Значит, где-то во дворце есть потайная комната?

Он взглянул на стены с таким видом, как будто впервые их узрел.

— Ты себе не представляешь, сколько во дворце секретов. Потайные дверцы и панели тут буквально на каждом шагу. Если я сейчас возьму и поверну эту вазу, мы с тобой, чего доброго, провалимся в какой-нибудь люк в полу.

— Гм, — протянул он шутливо. — Пожалуй, когда я пойду обратно в комнату, буду вести себя осторожней.

— Кстати, тебе, наверное, скоро уже надо будет идти. Я должна подготовить Мэй к чаепитию у королевы.

— Ах да, вы же тут только и делаете, что распиваете чай с королевой, — пошутил он. — Ладно, котенок. Увидимся вечером за ужином. Ну-ка, как нужно себя вести, чтобы не угодить в потайной люк? — поинтересовался он вслух, выставив перед собой на всякий случай руки.

Очутившись на лестнице, он нерешительно положил ладонь на перила.

— Ну вот, теперь мы знаем, что это безопасно.

— Спасибо, папа.

Я покачала головой и направилась в свою комнату, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься вприпрыжку. До чего же здорово, что приехали родные! Если Максон все-таки не отправит меня домой, расстаться с ними будет невыносимо трудно. Я завернула за угол и увидела, что дверь моей комнаты распахнута.

— И какой он был? — услышала я голос Мэй.

— Очень красивый. Во всяком случае, для меня. У него были волнистые волосы, и они вечно не желали лежать нормально. — Мэй прыснула, и Люси, которая рассказывала это, тоже. — Несколько раз мне даже удалось запустить в них руки. Иногда я это вспоминаю. Не так часто, как раньше.

Я на цыпочках подобралась поближе, не желая спугнуть их.

— Ты до сих пор по нему скучаешь? — спросила Мэй, живо интересовавшаяся всем, что было связано с мальчиками.

— Все меньше и меньше, — призналась Люси, но в голосе при этом звучала надежда. — Когда я только здесь оказалась, думала, умру от боли. Я мечтала, как сбегу из дворца и вернусь к нему, но это были всего лишь мечты. Я ни за что не бросила бы отца, и потом, даже если бы мне и удалось выбраться за дворцовые степы, то я все равно не смогла бы отыскать дорогу назад.

Я немного знала историю жизни Люси. Ее семья продалась в услужение Тройкам, чтобы оплатить матери Люси операцию. Но в конце концов бедная женщина все равно умерла, а когда хозяйка узнала, что ее сын влюблен в Люси, то продала их с отцом во дворец.

Мэй и Люси устроились на постели. В распахнутую балконную дверь веял напоенный садовыми ароматами ветерок. Сестра вписалась в дворцовую обстановку совершенно непринужденно, словно жила здесь с самого рождения. Дневное платье, будто влитое, облегло фигурку. Она заплетала пряди волос Люси в косички, тогда как основная масса свободно ниспадала на плечи. Я никогда не видела Люси ни с какой другой прической, кроме тугого узла на затылке. С распущенными волосами она выглядела милой, юной и беззаботной.

— Как это — кого-то любить? — спросила Мэй.

Я почувствовала укол ревности. Почему она ни разу не задала этот вопрос мне? Потом вспомнила, что про мою любовь к Аспену не было известно никому, и Мэй в том числе.

Люси печально улыбнулась:

— Это самое прекрасное и ужасное, что может с тобой случиться. Ты понимаешь, что нашла нечто поразительное, и хочешь, чтобы оно оставалось с тобой всегда, и каждую секунду боишься, что можешь это потерять.

Я тихонько вздохнула. Она была совершенно права. Любовь — это прекрасный страх. Мне не хотелось углубляться в мысли о возможности потери, поэтому я вошла в комнату.

— Люси! Какая красота у тебя на голове!

— Вам нравится? — Она осторожно коснулась пальцами тонких косичек.

— Это настоящее чудо. Мэй и меня тоже все время заплетала. Она мастерица по этой части.

Мэй пожала плечами:

— А что мне еще оставалось делать? На кукол у нас денег вечно не оказывалось, так что вместо куклы у меня была Амер.

— Ну, — сказала Люси, поворачиваясь к ней лицом, — пока вы здесь, будете нашей куколкой. Мы с Мэри и Энн сделаем из вас красавицу не хуже королевы.

Мэй склонила голову набок.

— С ней мне не сравниться. — Она быстро обернулась ко мне. — Только маме не говори, что я так сказала.

Я прыснула:

— Не скажу. Но сейчас нам пора собираться. Чаепитие уже совсем скоро.

Мэй восторженно захлопала в ладошки и бросилась к зеркалу. Люси собрала волосы в узел, умудрившись не распустить при этом косички, и приладила прямо поверх них чепец. Я не могла ее винить за то, что ей хотелось побыть в таком виде подольше.

— Кстати, мисс, вам письмо, — спохватилась Люси и осторожно передала мне конверт.

— Спасибо, — поблагодарила я, совершенно ошарашенная. Практически все, кто мог мне писать, сейчас находились рядом. Я надорвала его и пробежала глазами записку, с первых же букв узнав этот небрежный почерк.

Америка,

я с опозданием узнал, что семьи Элиты были недавно приглашены во дворец и что наши родители с Мэй отправились навестить тебя. Я понимаю, что Кенна в ее деликатном положении не может путешествовать, Джерард еще слишком мал. Однако я никак не могу понять, почему в числе приглашенных не оказалось меня. Америка, я ведь твой брат.

Единственная мысль, которая приходит мне в голову, что это наш отец предпочел оставить меня в стороне. Очень надеюсь, что эта инициатива исходила не от тебя. Мы с тобой сейчас на пороге великих перемен и можем быть весьма полезны друг другу.

Если членам твоей семьи когда-либо еще будут предложены какие-либо привилегии, не забывай про меня. Мы можем помочь друг другу.

Ты, случайно, не замолвила за меня словечко принцу? Я просто интересуюсь.

Жду твоего ответа.

Кота

Меня так и подмывало смять письмо и отправить его в мусорную корзину. Я-то думала, что Кота оставил свои честолюбивые мечты пробраться в высшее общество и научился довольствоваться успехом, которого уже достиг. Зря надеялась. Я сунула письмо в один из ящиков комода и решила, что не буду больше думать о нем. Не хватало только, чтобы его зависть испортила мне радость от приезда родных.

Люси звонком вызвала Энн с Мэри, и мы занялись приготовлениями. Кипучая энергия Мэй, казалось, передалась всем. Я поймала себя на том, что пела, пока мы одевались. Вскоре явилась мама и потребовала, чтобы мы все посмотрели на нее свежим взглядом и сказали, все ли у нее в порядке. Выглядела она, разумеется, безупречно. Она пониже и слегка полнее королевы, но в своем платье казалась ничуть не менее царственной. Когда мы двинулись по лестнице вниз, Мэй с печальным видом сжала мой локоть.

— Что случилось? Ты не хочешь познакомиться с королевой?

— Хочу. Просто...

— Что?

Она вздохнула:

— Просто я не представляю, как после всего этого возвращаться к обычной жизни.

В Женском зале царило оживление. Мэй в уголке болтала с Лэйси, сестрой Натали, с которой они были почти ровесницами. Лэйси удивительно походила на сестру! Обе тоненькие, светловолосые и миловидные. Там, где мы с Мэй оказывались полными противоположностями, Натали и Лэйси обнаруживали поразительное сходство. Правда, Лэйси показалась мне чуть менее чудаковатой. Не настолько не от мира сего, как ее сестра.

Королева расхаживала по залу, останавливаясь побеседовать с матерями всех девушек, расспрашивала их в своей милой манере. Как будто наши жизни были ничуть не менее интересными, чем ее собственная. Я вместе с другими слушала рассказ матери Элизы об их родственниках в

Новой Азии, когда Мэй потянула меня за платье в сторону.

— Мэй! — прошипела я. — Ты что творишь? Так себя не ведут, особенно в присутствии королевы!

— Ты должна это видеть! — настаивала она.

На наше счастье, поблизости не было Сильвии. С нее стало бы отчитать Мэй за подобную выходку, несмотря на то что девочку никто не учил хорошим манерам. Мы подошли к окну, и Мэй указала на что-то за стеклом:

— Смотри!

Я пригляделась и различила за кустами и фонтанами два мужских силуэта. В одном я признала отца. Он то ли объяснял, то ли спрашивал что-то, увлеченно размахивая руками. Другой принадлежал Максону. Прежде чем отвечать, принц всякий раз на некоторое время задумывался. Они медленно прохаживались по дорожке. Периодически папа засовывал руки в карманы, а Максон закладывал за спину. О чем бы ни был этот разговор, он казался серьезным.

Я огляделась по сторонам. Все женщины были полностью поглощены происходящим — шутка ли, ока заться в обществе самой королевы, — и на нас никто не обращал никакого внимания.

Максон остановился напротив папы и с решительным выражением лица принялся что-то неторопливо ему втолковывать. При этом в его позе не было ни враждебности, ни гнева. Папа помедлил, потом протянул руку. Максон улыбнулся и энергично пожал ее. Похоже, оба при этом испытали облегчение, и мгновение спустя папа хлопнул Максона по спине. Принц сразу весь как-то напрягся. Он явно не привык к чужим прикосновениям. Но потом отец обнял его за плечи, как когда-то меня и Коту, как обнимал всех своих детей. Это, похоже, Максону понравилось.

— О чем они говорили? — вслух спросила я.

Мэй пожала плечами:

— Не знаю, но вроде о чем-то важном.

— Кажется, да.

Мы немного постояли у окна, чтобы узнать, будет ли Максон беседовать еще с чьим-нибудь отцом, но если такой разговор и состоялся, то не в саду.

Глава 8

Празднование Хеллоуина было организовано с размахом, как Максон и обещал. Когда мы с Мэй вступили в Главный зал, его великолепие меня поразило. Украшения на стенах, подвески на люстрах, чашки, тарелки, даже еда — все сверкало позолотой. Это было поистине прекрасно.

Из динамиков лилась популярная музыка, но в углу уже ждал небольшой оркестр, который должен был аккомпанировать во время танцев. Повсюду поблескивали объективы фото- и видеокамер. Без сомнения, это празднество станет гвоздем завтрашней телепрограммы. Наверняка подобного по размаху бала еще не случалось. Я мимолетно задумалась, что же устроят во дворце на Рождество. Впрочем, к тому времени меня может здесь уже и не оказаться.

Наряды у всех оказались поистине роскошными. Марли в костюме ангела танцевала с офицером Вудворком. У нее за спиной даже были крылья, сделанные из чего-то вроде переливающейся бумаги. Селеста в коротком платье из перьев с плюмажем на голове изображала павлина. Крисс и Натали держались вместе, и костюмы у них, похоже, задумывались как парные. Лиф платья Натали украшали живые цветы, а пышная юбка из голубого тюля подрагивала от малейшего движения. У Крисс платье было золотое, все покрыто ниспадающими листьями. Судя по всему, они представляли весну и осень. Мне понравился замысел. Элиза на полную катушку воспользовалась своими азиатскими корнями. Ее шелковое платье — преувеличенно роскошная версия ее излюбленного скромного фасона. Драпирующиеся рукава выглядели невероятно зрелищно, а уж как ей удавалось ходить с такой пышной прической, для меня настоящая загадка. В обычные дни Элиза одевалась довольно неприметно, но сегодня выглядела изумительно, почти царственно.

Все собравшиеся облачились в необычные костюмы, и гвардейцы не уступали гостям. Я увидела бейсболиста, ковбоя, какого-то малого с беджиком, на котором значилось имя Гаврил Фадей, а один из них даже отважился нарядиться в дамское бальное платье. Он был окружен хохочущими во все горло девушками. Впрочем, большинство гвардейцев явились просто в парадной форме — отутюженных белых брюках и синих мундирах. Они были в перчатках, но без фуражек, чтобы отличаться от тех, что стояли на посту, охраняя зал по периметру.

— Ну, что скажешь? — спросила я у Мэй.

Как оказалось, сестра уже успела раствориться в толпе. Я рассмеялась и оглядела зал в поисках ее пышного платья. Когда она заявила, что желает пойти на праздник в костюме невесты — как по телевизору показывают, — я подумала, что это шутка. Впрочем, белая фата была изумительно ей к лицу.

— Леди Америка, добрый вечер, — шепнул кто-то мне на ухо.

Я вздрогнула и, обернувшись, увидела рядом Аспена в парадной форме.

— Ты меня напугал!

Я прижала руку к сердцу, как будто это могло унять его бешеный стук. Аспен лишь фыркнул.

— Мне нравится твой костюм, — весело сообщил он.

— Спасибо. Мне он тоже нравится.

Энн превратила меня в бабочку. Мое платье было приспособлено сзади, невесомый материал с черной каймой окутывал тело пышным облаком. Лицо же скрывала маска в виде крылышек, отчего я чувствовала себя загадочной.

— Почему ты пришел не в костюме? — спросила я. — Неужели совсем не смог ничего придумать?

— Предпочитаю мундир, — пожал он плечами.

— Понятно.

Мне на его месте было бы жаль упускать такой случай посумасбродничать. В этом отношении у Аспена возможностей куда меньше, чем у меня. Неужели ему не хотелось повеселиться?

— Я просто подошел поздороваться, узнать, как у тебя дела.

— Хорошо, — поспешно ответила я.

Мне почему-то стало неловко.

— Ясно, — сказал он, явно слегка задетый. — Что ж, замечательно, раз так.

Может, после своей позавчерашней речи он ожидал услышать от меня что-то большее, но я пока не была готова дать ему какой-то определенный ответ. Он поклонился и отошел в сторону перекинуться словечком с другим гвардейцем. Тот по-братски его обнял. Интересно, а ему служба в гвардии тоже давала то чувство плеча, которое мне дало участие в Отборе?

Почти сразу же после этого Марли с Элизой отыскивали меня и потащили танцевать. Пока я раскачивалась в танце, пытаюсь ни в кого не врезаться, на глаза снова попался Аспен. Он стоял чуть поодаль от танцующих и о чем-то беседовал с мамой и Мэй. Мама поглаживала Аспена по рукаву, как будто пытаюсь его расправить, а Мэй прямо-таки

сияла. Наверное, они говорили, какой он красивый в своей парадной форме и как гордилась бы им его мать, если бы могла его сейчас видеть. Он улыбнулся в ответ — ему было приятно это слышать. Мы с Аспеном редкие птицы. Пятерка и Шестерка, волею судьбы вырванные из монотонной круговерти и перенесенные во дворец. Отбор настолько круто изменил мою жизнь, что порой я забывала поблагодарить судьбу за этот опыт.

Я танцевала в кругу с остальными девушками и гвардейцами, пока музыка не закончилась и не заговорил диджей.

— Дамы и господа, поприветствуем короля Кларксона, королеву Эмберли и принца Максона Шрива!

Грянул оркестр, дамы присели в реверансе, а мужчины склонили головы в поклоне, приветствуя монаршее семейство. Король был одет как король, только другой страны. Я не очень поняла, какой именно. Королева нарядилась в темно-синее платье, причем такого темного оттенка, что оно казалось почти черным. Платье было усеяно россыпью драгоценных камней и походило на ночное небо.

А Максон, как это ни забавно, облачился в костюм пирата. На нем были рваные штаны и мешковатая рубаша с жилеткой поверх, голова повязана банданой. Для большего эффекта он еще и не брился пару дней, так что его подбородок был покрыт темной щетиной.

Потом диджей попросил нас освободить танцевальную площадку, и монаршая чета исполнила первый танец. Максон стоял рядом с Натали и Крисс и по очереди нашептывал что-то на ушко то одной, то другой. Видимо, это было что-то смешное, потому что обе смеялись.

Наконец я увидела, как он принялся обводить взглядом зал. Не знаю, меня он искал или нет, но не хотелось, чтобы принц заметил, как я на него тарашусь. Я взбила платье и принялась смотреть на его родителей. Вид у них был очень счастливый.

Я задумалась об Отборе. Какой бы безумной ни выглядела его идея, с результатом не поспорить. Король Кларксон и королева Эмберли просто созданы друг для друга. Он казался грозным правителем, а она — умиротворяющим началом. Она умела молчать и слушать, а ему всегда было что сказать. Несмотря на то что вся эта затея должна казаться архаичной и неправильной, она работала. Интересно, во время их Отбора они тоже отдалялись друг от друга, как Максон сейчас отдалился от меня? Почему он не сделал ни одной попытки увидеться со мной, хотя постоянно встречался с остальными девушками? Может, именно поэтому он вызвал на разговор моего отца? Чтобы объяснить ему, почему должен отправить меня домой? Максон всегда вел себя учтиво, так что такой поступок был бы

вполне в его духе.

Я принялась выглядывать в толпе Аспена. Его нигде не было видно, зато я заметила, что папа наконец-то появился и стоит рука об руку с мамой в противоположном конце зала. Мэй пробралась к Марли и устроилась прямо перед ней. Марли сестринским жестом обнимала ее за плечи, и их белые платья сияли в свете люстр. То, что они успели так сблизиться меньше чем за сутки, меня не удивляло. Я вздохнула. Да где же Аспен?

В последней попытке отыскать его я оглянулась через плечо. Там он и оказался, чуть позади, на страже моей безопасности, как обычно. Когда наши глаза встретились, он подмигнул мне, и у меня вдруг улучшилось настроение.

После того как король с королевой завершили танец, мы все хлынули на площадку. Гвардейцы засновали в толпе, непринужденно вставая в пары с девушками. Максон по-прежнему стоял у стены в обществе Натали и Крисс. Может, он все-таки пригласит меня? Приглашать его первой я точно не намеревалась. Собрав в кулак все свое мужество, я оправила платье и двинулась в его направлении. Я решила, что, по крайней мере, стоит дать ему возможность пригласить меня. Пробираясь по площадке, я продумывала, как вклинюсь в их разговор. Но едва я успела приблизиться к ним настолько, чтобы это стало возможным, Максон пригласил Натали на танец.

Она рассмеялась и склонила белокурую головку набок, как будто на свете не было ничего более само собой разумеющегося. Я с каменным лицом прошествовала мимо них, устремив взгляд на блюдо с шоколадными конфетами, как будто они с самого начала были моей целью. Поедая вкуснейшее лакомство, я стояла спиной к залу и надеялась, что никто не заметит, как густо я покраснела.

Оркестр сыграл уже с полдюжины песен, когда рядом со мной вырос офицер Вудворк. Как и Аспен, он предпочел остаться в мундире.

— Леди Америка, — с поклоном произнес он. — Могу я просить вас подарить мне этот танец?

В его голосе было столько радости и теплоты, что отказать было невозможно. Я непринужденно взяла его за руку:

— Безусловно, сэр. Но должна вас предупредить, что танцую я не слишком хорошо.

— Ничего страшного. Мы будем танцевать медленно.

Улыбка у него была такая располагающая, что я отбросила все волнения по поводу собственной неловкости и радостно последовала за ним на площадку.

Танец был веселый, под стать настроению офицера.

— Похоже, вы полностью оправились после того, как я чуть не затоптал вас, — пошутил он.

Двигаясь, Вудворк не умолкал, и угнаться за ним оказалось очень трудно. Вот тебе и «медленно».

— Что ж вы так плохо старались, — шуткой на шутку ответила я. — Если бы я превратилась в лепешку, мне сейчас хотя бы не пришлось танцевать.

Он рассмеялся:

— Вы действительно забавная, не зря про вас так говорят. Я слышал, принц тоже выделяет именно вас, — добавил Вудворк таким тоном, будто это было нечто общеизвестное.

— Мне ничего не известно.

С одной стороны, мне до смерти надоело слышать подобные заявления от людей. С другой — в глубине души очень хотелось, чтобы это оказалось правдой.

Бросив взгляд поверх плеча Вудворка, я увидела Аспена, который танцевал с Селестой, и ощутила легкий укол.

— Такое впечатление, что вы хорошо ладите практически со всеми. Мне даже говорили, что во время последнего нападения повстанцев вы взяли своих служанок с собой в убежище для королевской семьи. Это правда?

Голос у него был изумленный. Мне тогда казалось совершенно естественным попытаться защитить девушек, которых я любила. Все почему-то сочли мой порыв необычным и отважным.

— Не могла же я их бросить!

— Вы настоящая леди, мисс. — Он с восхищением покачал головой.

— Спасибо. — Я покраснела.

К моменту, когда закончила играть музыка, я совершенно запыхалась, поэтому присела отдышаться рядом с одним из многочисленных столиков, там и сям расставленных в зале. Я потягивала апельсиновый пунш и обмахивалась салфеткой, разглядывая остальных танцоров. Максон теперь танцевал с Элизой. Судя по всему, обоим было очень весело. Это уже второй его танец с Элизой. Ко мне он за все это время даже не подошел.

Отыскать в толпе Аспена оказалось нелегко — слишком много вокруг было синих мундиров, — но в конце концов я все-таки его увидела. Он разговаривал с Селестой. Она подмигнула ему, ее губы изогнулись в кокетливой улыбке.

Что она о себе возомнила?! Я решительно поднялась, чтобы объяснить

ей, что к чему, но вовремя сообразила, чем это закончится для нас с Аспеном. Пришлось снова сесть и продолжить пить свой пунш. Однако к тому времени, когда танец закончился, я уже была на ногах и успела подобраться достаточно близко к Аспену, чтобы он мог, не вызывая ничьих подозрений, пригласить меня на танец.

Именно так он и поступил, на его счастье, — в противном случае я бы точно вышла из себя.

— Что это было? — спросила я его негромко, но с kloкочущей яростью в голосе.

— Что «это»?

— Почему ты позволил Селесте себя лапать?

— Кто-то ревнует, — шепнул он мне на ухо.

— Послушай, прекрати! Она не должна так себя вести, это против правил!

Я огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто не видит, как горячо мы переговариваемся, в особенности мои родители. Я заметила, что мама болтает с матерью Натали. Папа куда-то исчез.

— И это говоришь ты! — Он шутливо закатил глаза. — Если мы больше не вместе, ты не можешь указывать, с кем мне общаться.

— Ты ведь знаешь, что это не так, — поморщилась я.

— А как? — прошептал он. — Я не знаю, бороться мне за тебя или отойти в сторону. — Он покачал головой. — Сдаваться я не хочу, но если мне не на что надеяться, скажи об этом.

Сохранять спокойное выражение лица ему явно было не просто, а в голосе звучали печальные нотки. Но мне тоже больно. При мысли о том, что всему этому придет конец, щемило сердце.

— Он избегает меня, — вздохнула я. — Здоровается, конечно, но на свидания ходит с другими. Наверное, я просто напридумывала себе, что нравлюсь ему.

Аспен даже замер на миг посреди танца, потрясенный моими словами. Потом быстро взял себя в руки и взгляделся в мое лицо.

— Я понятия ни о чем не имел, — произнес он негромко.

— Ну, то есть ты же знаешь, что я хочу, чтобы мы были вместе, но я боялся причинить тебе боль.

— Спасибо. — Я пожала плечами. — Самое обидное в этом то, что теперь я чувствую себя душой.

Аспен притянул меня чуть ближе к себе, выдерживая тем не менее приличествующее расстояние, хотя я видела, что ему этого не хотелось.

— Мер, поверь мне, дурак — это тот мужчина, который по

собственной воле отказывается от шанса быть с тобой.

— Но ведь ты сам пытался меня бросить, — напомнила я ему.

— Потому-то я и знаю, — с улыбкой отозвался он.

Я порадовалась, что мы наконец можем шутить по этому поводу.

Выглянув из-за плеча Аспена, я обнаружила, что Максон танцует с Крисс. Опять. Неужели меня он не пригласит ни разу?

— Знаешь, что мне напоминает этот танец? — шепнул Аспен мне на ухо.

— Что?

— Вечеринку по случаю шестнадцатилетия Ферн Талли.

Я посмотрела на него как на ненормального. Эту вечеринку я отлично помнила. Ферн была Шестеркой и иногда помогала нам по хозяйству, если мама Аспена бывала слишком занята и не могла выкроить для нас время. Шестнадцать лет ей исполнилось месяцев через семь после того, как мы с Аспеном начали встречаться. Мы оба были в числе приглашенных на день рождения. Вечеринкой это можно назвать лишь с большой натяжкой. На столе пирог и вода, музыка по радио, потому что никаких дисков у нее не было, и полутьма в ее не-отремонтированном подвале. Соль в том, что до этой вечеринки мне приходилось бывать только на семейных праздниках. Здесь же собрались соседские подростки, одни, без взрослых, и это было головокружительное ощущение. Однако же та вечеринка ни в какое сравнение не шла с роскошным балом, на котором мы присутствовали сейчас.

— Это чем же она может напоминать этот праздник? — с недоверием в голосе спросила я.

Аспен сглотнул:

— Мы с тобой танцевали. Помнишь? Я был так горд, что держу тебя в объятиях на глазах у других людей. Несмотря на то что танец в твоём исполнении выглядел так, как будто с тобой приключился припадок. — Он подмигнул мне.

Его слова разбредили душу. Я не забыла тот танец. Воспоминаниями о нем я жила потом еще несколько недель. В одно мгновение в мое сознание хлынули тысячи секретов, которые мы с Аспеном придумывали и хранили: имена, выбранные для наших воображаемых детей; домик на дереве; чувствительное местечко у него на шее сзади, которое я так любила щекотать; записки, предназначенные друг другу и оставленные в условленных местах; мои тщетные попытки варить домашнее мыло; игры в крестики-нолики, которые мы чертили пальцами у него на животе, немедленно забывая, какой только что был сделан ход... В тех играх он

всегда позволял мне побеждать.

— Мер, пообещай, что подождешь меня. Если ты будешь ждать, я справлюсь со всем на свете, — выдохнул он мне в ухо.

Оркестр заиграл национальную мелодию, и один из стоявших рядом гвардейцев пригласил меня на танец. Мы закружились по площадке, оставив не только Аспена, но и меня саму без ответа.

Праздник шел своим чередом, и я поймала себя на том, что то и дело посматриваю на Аспена. Хотя я пыталась сделать вид, как будто ничего такого в этом нет, уверена, любой внимательный наблюдатель заметил бы это. В особенности мой отец, будь он в этом зале. Впрочем, его, похоже, возможность устроить себе экскурсию по дворцу интересовала куда больше танцев.

Я попыталась отвлечься от этих мыслей и в результате перетанцевала, наверное, со всеми в зале, кроме Максона. Когда же я наконец присела, решив дать отдых своим натруженным ногам, над ухом у меня вдруг раздался его голос:

— Миледи, могу я пригласить вас на танец?

В моей душе всколыхнулось что-то неуловимое, то самое чувство. Какой бы подавленной я себя ни ощущала, как бы смущена ни была, я не могла отказаться от приглашения.

— Разумеется.

Принц взял меня за руку и повел в центр зала, где оркестр уже начинал играть медленный танец. Я вдруг почувствовала себя абсолютно счастливой. Максон, похоже, не испытывал ни расстройств, ни неловкости. Напротив, он привлек меня к себе так близко, что я ощутила запах его одеколона и почувствовала прикосновение его колючей щетины к своей щеке.

— Я уж и не надеялась, что ты пригласишь на танец, — заметила я, пытаюсь говорить шутливым тоном.

Максон умудрился прижать меня к себе еще крепче.

— Я приберегал тебя напоследок. Со всеми остальными девушками разделался, так что никаких обязательств ни перед кем у меня нет. Теперь я могу с чистой совестью наслаждаться остатком вечера в твоём обществе.

Щеки запылали, как случалось всегда, когда он говорил мне подобные вещи. Порой его слова звучали словно строчки из какого-нибудь стихотворения. После всего, что произошло на прошлой неделе, я и не надеялась снова услышать от него нечто подобное. Сердце бешено заколотилось.

— Ты такая красивая. Слишком красивая для такого оборванного

пирата, как я.

— Ну и кем ты должен был нарядиться, чтобы выглядеть мне под стать? Деревом? — Я невольно прыснула.

— Ну, по меньшей мере кустиком.

Я снова рассмеялась:

— Дорого бы дала за то, чтобы увидеть тебя наряженным в костюм кустика!

— В следующем году увидишь, — пообещал он. Я уставилась на него. Когда?! — Тебе бы этого хотелось? Чтобы мы устроили Хеллоуин в следующем октябре тоже? — спросил он.

— А разве я еще буду здесь?

— А почему нет? — Максон остановился.

Я пожала плечами:

— Ты всю неделю избегал меня, ходил на свидания с другими девушками. И потом... Я видела, как ты разговаривал с моим отцом. Решила, что ты объясняешь ему, почему должен отправить его дочь домой.

Я сглотнула застрявший в горле соленый ком. Не хватало только разреваться у всех на глазах.

— Америка.

— Я все понимаю. Кто-то должен уйти, а я Пятерка, а Марли — народная любимица...

— Америка, не надо, — сказал он ласково. — Какой же я идиот. Я понятия не имел, что ты так все истолкуешь. Я думал, ты уверена в своем положении.

Я окончательно запуталась.

— Хочешь откровенно? — Максон вздохнул. — Хотелось дать остальным девушкам шанс. С самого начала я смотрел лишь на одну тебя, только ты была мне нужна. — (Я на миг опустила голову, не в силах выносить его пронзительный взгляд.) — Когда ты сказала мне о своих чувствах, я был так счастлив, что не мог даже до конца в это поверить. Мне до сих пор не верится, что все это происходит наяву. Ты удивишься, как редко я получаю то, чего мне по-настоящему хочется.

В глазах Максона таилось что-то непонятное, какая-то печаль, которой он не готов был со мной делиться. Но он усилием воли отогнал ее и продолжил объяснять, двигаясь под музыку:

— Я боялся сделать ошибку, ведь ты можешь в любую минуту передумать. Все это время искал подходящую альтернативу, но беда в том... — Максон снова в упор посмотрел на меня, — что другой такой нет. Может, я плохо ищу, или мы с ними просто друг другу не подходим. Не

важно. Я знаю, что мне нужна ты. И это до смерти меня пугает. Постоянно жду, что ты возьмешь свое слово обратно и попросишься домой.

Я не сразу пришла в себя. Внезапно все предстало в ином свете. Я могла понять это чувство. То, что возникло между нами, было слишком хорошо, чтобы быть правдой. В это просто невозможно поверить. С Максоном я так чувствовала себя каждый день.

— Вот уж этого ты точно можешь не бояться, — прошептала я ему в шею. — Скорее уж ты поймешь, что я недостаточно хороша.

Его губы щекотали мое ухо.

— Милая, ты само совершенство.

Я притянула к себе его, а он притянул меня, и мы оказались друг к другу так близко, как никогда не бывали прежде. Где-то на задворках сознания брезжила мысль о том, что мы находимся в людном зале, что маму, если она сейчас нас видит, точно хватит удар, но мне было наплевать. В тот миг меня охватило такое чувство, будто, кроме нас двоих, в мире больше никого нет. Когда я отстранилась, чтобы взглянуть на Максона, то поняла, что перед глазами у меня все плывет от слез. Но это были сладкие слезы.

— Я не хочу никуда спешить. Завтра объявлю имя той, которой придется уйти, это потешит моего отца и публику. Но я вовсе не хочу тебя торопить. Ты должна взглянуть на покои принцессы. Они примыкают к моим, — добавил он негромко.

При мысли о такой близости к нему у меня подкосились ноги.

— Думаю, тебе стоит начать обдумывать, как ты хочешь там все обустроить. Ты должна чувствовать себя как дома. Тебе придется выбрать еще несколько служанок и решить, хочешь ли ты, чтобы твои родные жили во дворце или где-нибудь поблизости. Я буду во всем тебе помогать.

Где-то в моем сердце прозвучал тихий голосок: «А как же Аспен?» Но я была так поглощена Максоном, что едва ли его слышала.

— Когда будет прилично закончить Отбор и я сделаю тебе предложение, хочу, чтобы твое «да» было таким же естественным, как дыхание. Обещаю, что приложу все силы, чтобы это произошло. У тебя будет все, что тебе нужно. Все, что ты захочешь, только скажи.

Меня переполняли эмоции. Он все прекрасно понимал: и как трудно мне решиться сказать ему «да», и как пугает перспектива стать принцессой. Максон готов был ждать, сколько потребуется, бросив к моим ногам все блага мира. Это было одно из тех мгновений, когда я с трудом верила, что все происходит наяву.

— Максон, это несправедливо по отношению к тебе, — выдавила я. —

Разве во всем мире найдется что-то такое, чем я могу отплатить тебе?

Он улыбнулся:

— Я хочу лишь, чтобы ты пообещала, что будешь со мной, будешь моей. Иногда у меня возникает такое чувство, как будто ты слишком хороша, чтобы существовать наяву. Пообещай, что никуда не исчезнешь.

— Разумеется. Обещаю.

С этими словами я положила голову ему на плечо, и мы принялись танцевать один медленный танец за другим. На глаза мне случайно попала Мэй. Лицо у нее было такое, как будто она готова умереть от счастья, глядя на нас вдвоем. Мама с папой тоже наблюдали за нами. Папа качал головой, как будто хотел сказать: «Ну вот, а ты считала, что он собирается отправить тебя домой». Тут мне пришла одна мысль.

— Максон? — спросила я, вскидывая на него глаза.

— Да, милая?

Я улыбнулась этому обращению.

— О чем ты разговаривал с моим отцом?

Максон фыркнул:

— Он в курсе моих намерений. И хочу тебе сказать, он всецело одобряет наш союз, при условии, что ты будешь в нем счастлива. Я заверил его, что так и будет, и сказал, что ты, похоже, и так счастлива здесь.

— Это правда.

Я почувствовала, как Максон прерывисто вздохнул:

— Значит, нам с ним больше ничего не нужно.

Рука Максона скользнула по спине и остановилась на талии, крепко удерживая меня. Этот жест говорил больше, чем тысяча слов. Значит, это все происходит наяву, со мной, что я могу разрешить себе поверить в это. Я знала, что ради того, чтобы быть с ним, готова отказаться от всех дружеских отношений, которые успела завязать во дворце, хотя была уверена, что Марли ничуть не расстроится, если не станет победительницей. И что я должна подавить в себе чувства, которые питаю к Аспену. Это не будет быстро, и мне придется признаться во всем Максону, но я это сделаю.

Потому что теперь я принадлежала ему. Я вдруг поняла это. Никогда и ни в чем не была уверена так твердо. Впервые за все время я четко увидела эту картину. Узрела длинный проход, собравшихся гостей и Максона, ожидающего меня у алтаря. Его прикосновение сделало все осязаемым.

Празднество затянулось глубоко за полночь. Наконец Максон потащил нас шестерых на балкон, чтобы мы могли полюбоваться фейерверком. Селеста с трудом одолела мраморные ступени — так сильно у нее

заплетались ноги, — а на голове у Натали красовалась позаимствованная у какого-то незадачливого гвардейца фуражка. Слуги начали разливать шампанское. Максон единолично завладел целой бутылкой, готовясь заранее отпраздновать нашу предстоящую помолвку.

Когда на темном небе расцвели огни фейерверков, Максон вскинул бутылку над головой.

— У меня есть тост! — провозгласил он.

Мы все подняли бокалы и замерли в ожидании. На краю бокала Элизы остался отпечаток темно-красной помады. Марли лишь немного пригубила.

— За вас всех, красавицы! И за мою будущую жену! — воскликнул Максон.

Девушки возбужденно загалдели. Должно быть, каждая в глубине души считала, что эти слова могут относиться к ней, но я-то знала, кого он имеет в виду на самом деле. Пока все остальные опустошали свои бокалы, я бросила взгляд на Максона — без пяти минут моего жениха, — и он подмигнул мне в ответ, прежде чем от души приложиться к бутылке. На празднике царила атмосфера такого безудержного веселья, что меня переполняло ощущение счастья.

Я не представляла, что должно случиться, чтобы оно развеялось.

Глава 9

В ту ночь я практически не сомкнула глаз. Мы очень поздно легли, и слишком волнительным было ожидание. Я свернулась калачиком рядышком с Мэй, наслаждаясь ее присутствием. Конечно, после отъезда сестры я буду скучать, но от перспективы, что скоро она будет жить во дворце вместе со мной, становилось легче.

Интересно, кого сегодня отчислят? Спрашивать Максона было как-то неудобно, поэтому я и не спросила, но мне казалось, что это будет Натали. Марли и Крисс пользовались популярностью у народа — куда большей, чем я сама, — а у Селесты с Элизой были связи. Сердце Максона принадлежало мне, так что оставалась только Натали.

При этой мысли стало грустно, потому что на самом деле против Натали я ничего не имела. Уж лучше бы отчислили Селесту. Может, Максон все-таки отправит ее домой? Ему ведь известно, какую неприязнь я испытываю к ней, а он сам сказал, что хочет, чтобы мне было хорошо во дворце.

Я вздохнула, вспоминая все то, что он говорил мне вчера вечером. Сказал бы кто-нибудь еще год назад, что в моей судьбе возможен такой поворот, я бы просто рассмеялась. Чтобы я, Америка Сингер — Пятерка, по сути, никто, — влюбилась в Максона Шрива, Единицу, да еще и не просто Единицу? Это я-то, которая последние два года готовилась к жизни Шестерки?

В сердце неприятно кольнуло. Как я объясню это Аспену? Как скажу ему, что Максон выбрал меня и что я хочу быть с ним? Наверное, он меня возненавидит. При мысли об этом на глаза навернулись слезы. Что бы ни случилось, я не хотела терять дружбу Аспена. Я просто не смогу этого вынести.

В комнату без стука вошли служанки. Это в их духе. Они всегда старались дать мне подольше отдохнуть, а после вчерашней вечеринки отдых был определенно необходим. Но вместо того чтобы заняться своими обычными утренними хлопотами, Мэри подошла к Мэй и осторожно коснулась ее плеча.

— Мисс Мэй, — прошептала она. — Пора вставать.

Мэй медленно уселась на постели:

— Можно мне еще поспать?

— Никак нельзя, — виновато ответила Мэри. — На утро назначено

одно важное дело. Вы должны сейчас же отправиться к родителям.

— Важное дело? — подала голос я. — Что случилось?

Мэри взглянула на Энн, и я последовала ее примеру. Энн покачала головой, пресекая тем самым дальнейшие вопросы.

Озадаченная, но полная надежды, я выбралась из постели и потянула Мэй за собой. Перед тем как отправить сестру к маме с папой, я крепко обняла ее.

Как только Мэй скрылась за дверью, я обернулась к служанкам.

— Теперь ты можешь объяснить, что происходит? — спросила я у Энн. Та лишь покачала головой. Я досадливо фыркнула. — А если я прикажу тебе?

Она с очень серьезным видом посмотрела на меня:

— Приказы исходят от гораздо более высокопоставленного лица. Вам придется потерпеть.

Я остановилась перед дверью в ванную и принялась наблюдать за служанками. Руки у Люси, когда она набирала пригоршни розовых лепестков для моей ванны, дрожали, а Мэри раскладывала косметику и булавки для прически, нахмутив брови. Люси иногда начинала бить дрожь без особой причины, а Мэри хмурилась, словно была на чем-то сосредоточена. Но вот выражение лица Энн пугало.

Она всегда владела собой, даже в самых сложных ситуациях. Сегодня же у нее был такой вид, будто она готова была рассыпаться. Девушка даже ростом будто бы стала меньше от беспокойства. Она то и дело останавливалась и потирала лоб, словно пыталась стереть с лица тревогу.

Энн вытащила из чехла одно из моих платьев. Простое, строгое... и угольно-черное. Это могло означать только одно. Слезы полились у меня из глаз еще прежде, чем я успела узнать, кого оплакиваю.

— Мисс? — бросилась ко мне Мэри.

— Кто умер? — лепетала я. — Кто умер?

Энн твердой рукой усадила меня прямо и вытерла слезы.

— Никто не умер, — сказала она, но ее слова прозвучали не как попытка меня утешить, а как приказ взять себя в руки.

— Спасибо хотя бы на этом. На сей раз никто не умер.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, Энн отправила меня прямо в ванную. Люси пыталась держать себя в руках, но, когда она все же залилась слезами, Энн велела ей принести мне что-нибудь легкое на завтрак, и та послушно бросилась выполнять распоряжение. Даже книксен не сделала перед тем, как выйти из комнаты.

В конце концов она вернулась с круассанами и яблочным соком. Я

собиралась сесть и без спешки позавтракать, чтобы оттянуть время, но сегодня еда просто-напросто не лезла в горло.

Наконец Энн приколола к моему платью именную брошь. Серебро изысканно поблескивало на фоне черной ткани. Мне не оставалось ничего иного, кроме как отправиться навстречу пугающей неизвестности.

Я распахнула дверь, но мои ноги точно примерзли к порогу.

— Я боюсь, — прошептала я дрожащими губами.

Энн положила руки мне на плечи:

— Вы теперь леди, мисс, и должны встречать испытания стойко, как и подобает леди.

Я молча кивнула. Когда она отпустила меня, я заставила себя перестать цепляться за дверную ручку и выйти за порог. Хотелось бы сказать, что я шла с высоко поднятой головой, но, по правде говоря, ужас просто парализовал меня.

К моему изумлению, когда я вышла в вестибюль, то увидела там остальных девушек примерно в таких же платьях и с таким же выражением лица, как и у меня. На душе стало легче. Выходит, я ни в чем не провинилась, а если и провинилась, то вместе со всеми остальными девушками, а значит, что бы меня ни ждало, не придется проходить через это в одиночку.

— Ну вот, все пятеро в сборе, — бросил гвардеец своему напарнику. — Дамы, следуйте за нами.

Пятеро?! Но нас же было шестеро! Пока мы спускались по лестнице, я быстро пересчитала девушек. Наш провожатый не ошибся. Пятеро. Недоставало Марли. Первая мысль — Максон отправил ее домой. Но почему она не заглянула ко мне попрощаться? Я попыталась представить, какая может быть связь между всей этой таинственностью и отсутствием Марли, но так и не смогла придумать никакого вразумительного объяснения.

Внизу уже ждал взвод гвардейцев, а также наши родные. У мамы с папой и Мэй был встревоженный вид. Как и у всех остальных. Я вопросительно посмотрела на них, надеясь, что хотя бы они прольют свет, но мама лишь покачала головой, а папа пожал плечами. Я поискала взглядом среди гвардейцев в мундирах Аспена. Его там не оказалось.

Два гвардейца подвели к нам родителей Марли. На ее матери просто лица не было от беспокойства. Она жалась к мужу; вид у него был убитый, за одну ночь он постарел на добрый десяток лет. Стоп. Если Марли отправили домой, что они здесь делают?

Вестибюль залил яркий свет, и я обернулась. Впервые за все время

пребывания во дворце обе створки парадных дверей распахнулись, и нас вывели во двор. Мы прошли по короткой закругленной дорожке и двинулись дальше вдоль массивной стены, которой был обнесен дворец. Тяжелые ворота со скрипом распахнулись, и нас приветствовал оглушительный гул многолюдной толпы. Прямо посреди улицы возвышался огромный помост. Сотни, если не тысячи людей сгрудились вокруг. Родители держали на плечах детей. Со всех сторон сверкали объективы камер. Операторы деловито сновали в толпе, снимая происходящее. Нас подвели к небольшой трибуне, и толпа взревела в приветствии. Люди выкрикивали наши имена и бросали к ногам цветы. Девушки, шедшие передо мной, начали понемногу расслабляться.

Из толпы послышалось мое имя, и я вскинула руку, чтобы помахать поклонникам. Ну вот, а я, глупая, боялась. Если люди так радуются, значит ничего страшного не происходит. Дворцовой челяди не мешало бы обращаться с Элитой поаккуратнее. Нагнали страху на ровном месте.

Мэй захихикала в восторге от предстоящего участия в чем-то увлекательном, а я порадовалась тому, что она стала похожа на себя прежнюю. Я пыталась отвечать на все приветственные возгласы, но тут мое внимание привлекли два странных сооружения на помосте. Одно представляло собой похожую на лесенку конструкцию в форме буквы «А», другое — массивную деревянную колоду с петлями с двух сторон. В сопровождении гвардейца я заняла свое место в первом ряду отведенной нам трибуны, пытаюсь догадаться, что происходит.

При появлении короля, королевы и Максона толпа снова взорвалась криками. Все трое тоже были в темной одежде и с серьезными лицами. Я вскинула глаза на принца. Что бы ни происходило, если он улыбнется мне в ответ, значит все в порядке.

Я мысленно молила его посмотреть на меня, подать хоть какой-то знак. Но он сидел с каменным лицом.

В следующее мгновение толпа разразилась криками омерзения, и я обернулась посмотреть, что произвело на них такое впечатление. И почувствовала, как земля уходит из-под ног.

На помост вытащили закованного в кандалы офицера Вудворка. Губа у него была разбита, одежда выглядела так, будто он всю ночь усердно валялся в грязи. Следом на помост вытолкнули Марли, тоже в кандалах. Она была все в том же прекрасном костюме ангела, только у него оторвали крылья, а сам он оказался чем-то перепачкан. На ее поникшие плечи был накинут пиджак, она жмурилась от яркого света. Марли обвела взглядом толпу, и на долю секунды наши глаза встретились, а потом ее потащили

дальше. Ее взгляд снова отчаянно заметался, и я поняла, кого она ищет. Слева от меня замерли, вцепившись друг в друга, родители Марли. Оба были совершенно раздавлены.

Я снова посмотрела на Марли и Вудворка. На их лицах застыл страх, но оба держались с достоинством. Лишь однажды, когда Марли запнулась, наступив на подол длинного платья, эта внешняя видимость дала трещину, и за ней открылась бездна ужаса.

Нет. Нет, нет, нет, нет, нет.

Когда их вывели в центр помоста, какой-то человек в маске начал говорить. Толпа немедленно затихла. По всей видимости, это — в чем бы оно ни заключалось — уже происходило прежде, и люди знали, как реагировать. Я, в отличие от них, понятия не имела и подалась вперед. Меня замутило. Какое счастье, что я не стала ничего есть.

— Марли Теймс, — провозгласил человек в маске, — одна из избранных дочерей Иллеа, была уличена в преступной связи с этим мужчиной, Картером Вудворком, офицером Королевской гвардии.

Голос глашатая был преисполнен такой важности, как будто он зачитывал сообщение об изобретении средства от какой-нибудь неизлечимой болезни. Услышав обвинение, толпа снова загудела и заулюлюкала.

— Мисс Теймс нарушила данную ею клятву верности нашему принцу Максону! А мистер Вудворк, вступив в связь с мисс Теймс, покусился тем самым на достояние королевской семьи! Эти злодеяния являются государственной изменой!

Он выкрикивал обвинения, желая, чтобы толпа поддержала его. И толпа не подвела. Но как они могли? Неужели они не понимали, что это Марли? Милая, прекрасная, доверчивая, самоотверженная Марли? Да, наверное, она сделала ошибку, но ни одна ошибка не заслуживала такой ненависти.

Второй человек в маске тем временем принялся привязывать Картера к А-образному сооружению. Его широко раздвинутые ноги ремнями пристегнули к стойкам, руки вздернули над головой, так что даже смотреть на это было больно. Марли бросили на колени перед деревянной колодой. С ее плеч сорвали пиджак, запястья закрепили в петлях ладонями вверх. Она плакала.

— Это преступление карается смертной казнью! Но принц Максон в своей милости пощадил жизнь гнусных изменников. Да здравствует принц Максон!

Толпа подхватила возглас глашатая. Будь я в своем уме, то сообразила

бы, что нужно сделать то же самое или хотя бы поаплодировать. Все остальные девушки именно так и поступили, и наши родители тоже. Правда, вид у всех был потрясенный. Но я не обратила на это внимания. Я не видела ничего вокруг, кроме лиц Марли и Картера.

Нас посадили в первом ряду намеренно, чтобы продемонстрировать, что ждет любую, которая совершит такую глупость. Отсюда, с расстояния не более двадцати футов от помоста, я видела и слышала все самое важное. Марли неотрывно смотрела на Картера, а он на нее, хотя для этого ему приходилось выворачивать шею. На ее лице явственно читался страх, но в глазах было такое выражение, словно она пыталась его убедить, что все равно ни о чем не жалеет.

— Марли, я люблю тебя! — крикнул он ей. Его голос практически утонул в реве толпы, но я услышала. — Все будет хорошо! Все будет хорошо, клянусь!

От страха Марли была не в силах вымолвить ни слова, но закивала ему в ответ. Я смотрела на нее и не могла думать ни о чем, кроме того, какая же она красивая. Ее золотистые волосы спутаны, платье разорвано, туфли она потеряла где-то по дороге, но, бог ты мой, она была просто ослепительна.

— Марли Теймс и Картер Вудворк, с настоящего момента вы больше не принадлежите к своим прежним кастам. Отныне вы низшие из низших! Теперь вы Восьмерки!

Толпа разразилась ликующими криками. Меня это покорило. Неужели среди них не было Восьмерок? Их не задевало, что о них говорят с таким пренебрежением?

— Чтобы причинить вам такие же стыд и боль, какие вы причинили его высочеству, вы приговариваетесь к пятнадцати ударам батогами каждый! И пусть шрамы напоминают вам о ваших многочисленных грехах!

Батоги?! Я понятия не имела, что значит это слово. Его смысл открылся мне в следующий же миг. Двое в масках, которые привязывали Марли с Картером, вытащили из ведра с водой длинные прутья. Они несколько раз взмахнули ими над головой, примеряясь. Путья со свистом рассекли воздух. Толпа зааплодировала этой пробе руки столь же неистово, как только что аплодировала избранным.

Через несколько секунд спина Картера будет безжалостно исполосована, а нежные руки Марли....

— Нет! — закричала я. — Нет!

— Кажется, меня сейчас вырвет, — прошептала Натали, а Элиза глухо застонала, уткнувшись в плечо приставленного к ней гвардейца.

Но это не помогло.

Я вскочила и рванулась к Максону, запнувшись о колени отца.

— Максон! Максон, останови это варварство!

— Вернитесь на свое место, мисс, — сказал приставленный ко мне гвардеец, пытаюсь силой усадить меня обратно.

— Максон, прошу тебя, пожалуйста!

— Это небезопасно, мисс!

— Не трогайте меня! — завопила я на гвардейца и со всей силы лягнула его. Но он держал крепко.

— Америка, сядь, пожалуйста! — попыталась урезонить меня мама.

— Один! — провозгласил человек в маске, и я увидела, как прут обрушился на ладони Марли.

Она жалобно заскулила, точно собака, получившая пинок. Картер не проронил ни звука.

— Максон! Максон! — надрывалась я. — Останови это! Останови, пожалуйста!

Он слышал меня, я знала, что слышал. Его глаза медленно закрылись, кадык дернулся, как будто он пытался отгородиться от моего голоса.

— Два!

В крике Марли прозвучала ничем не прикрытая мука. Я не могла себе представить, как ей больно, а ведь оставалось еще тринадцать ударов.

— Америка, сядь! — прикрикнула мама.

Мэй сидела между ней и папой, отвернув лицо в сторону. Ее плач был почти таким же жалобным, как и плач Марли.

— Три!

Я осмелилась взглянуть на родителей Марли. Ее мать закрывала лицо руками, а отец обнимал жену, как будто силился защитить от всего того, что они теряли в этот миг.

— Пустите меня! — приказала я своему гвардейцу, но все было напрасно. — Максон! — закричала я снова.

Перед глазами все плыло от слез, но я различала до статочно, чтобы увидеть, что он слышал меня.

Я принялась озиаться на других девушек. Разве мы не должны что-то сделать? Некоторые тоже плакали. Элиза сидела согнувшись пополам и прикрыв глаза рукой. Казалось, она вот-вот потеряет сознание. Однако никто не проявлял никаких признаков протеста или возмущения. Но почему?

— Пять!

Вопли Марли будут стоять у меня в ушах до конца моих дней. Я никогда в жизни не слышала ничего подобного. Как и тошнотворное эхо

торжествующего рева толпы, смакующей зрелище расправы, словно это какое-то развлечение. Как и молчание Максона, который позволил всему этому случиться. Как и плач остальных девушек, которые смирились со всем происходящим.

Единственным, кто не давал мне окончательно потерять надежду, был Картер. Весь в испарине от напряжения и дрожащий от боли, он пытался поддержать Марли.

— Скоро... все закончится, — выдавил он.

— Шесть!

— Я... люблю... тебя.

Это было невыносимо. Я хотела расцарапать своего охранника, но плотная ткань мундира надежно защищала его от моих ногтей. Он лишь сильнее сжал меня, и я завизжала.

— Уберите руки от моей дочери! — рявкнул мой отец и схватил гвардейца за локоть.

Воспользовавшись этой возможностью, я вывернулась и изо всех сил ударила гвардейца в пах.

Он приглушенно вскрикнул и отшатнулся, так что едва не упал, но папа вовремя подхватил его.

Я перескочила через ограду, путаясь в подоле длинного платья и спотыкаясь в туфлях на высоком каблуке.

— Марли! Марли! — закричала я и бросилась к помосту.

Уже у самой лестницы меня перехватили два дюжих Гвардейца.

Справиться с ними не стоило и рассчитывать.

Отсюда было хорошо видно, что голая спина Вудворка уже располосована до мяса, а кожа свисает клочьями. Кровь ручьями стекала на то, что осталось от его когда-то парадных брюк. Во что же превратились руки Марли?

От этой мысли со мной случился новый приступ истерики. Я закричала и забилась в руках гвардейцев, но лишь потеряла туфлю.

Меня уволокли внутрь под возглас глашатая, объявившего очередной по счету удар, и я не знала, радоваться этому или нет. С одной стороны, я не могла больше смотреть на все это, но с другой — у меня было такое чувство, как будто я бросила подругу в самый худший момент ее жизни.

Если бы я была ей настоящей подругой, разве не придумала бы что-нибудь?

— Марли! — в отчаянии закричала я. — Марли, прости меня!

Но толпа так неистовствовала, а Марли так плакала, что вряд ли она могла услышать мой крик.

Глава 10

Всю дорогу я вырывалась и визжала. Гвардейцам пришлось скрутить меня с такой силой, что непременно должны были остаться синяки, но мне было все равно. Я не могла не сопротивляться.

— Где ее комната? — спросил один из них у кого-то.

Я извернулась и увидела незнакомую служанку, которая шла по коридору. Меня она явно знала. Девушка проводила гвардейцев до двери моей комнаты. Донеслись протестующие возгласы моих служанок, возмущенных таким обращением со мной.

— Успокойтесь, мисс, так себя не ведут, — буркнул один из гвардейцев, когда меня бросили на кровать.

— Выметайтесь к чертовой матери из моей комнаты! — завопила я в ответ. Служанки, все в слезах, подбежали ко мне. Мэри попыталась отряхнуть грязный подол моего платья, но я оттолкнула ее. Они знали. С самого начала все знали и не предупредили меня!

— И вы тоже! — заорала я на них. — Вон отсюда, все трое! Живо!

Девушки отшатнулись от неожиданности. По щуплому телу Люси прошла волна дрожи. Я почти пожалела о своей несдержанности. Но мне необходимо было остаться в одиночестве.

— Нам очень жаль, мисс, — сказала Энн и потянула остальных прочь. Они знали, как близки мы были с Марли. Марли...

— Уйдите, пожалуйста, — прошептала я и уткнулась лицом в подушку.

Как только дверь за ними захлопнулась, я сбросила уцелевшую туфлю и свернулась в клубочек. Значит, вот в чем заключался секрет, которым Марли боялась со мной поделиться. Она не хотела оставаться, потому что не любила Максона, и не хотела уезжать, ведь это означало расставание с Картером. В одно мгновение десятки ее маленьких странностей вдруг нашли свое объяснение. Вот почему она подолгу стояла в каких-то определенных местах или смотрела на двери. Дело было в Картере. Он всегда оказывался где-то поблизости. Когда на приеме в честь короля и королевы Свендвее она отказалась уйти с солнцепека... Картер. Это Марли он поджидал, когда я налетела на него на выходе из уборной. Картер всегда безмолвно присутствовал рядом, надеясь украдкой сорвать поцелуй — другой в ожидании, когда они смогут наконец быть вместе по-настоящему.

Как же сильно она его любила, если забыла всякую осторожность,

пошла на такой риск! Неужели все это вообще могло происходить наяву? Такое в голове не укладывалось. Я понимала, что за подобный проступок должно было последовать какое-то наказание, но то, что это случилось с Марли, что ее больше не будет рядом... Я просто не могла в это поверить.

Меня замутило. Если бы мы с Аспеном не были так осторожны или кто-нибудь подслушал наш вчерашний разговор во время танца, на месте Марли с Картером могли бы оказаться мы.

Я никогда больше ее не увижу? Куда ее сошлют? Неужели родные от нее отрекутся? Я не знала, кем был Картер до того, как призыв вознес его до Двойки, но подозревала, что он из Семерок. Семерки были второй снизу кастой, но даже между Семерками и Восьмерками пролегала целая пропасть.

У меня в голове не укладывалось, что Марли стала Восьмеркой. Это не могло быть правдой. Будут ли у Марли работать руки после экзекуции? Сколько нужно времени, чтобы зажили такие раны? А Картер? Вдруг он теперь вообще не сможет ходить? На его месте мог быть Аспен. На ее месте могла быть я.

Мне было невыносимо тошно. Сложно не радоваться, что это случилось не с нами, и от стыда за эту радость невозможно дышать. Что же я за человек такой? Что за подруга? Я была сама себе отвратительна. Только и оставалось, что плакать.

Все утро и большую часть дня я провела в постели, свернувшись клубочком. Служанки принесли обед в комнату, но я к нему не притронулась. К счастью, они не стали меня уговаривать и оставили наедине с моим горем.

Я никак не могла взять себя в руки. Чем больше думала о случившемся, тем муторней становилось на душе. В ушах стояли крики Марли. Интересно, забуду я их когда-нибудь?

В дверь нерешительно постучали. Служанок в комнате не оказалось, а мне не хотелось шевелиться. И тем не менее после недолгой паузы дверь приоткрылась.

— Америка? — послышался негромкий голос Максона.

Я ничего не ответила.

Он прикрыл за собой дверь и подошел к постели:

— Прости. У меня не было выбора.

Я лежала неподвижно, не в силах выдавить из себя ни слова.

— Альтернатива — казнь. Журналисты засняли их вчера ночью, снимки просочились в прессу без нашего ведома.

Максон немного помолчал, наверное думая, что, если он подождет, у

меня найдется что ему сказать.

В конце концов он присел рядом на корточки:

— Америка! Милая, посмотри на меня.

От этого ласкового обращения к горлу подкатила тошнота. Но я все-таки вскинула на него глаза.

— У меня не было иного выхода. Поверь.

— Как ты мог спокойно сидеть и смотреть на это? — Собственный голос показался мне чужим. — Как ты мог не протестовать?

— Я уже говорил тебе, что мое положение требует сохранять внешнее спокойствие, когда на самом деле никакого спокойствия нет и в помине. Мне волей-неволей пришлось этому научиться. И тебе тоже придется.

Я нахмурилась. Неужели принц всерьез полагал, что после всего произошедшего я захочу остаться? Похоже, именно так он и считал. Думаю, выражение лица у меня было достаточно красноречивое, потому что вид у него стал совершенно потрясенный.

— Америка, я знаю, ты расстроена, но послушай. Я же сказал: ты моя единственная. Пожалуйста, не нужно.

— Максон, — произнесла я медленно, — прости меня, но я не думаю, что способна на это. Я никогда в жизни не смогла бы спокойно сидеть и смотреть, как человека истязают, зная, что это происходит по моей милости. Я не смогу быть принцессой.

Он судорожно вздохнул. Пожалуй, из всего того, что мне доводилось видеть в его исполнении, это было нечто наиболее похожее на проявление искренней грусти.

— Америка, ты сейчас принимаешь решение относительно всей своей будущей жизни, основываясь на пяти минутах жизни другого человека. Подобные вещи случаются совсем не часто. Тебе не придется принимать такие решения.

Я уселась в постели, надеясь, что это поможет мне взглянуть на происходящее более трезво.

— Просто... Я просто не в состоянии сейчас ни о чем думать.

— И не надо, — настойчиво произнес он. — Давай не будем принимать никаких решений, которые затронут нас обоих, когда ты так расстроена.

Отчего-то мне почудился в его словах какой-то подвох.

— Пожалуйста, — горячо прошептал он, сжимая мои руки. В его голосе прозвучало такое отчаяние, что я против воли подняла на него глаза. — Ты дала слово, что будешь со мной. Не отказывайся от него, тем более вот так. Прошу тебя.

Я со вздохом кивнула.

— Спасибо. — Его облегчение было прямо-таки ощутимым.

Максон сидел на корточках, цепляясь за мою руку, как утопающий за соломинку. Вчера все было совершенно по-иному.

— Я знаю, — начал он, — знаю, что тебя смущают королевские обязанности. Я всегда отдавал себе отчет в том, что тебе трудно будет с ними примириться. Понимаю, что все произошедшее только осложнило твой выбор. Но... но как же я? Ты все еще уверена в своих чувствах в отношении меня?

Поежившись, я с трудом ответила:

— Я же сказала, что не в состоянии сейчас ни о чем думать.

— Понятно. — Он был совершенно подавлен. — Ладно, не буду больше тебя донимать. Поговорим позже.

Максон наклонился ко мне, как будто хотел поцеловать. Я продолжала смотреть в пол, и он кашлянул.

— До свидания. — С этими словами он скрылся за дверью.

И я немедленно разрыдалась снова.

Не знаю, сколько времени прошло, когда вернулись служанки и обнаружили меня катающейся по кровати с рыданиями. Я вскинула на них глаза, и они верно истолковали мою мольбу.

— Ох, миледи! — воскликнула Мэри и бросилась ко мне, чтобы обнять. — Давайте-ка мы вас разденем.

Люси с Энн захлопотали вокруг меня, расстегивая многочисленные пуговицы на платье, а Мэри умыла и расчесала волосы.

Слезы продолжали литься потоком. Служанки тщетно пытались меня утешать. Я хотела объяснить, что дело не в одной Марли. Тошно еще и из-за Максона. Вот только стыдно признаваться, как сильно он был мне небезразличен и как я в нем ошибалась.

И тут я получила еще один удар, когда спросила про моих родителей и Энн ответила, что всех родственников быстренько выпроводили вон. Мне не дали даже с ними попрощаться.

Энн гладила меня по волосам, искренне пытаясь успокоить. Мэри сидела в ногах, сочувственно поглаживая по коленям. А Люси лишь прижимала руки к сердцу, как будто моя боль была и ее болью тоже.

— Спасибо вам, — прошептала я, хлюпая носом. — И простите, что накричала на вас утром.

Девушки переглянулись.

— Вам не за что извиняться перед нами, мисс, — отозвалась Энн горячо.

Я хотела возразить, потому что действительно повела себя не лучшим образом, но тут в дверь снова постучали. Я попыталась сообразить, как бы повежливее сказать, что не хочу сейчас разговаривать с Максоном, но, когда подскочившая Люси открыла дверь, я увидела лицо Аспена.

— Простите за беспокойство, дамы, но я услышал плач и хотел убедиться, все ли в порядке.

Он подошел к моей постели, что, учитывая события этого дня, было довольно смелым поступком.

— Леди Америка, мне очень жаль, что все так случилось с вашей подругой. Я слышал, она чудесная девушка. Если вам что-нибудь понадобится, я рядом.

В его глазах я прочитала столько всего разом: что он готов пожертвовать чем угодно, лишь бы облегчить мою боль, а еще что он желал бы повернуть все вспять, хотя бы только ради меня.

Какой же идиоткой я была: едва не предала единственного человека в мире, который по-настоящему меня знал и любил. Мы с Аспеном по кирпичику строили нашу будущую совместную жизнь, а этот Отбор чуть не разрушил все, что мы успели построить.

Аспен — моя надежная гавань и незыблемая опора.

— Благодарю вас, — отозвалась я тихо. — Ваша доброта очень много для меня значит.

Аспен улыбнулся мне одними глазами. Я видела, как ему хотелось остаться со мной, и сама тоже этого хотела, но, разумеется, при служанках это было невозможно. Мне вспомнилось, как позавчера я считала, что Аспен всегда будет рядом, и я с радостью подумала, что это чистая правда.

Глава 11

Привет, котенок!

Мне очень жаль, что нам не удалось попрощаться. Король, похоже, решил от греха подальше как можно быстрее отправить всех родственников по домам. Я пытался прорваться к тебе, честное слово. Но у меня ничего не вышло.

Хочу сообщить, что добрались мы благополучно. Король позволил нам оставить себе всю одежду, так что Мэй теперь в свободное время просто не вылезает из роскошных нарядов. Подозреваю, она втайне надеется не вырасти больше ни на дюйм, потому что рассчитывает идти под венец в своем бальном платье. Это очень поднимает ей настроение. Не знаю, прощу ли я когда-нибудь королевское семейство за то, что по их милости двое моих детей были вынуждены стать свидетелями этого изуверства, но ты ведь знаешь, какой неунывающий характер у нашей Мэй. Я куда больше беспокоюсь за тебя. Напиши нам, как сможешь.

Возможно, не стоит говорить такие вещи, но я хочу, чтобы ты знала: я никогда в жизни не гордился тобой так, как в тот миг, когда ты бросилась к помосту. Ты всегда была красивой и талантливой. Теперь я знаю, что твои моральные ценности тоже на высоте и ты не станешь спокойно смотреть, как на твоих глазах творится несправедливость... Как отец, я ничего большего и желать не могу.

Америка, я люблю тебя. И очень-очень тобой горжусь.

Папа

Каким образом папа всегда умудрялся сказать именно то, что нужно? Хотелось, чтобы кто-нибудь заставил эти слова зажечься на небе. Мне необходимо, чтобы они большими буквами были написаны в том месте, где я могла бы видеть их всякий раз, когда на душе становилось муторно. «Я люблю тебя. И очень-очень тобой горжусь».

Став Элитой, мы получили право при желании завтракать у себя в комнате, и сегодня я им воспользовалась. Видеть Максона я пока что была не готова. К обеду сумела кое-как взять себя в руки и решила ненадолго спуститься в Женский зал. Там, по крайней мере, есть телевизор, а мне совсем не мешало отвлечься. Мое появление, похоже, стало для остальных девушек неожиданностью, что, впрочем, было неудивительно. Я имела обыкновенное время от времени от всех прятаться, и сейчас момент как

нельзя более располагал к этому. Селеста валялась на диване, лениво листая какой-то журнальчик. В Иллеа нет газет, которые, как я слышала, были в других странах. У нас — «Вести». В журналах время от времени печатали новости, но люди вроде меня никогда не могли себе позволить такие издания. У Селесты же почти всегда был с собой то один, то другой журнал, и сегодня почему-то это меня взбесило. Крисс с Элизой пили чай за столом и разговаривали, а Натали в одиночестве стояла поодаль и смотрела в окно.

— О, глядите, — произнесла Селеста, не обращаясь ни к кому в отдельности. — И тут тоже моя реклама.

Селеста была моделью. Мысль о том, что она разглядывает собственные фотографии, вывела меня из себя еще больше.

— Леди Америка?

В углу сидела королева в окружении придворных дам. Она, похоже, была занята вышивкой.

Я сделала книксен, и она поманила меня к себе. Наверное, это из-за моего поведения на вчерашней экзекуции. У меня засосало под ложечкой. Оскорбить ее я ни в коем случае не хотела и ужасно испугалась, что именно так она это и восприняла. Взгляды всех девушек устремились на меня. Обыкновенно королева разговаривала со всеми нами вместе и очень редко — один на один.

Я приблизилась и сделала еще один книксен:

— Ваше величество.

— Присаживайтесь, леди Америка, — ласково сказала она и кивнула на пустое кресло напротив. — (Я с опаской подчинилась.) — Вчера вы устроили изрядный переполох.

— Да, ваше величество. — Я сглотнула.

— Вы с ней были близкими подругами?

У меня защипало в носу, но усилием воли я отрешилась от этого ощущения.

— Да, ваше величество.

Она вздохнула:

— Леди не пристало вести себя таким образом. К счастью, телевизионщики были так сосредоточены на том, что происходило на помосте, что не заметили вашей выходки. И тем не менее вам не следовало проявлять такую несдержанность.

Это был не выговор королевы. Она по-матерински журила меня, а это в тысячу раз хуже. Как будто она чувствовала за меня ответственность, а я ее подвела.

Я понурилась. Впервые за все время мне стало стыдно за свое поведение.

Королева протянула руку и положила ладонь на мою коленку. Я вскинула голову, потрясенная таким неформальным прикосновением.

— И все-таки, — с улыбкой прошептала она, — я рада, что ты так поступила.

— Марли была моей лучшей подругой.

— Если ее больше нет рядом, то это не значит, что она перестала ею быть.

Королева Эмберли ласково похлопала меня по колену. Это именно то, что мне сейчас отчаянно требовалось: материнское участие.

— Не знаю, как мне быть, — прошептала я. Защищало глаза. Если бы не устремленные на меня взгляды остальных девушек, я выложила бы ей все.

— Я дала себе слово ни во что не вмешиваться, — со вздохом сказала она. — Но даже если бы и хотела, вряд ли смогла дать совет.

Она права. Разве словами можно изменить то, что произошло?

— И все-таки, прошу тебя, будь к нему снисходительна, — мягко произнесла королева.

Понятно, что она это сказала из самых лучших побуждений, но обсуждать ее сына мне сейчас совершенно не хотелось. Я кивнула и поднялась. Королева ласково улыбнулась и жестом дала понять, что я свободна. Я отошла и присела рядом с Элизой и Крисс.

— Как ты? — сочувственно спросила Элиза.

— Я-то в порядке. Меня куда больше беспокоит Марли.

— По крайней мере, они теперь вместе. Пока они есть друг у друга, все преодолеют, — заметила Крисс.

— Откуда ты знаешь, что Марли с Картером вместе?

— Максон сказал, — отозвалась она таким тоном, как будто это что-то само собой разумеющееся.

— А-а.

Ее слова задели меня за живое.

— Странно, что он не сказал об этом тебе. Вы с Марли были так близки. Тем более что ты его любимица.

Я взглянула на Крисс, потом на Элизу. Обе казались встревоженными, хотя к тревоге примешивалось некоторое облегчение.

Селеста рассмеялась.

— Уже не любимица, — бросила она, не удосужившись даже поднять глаза от своего журнальчика. По всей видимости, моего падения с

нетерпением ждали.

Я перевела тему обратно на Марли:

— У меня все равно в голове не укладывается, что Максон обрек их на это. Да еще и спокойно смотрел, как их наказывают.

— Но она поступила неправильно, — заметила Натали.

В ее тоне не было осуждения, лишь покорное признание этого факта, как будто она исполняла чьи-то указания.

— Он мог бы казнить их, — подала голос Элиза. — И закон тут на его стороне. Принц проявил к ним милость.

— Милость?! — фыркнула я. — По-твоему, прилюдно спустить с человека шкуру — это милость?

— Учитывая все обстоятельства — да, — стояла на своем Элиза. — Уверена, если бы мы спросили Марли, она предпочла бы порку смерти.

— Элиза права, — поддержала ее Крисс. — Я согласна, это было совершенно ужасно, но если бы мне пришлось выбирать, я предпочла бы быть выпоротой, а не мертвой.

— Я тебя умоляю, — усмехнулась я, давая волю гневу. — Ты ведь Тройка. Все знают, что твой папочка — известный профессор, а ты всю жизнь провела, не вылезая из библиотек, и горя не знала. Да ты даже порку ни за что бы не пережила, не говоря уже о жизни Восьмерки. Ты молилась бы о смерти.

— Только не надо делать вид, как будто ты знаешь, что я могу перенести, а что нет. По-твоему, если ты Пятерка, это значит, что ты единственная, кому в жизни приходилось нелегко? — Крисс сверкнула глазами.

— Нет, не единственная, но мне наверняка приходилось куда тяжелее твоего. При этом я не смогла бы вынести то, через что пришлось пройти Марли. И сомневаюсь, что это было бы под силу тебе.

— Я храбрее, чем ты считаешь. Ты понятия не имеешь, чем мне приходилось жертвовать все эти годы. И если я совершаю ошибку, я беру на себя ответственность за последствия.

— А почему вообще должны быть какие-то последствия? — парировала я. — Максон постоянно твердит, как на него давит Отбор, как ему сложно сделать выбор, и тут одна из нас влюбляется в кого-то другого. По-моему, он должен был ее благодарить за то, что облегчила ему жизнь!

— Мне тут вчера рассказали кое-что смешное! — Натали, которой от этого разговора было явно не по себе, попыталась сменить тему.

— Но есть закон, — перебила ее Крисс.

— В словах Америки присутствует своя логика, — быстро возразила

Элиза, и упорядоченной беседе пришел конец.

Мы заговорили все разом, пытаясь высказать свое мнение, приводя доводы за и против того, что произошло. Такое случилось впервые, хотя я с самого начала ожидала чего-то подобного. С таким количеством девушек, соперничающих друг с другом, рано или поздно мы должны были поругаться.

— Так ей и надо, шлюхе, — вдруг рассеянно бросила Селеста, не отрываясь от своего журнальчика.

Повисла тишина, такая же напряженная, как и наш спор.

Селеста успела оглянуться точно вовремя, чтобы увидеть мой бросок. Я налетела на нее и повалила на кофейный столик. Селеста завизжала. Что-то, скорее всего чашка с чаем, со звоном полетело на пол.

В прыжке я зажмурилась, а когда открыла глаза, Селеста барахталась подо мной, пытаясь перехватить мои запястья. Я размахнулась и со всей силы врезала ей по физиономии. Ладонь охватило жгучее пламя, но звук удара продолжал отзываться в моих ушах восхитительной музыкой.

Селеста немедленно завопила и попыталась расцарапать меня. Впервые за все время я пожалела, что, в отличие от остальных девушек, не ношу длинные ногти. Ей удалось оставить на моих запястьях несколько царапин. Это лишь разозлило меня еще больше, и я врезала ей снова. На этот раз разбила губу. Она нащупала что-то на столе — это оказалось блюдце от ее чашки — и ударила им меня в висок.

Оглушенная, я попыталась снова вцепиться в нее, но нас уже растаскивали. Я была настолько поглощена всем происходящим, что не услышала, как кто-то позвал охранников. Одному из них тоже от меня досталось. Надоело, что со мной так обращаются.

— Вы видели, как она на меня набросилась? — завизжала Селеста.

— Закрой свой поганый рот! — рявкнула я. — И не смей больше даже произносить имя Марли!

— Ненормальная! Вы это слышали? Видели, что она со мной сделала?

— Отпустите меня! — возмутилась я, пытаясь вырваться из рук гвардейца.

— Сумасшедшая! Сейчас же пойду и расскажу все Максону. Все, можешь считать, что тебя во дворце уже нет! — пригрозила она.

— Никто ни к какому Максону не пойдет, — послышался строгий голос королевы. Она посмотрела в глаза Селесте, потом мне. Ее разочарование было прямо-таки осязаемым. Я повесила голову. — Сейчас вы обе отправитесь в больничное крыло.

Больничное крыло представляло собой длинный стерильный коридор с койками. В изголовье каждой висела занавеска, которую можно было задернуть, чтобы защититься от чужих взглядов. Вдоль стен стояли шкафчики с медикаментами.

Нас с Селестой предусмотрительно разместили в противоположных концах коридора: Селесту ближе ко входу, меня у окна в глубине. Она немедленно задернула занавеску, чтобы не видеть меня. Я не могла ее винить. Выражение лица, по ощущениям, у меня действительно было довольное. Когда медицинская сестра обрабатывала ссадину на виске, я даже не поморщилась.

— Ну вот, а теперь приложите ненадолго вот это, чтобы не было шишки. — Она протянула мне пузырь со льдом.

— Спасибо, — отозвалась я.

Медсестра окинула быстрым взглядом коридор: удостоверилась, что нас никто не слышит.

— Вы молодчина, — прошептала она. — Почти все ждали, когда что-нибудь подобное наконец случится.

— Правда? — спросила я тоже шепотом. Но, пожалуй, улыбаться во весь рот при этом все-таки не стоило.

— Я столько кошмарных историй про нее слышала — не сосчитать. — Она кивнула в сторону занавешенной койки Селесты.

— Кошмарных историй?

— Ну, она спровоцировала ту девушку, которая ее ударила.

— Анну? Откуда вы знаете?

— Максон — хороший человек, — просто ответила медсестра. — Он распорядился, чтобы ее осмотрели, прежде чем отправить домой. Она рассказала, какую грязь Селеста говорила про ее родителей. У меня просто язык не повернется повторить.

На лице медсестры отразилось крайнее отвращение.

— Бедная Анна. Я так и знала, что там было нечто в этом роде.

— Одна из девушек пришла с изрезанными в кровь ступнями. Кто-то ночью подсыпал ей в туфли битое стекло. Мы не смогли доказать, что это была Селеста, но кто еще мог бы поступить так низко?

— Надо же, а я и не знала! — ахнула я.

— Судя по виду бедняжки, она боялась, как бы в итоге не вышло еще хуже. Думаю, потому и предпочла держать язык за зубами. А еще Селеста бьет своих служанок. Просто отвечает им оплеухи, ничего больше, но время от времени они приходят за льдом.

— Не может быть!

Все служанки, с которыми мне приходилось сталкиваться, были очень милыми. Я не представляла, чтобы кто-то из них мог заслуживать побоев, тем более регулярных.

— О ваших подвигах уже ходят легенды. Вы у нас героиня, — подмигнула мне медсестра.

Я себя героиней не чувствовала.

— Погодите, — спохватилась я. — Вы сказали, Максон распорядился, чтобы Анну осмотрели, прежде чем отправить домой?

— Да, мисс. Он очень заботится о благополучии каждой из вас.

— А Марли? Она тоже здесь побывала? Как она себя чувствовала?

Не успела медсестра ничего ответить, как до меня донеслось сюсюканье Селесты:

— Максон, милый!

Я обернулась и увидела его на пороге. Наши глаза на миг встретились, потом он направился к койке Селесты. Медсестра поспешила прочь, оставив меня в одиночестве гадать, видела она Марли или нет.

Слышать плаксивый голосок Селесты было выше моих сил. Максон принялся негромко что-то приговаривать, утешая бедняжку, пока наконец не вырвался из ее лап. Он появился из-за занавески и двинулся в мою сторону, не сводя с меня глаз.

— Тебе повезло, что отец убрал из дворца телевизионщиков, а не то не сносить бы тебе головы. — Он с тяжелым вздохом взъерошил волосы. — Как прикажешь теперь тебя выгораживать?

— Значит, ты намерен меня отчислить?

В ожидании ответа я принялась теребить подол платья.

— Разумеется, нет.

— А ее? — Я кивнула в сторону Селесты.

— И ее тоже. Вы все взвинчены после вчерашнего, и я не могу ставить вам это в вину. Не уверен, что отец проглотит подобное оправдание, но я буду придерживаться этой позиции.

Я помолчала, а затем сказала:

— Возможно, тебе стоит сказать ему, что во всем виновата я, и отправить меня домой.

— Америка, ты перегибаешь палку.

— Максон, посмотри на меня. — Я почувствовала, как в горле встает тугой ком, и сглотнула, силясь избавиться от него. — Я с самого начала знала, что у меня нет качеств, которые нужны, но думала, что смогу... не знаю... измениться... или что-то с этим сделать... но я не могу больше здесь оставаться. Просто не могу.

Максон присел на краешек постели:

— Америка, ты можешь ненавидеть Отбор и сходить с ума из-за того, что случилось с Марли, но я знаю: твои чувства ко мне достаточно глубоки, чтобы не бросить меня выпутываться из всего этого в одиночку.

Я стиснула его руку:

— Мои чувства к тебе достаточно глубоки, чтобы сказать тебе, что ты совершаешь ошибку.

Максон сжал мою руку крепче, как будто боялся, что я вот-вот исчезну. В глазах у него промелькнула боль. Потом нерешительно наклонился ко мне.

— Это не всегда так тяжело, — прошептал он. — И я хотел бы показать тебе это, но ты должна дать мне время. Вот увидишь, в этом есть и положительные стороны, только нужно немного подождать.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но он не дал мне высказаться.

— Все эти месяцы ты просила меня не торопить тебя, дать время, и я беспрекословно ждал, потому что верил в тебя. Теперь прошу ответить мне тем же. Поверь в меня.

Я не знала, что такого может показать Максон, чтобы заставить меня передумать, но как можно отказать ему после всего, что он сделал для меня?

— Ладно, — вздохнула я.

— Спасибо, — с нескрываемым облегчением произнес он. — Ужасно не хочется уходить, но мы с тобой скоро увидимся.

Я кивнула. Максон поднялся и вышел, на секунду заглянув к Селесте, чтобы попрощаться. Я проводила его взглядом, не зная, права ли была, в очередной раз поверив ему.

Глава 12

Ни я, ни Селеста в драке особо не пострадали, так что нас обеих отправили по своим комнатам, не продержав н лазарете и часа. Выпускали так, чтобы мы ни в коем случае друг с другом не столкнулись, и я была этому очень рада.

Завернув за угол, я увидела на лестничной площадке гвардейца, направляющегося ко мне. Аспен. Несмотря на то что от хорошего питания и постоянных тренировок он заметно раздался, я где угодно узнала бы его походку, его тень и еще тысячу других вещей, которые навсегда запечатлелись в моем сердце.

Приблизившись, он неожиданно поклонился мне, чего от гвардейцев не требовалось.

— Склянка, — прошептал он и, распрямившись, продолжил свой путь.

Долю секунды я стояла на месте в замешательстве, а потом до меня дошло, что он хотел сказать. С трудом подавив желание броситься к себе в комнату со всех ног, я торопливо двинулась к лестнице. К моему удивлению и облегчению, когда я переступила порог комнаты, оказалось, что ни одной из служанок там нет.

Я подошла к склянке, стоявшей на прикроватном столике, и обнаружила, что у одинокой монетки на дне появилась компания. Я открыла крышку и вытряхнула сложенную в несколько раз бумажку. Умно, ничего не скажешь. Мои служанки, скорее всего, не заметили бы, а если бы и заметили, ни за что не полезли бы смотреть, что там такое.

Развернула записку и прочитала четкий перечень инструкций. Похоже, у нас с Аспеном вечером намечалось свидание. Указания, данные Аспеном, были весьма замысловатыми.

Пришлось изрядно попетлять, прежде чем спуститься на первый этаж, где надлежало найти дверь, расположенную рядом с пятифутовой вазой. Я помнила ее по своим предыдущим прогулкам по дворцу. Хотела бы посмотреть на тот цветок, для которого нужна ваза таких размеров.

Я отыскала заветную дверь и огляделась по сторонам, чтобышний раз убедиться, что за мной никто не следит. Никогда еще мне не доводилось оказываться так далеко от бдительных глаз гвардейцев. Поблизости не было видно ни одного из них. Я приоткрыла дверь и пробралась внутрь. Луна заглядывала в окно и озаряла комнату скудным светом, от которого мне стало немного не по себе.

— Аспен? — прошептала я в темноту, чувствуя себя по-дурацки, при этом не в силах отделаться от страха.

— Прямо как в старые добрые времена, — слышался знакомый голос, хотя его обладателя я разглядеть не могла.

— Ты где?

Я сощурилась, пытаюсь различить его во мраке. Тут тяжелая штора на окне колыхнулась в лунном свете, и из-за нее показался Аспен.

— Ты меня напугал, — пожаловалась я шутливо.

— Не в первый и не в последний раз.

По голосу я поняла, что он улыбается. Я пошла к нему, сшибая на своем пути, похоже, все, что было только возможно.

— Тише! — шикнул Аспен. — Если ты не прекратишь вести себя как слон в посудной лавке, весь дворец очень скоро будет в курсе, где мы находимся. Впрочем, по его тону я догадывалась, что он шутит.

— Прости, — засмеялась я негромко. — Может, включим лампу?

— Нет. Если кто-нибудь увидит пробивающийся из-под двери свет, нас могут застукать. Этот коридор не часто патрулируют, но лишняя осторожность не помешает.

— Откуда ты вообще узнал про эту комнату?

Я коснулась локтя Аспена. Он притянул меня к себе и, обняв, повел в дальний угол.

— Ведь я гвардеец. И притом очень хороший. Я знаю весь дворец и территорию вокруг него как свои пять пальцев. Каждую тропку, все укромные местечки и даже самые потайные комнаты. Кроме того, я также знаю расписание смены караула, какие участки обычно реже всего патрулируются и время, когда охрана наиболее малочисленна. Если ты мечтаешь исследовать самые потаенные уголки дворца, делать это нужно именно со мной.

— Поразительно, — пробормотала я.

Мы сидели на полу, скрытые от двери широкой спинкой дивана. На ковре пятнами белели островки лунного света. Наконец я различила лицо Аспена.

— Ты уверен, что нам ничто не грозит? — очень серьезно спросила я его.

Прозвучи в его голосе хотя бы малейший намек на сомнение, я в ту же секунду обратилась бы в бегство. Ради нас обоих.

— Абсолютно. Чтобы нас здесь обнаружили, должно произойти невероятное количество совпадений. Нам ничто не грозит.

Не могу сказать, что его слова совершенно меня успокоили, но так

хотелось им верить, что я подавила тревогу.

Он обнял меня за плечи и привлек к себе:

— Как ты?

— Более или менее. В основном грущу или злюсь. Больше всего мне сейчас хочется, чтобы этих двух дней не было и Марли вернулась обратно. И Картер тоже. А ведь я даже не знала его.

— Зато я знал, — вздохнул Аспен. — Он отличный парень. Я слышал, Картер все время говорил Марли, что любит ее, пытался поддержать.

— Ну да, пытался, — подтвердила я. — Во всяком случае, вначале точно. Меня уволокли до того, как все закончилось.

Аспен поцеловал меня в макушку:

— О тебе я тоже слышал. Я горжусь, что ты подняла бучу. Молодец.

— Папа тоже гордится. Королева сказала, что я не должна была так себя вести, но она рада, что я так поступила. Я вообще перестала что-либо понимать. С одной стороны, это вроде как была хорошая идея, но в то же время не очень, и все равно это ни к чему не привело.

Аспен прижал меня к себе:

— Ты поступила правильно. Это много для меня значит.

— Для тебя?

— Угу, — прошептал он, потом неохотно пояснил: — Иногда я задаюсь вопросом, изменилась ты за время Отбора или нет. Тебя тут холят и лелеют, ты живешь в роскоши. Я спрашивал себя, много ли в тебе осталось от прежней Америки. То, что произошло, дало мне понять, что ты все та же, прежняя, и обстановка дворца никак на тебе не сказывается.

— О, сказывается, и еще как, но не в том смысле. Я постепенно прихожу к выводу, что принцессы из меня не выйдет.

Я склонила голову Аспену на грудь — мое привычное убежище от любых невзгод.

— Послушай, беда с Максоном в том, что он актер. У него всегда такой вид, как будто он выше всего того, что происходит. Но на самом деле он обычный человек, ничем не лучше других. Я знаю, что ты испытываешь к нему какие-то чувства, иначе просто не стала бы здесь задерживаться. Но уже пора понять, что все это ненастоящее.

Я кивнула. Мне вспомнились слова Максона о том, что ему приходится носить маску спокойствия. Может, он во всем так? И со мной тоже? Как же тогда разобраться, где он искренен, а где нет?

— И хорошо, что ты разобралась в этом сейчас. Что было бы, если бы ты вышла за него замуж, а потом узнала, каков он на самом деле?

— Согласна, я и сама об этом думаю.

В ушах звучали слова Максона, которые он сказал во время танца.

Он был таким уверенным в нашем будущем, готов был так много мне дать. Я искренне считала, что единственное его желание — чтобы я была счастлива. Неужели он не видел, как мне плохо сейчас?

— У тебя большое сердце. Я понимаю, что ты не можешь одним махом взять и положить всему этому конец, но в том, чтобы хотеть этого, нет ничего плохого. Вот и все.

— Я чувствую себя полной дурой, — прошептала я, и в носу защипало.

— Никакая ты не дура.

— А вот и дура.

— Мер, скажи, ты считаешь меня умным?

— Разумеется.

— Это потому, что я такой и есть. И я слишком умен, чтобы влюбиться в дуру. Так что заканчивай говорить глупости.

Я негромко засмеялась и позволила Аспену крепче прижать меня к себе.

— Похоже, я причинила тебе столько боли. Не понимаю, как ты можешь до сих пор любить меня, — призналась я.

— Это данность, — пожал он плечами. — Небо голубое, солнце светит, Аспен любит Америку. Так устроен мир. Seriously, Мер, кроме тебя, мне никогда не была нужна ни одна девушка. Я не могу представить себя рядом с кем-то другим. Пытаюсь, просто на всякий случай... и не могу.

Мы некоторое время сидели молча, держась за руки. Каждое прикосновение пальцев Аспена, его теплое дыхание на моих волосах проливались бальзамом на израненное сердце.

— Нам не стоит долго здесь задерживаться, — произнес он наконец. — Я совершенно уверен в своих способностях, но искушать судьбу не хочу.

Я вздохнула. Казалось, мы только что сюда пришли, но, наверное, он был прав. Аспен обнял меня на прощание.

— Понимаю, в это трудно поверить, но мне действительно жаль, что Максон оказался таким подлецом. Я хотел вернуть тебя, но не такой ценой.

— Спасибо.

— Я серьезно.

— Верю. — У Аспена имелись свои недостатки, но лжецом он не был. — Но ничего еще не кончено. Ведь я же пока здесь.

— Да, но я тебя знаю. Ты будешь делать вид, что все в порядке, чтобы твоей семье капали деньги и мы с тобой могли видеться, но для того, чтобы

все исправить, ему пришлось бы повернуть время вспять.

Я тяжело вздохнула. Пожалуй, в его словах было зерно правды. Власть Максона над моим сердцем слабела, тая, как туман под лучами солнца.

— Мер, не беспокойся. Я о тебе позабочусь.

Подтвердить свои слова делом у Аспена сейчас не было никакой возможности, но я ему верила. Ради людей, которые ему дороги, он готов на все. А я знала, что дорога ему больше всех на свете.

Наутро все мои мысли вращались исключительно вокруг Аспена. В этих блаженных грезах прошли все приготовления, завтрак и пребывание в Женском зале, пока брошенная передо мной на столик кипа журналов грубо не вернула меня к реальности.

Я вскинула глаза и увидела Селесту. Губа у нее до сих пор оставалась припухшей. Она ткнула пальцем в один из ее любимых желтых журнальчиков, раскрытый на крупной, во весь разворот, фотографии. Мне хватило одного мимолетного взгляда, чтобы узнать на снимке лицо Марли, хотя оно и было искажено от боли.

— Подумала, ты должна это видеть, — бросила она и удалилась.

Я не до конца поняла, что она имеет в виду, но мне так хотелось узнать хоть какие-нибудь новости о Марли, что я стала читать.

«Из всех славных традиций нашей страны ни одна, пожалуй, не вызывает такого воодушевления, как Отбор. Она была учреждена специально с целью поднять дух раздираемой невзгодами нации. Кажется, нет ни одного человека, которого оставляла бы равнодушным разворачивающаяся на глазах у всей страны романтическая история принца и его будущей принцессы. Когда более восьмидесяти лет назад Грегори Иллеа взшел на престол и его старший сын Спенсер скоропостижно скончался, вся страна оплакивала потерю этого загадочного и подающего большие надежды молодого человека. Когда наследником престола был объявлен младший сын Деймон, многие выражали сомнение в том, что в девятнадцать лет он способен даже просто начать подготовку к тому, чтобы принять бразды правления. Однако Деймон был уверен, что готов вступить во взрослый мир. Он вознамерился доказать это, заключив главный в своей жизни союз: брак. Через несколько месяцев был объявлен первый Отбор, и вся нация воспрянула духом, воодушевленная идеей, что любая самая обычная девушка может стать принцессой Иллеа.

Однако с тех пор мы были вынуждены задаться вопросом об эффективности этого состязания. Хотя в основе его лежит романтическая идея, некоторые утверждают, что несправедливо заставлять принцев

жениться на женщинах много ниже их по положению, хотя никто не может отрицать несравненного умения держаться и красоты нашей нынешней королевы, Эмберли Стейшен Шрив. Некоторые из нас до сих пор помнят слухи об Эбби Тэмблин Иллеа, которая, предположительно, отравила своего мужа, принца Джастина Иллеа, после нескольких лет брака, чтобы затем выйти замуж за его кузена, Портера Шрива, сохранив, таким образом, непрерывность королевского рода.

Хотя эти слухи так и не нашли своего подтверждения, можно смело утверждать, что на этот раз некоторые участницы Отбора успели отличиться поистине скандальным поведением. Марли Теймс, теперь разжалованная до Восьмерки, была поймана с поличным в обществе офицера Королевской гвардии, раздевавшего ее к чулане после бала в честь Хеллоуина, который должен был стать одним из наиболее запоминающихся событий в программе Отбора. Великолепие праздника было непоправимо омрачено неосмотрительным поведением мисс Теймс, из-за которого во дворце на следующее же утро разразился скандал.

Однако помимо мисс Теймс, совершившей недопустимый поступок, девушки, остающиеся во дворце, также могут оказаться недостойными короны. Анонимный источник сообщил нам, что некоторые конкурсантки постоянно устраивают перебранки, нечасто вспоминая о своих прямых обязанностях. Все, наверное, помнят Анну Фармер, отчисленную в начале сентября за умышленное нападение на прекрасную Селесту Ньюсом, модель из Клермонта. Наш источник подтверждает, что это не единственный случай физического насилия, имевший место между представительницами Элиты, что заставляет вашего покорного слугу задаться вопросом о моральном облике претенденток, отобранных для принца Максона.

В ответ на нашу просьбу к королю Кларксону прокомментировать эти слухи он заявил: «Часть девушек происходят из низших каст. Они непривычны к правилам поведения, принятым во дворце. Мисс Теймс определенно оказалась не готова к жизни Единицы. Моя жена обладает неоспоримым качеством, которое делает ее одним из редких исключений. Она всегда прикладывала все усилия к тому, чтобы подняться на уровень, приличествующий королеве, и найти человека, более подходящего для престола, чем она, было бы поистине не легко. Однако, что касается представительниц низших каст, оставшихся в Отборе, к сожалению, нельзя сказать, что этого от них не ожидали».

Хотя Натали Люка и Элиза Уискс принадлежат к касте Четверок, обе они на публике неизменно держатся выше всяких похвал, в особенности

леди Элиза, обладающая утонченными манерами. Мы вынуждены признать, что его величество имеет в виду Америку Сингер, единственную из Пятерок, кому удалось продержаться в Отборе дольше одного дня. За все время Отбора мисс Сингер не проявила себя ничем выдающимся. Она обладает достаточно привлекательной внешностью, но Иллеа ждет от своей будущей принцессы большего. Ее интервью в «Вестях столицы» время от времени бывают занимательными, однако мы нуждаемся в личности, способной повести нацию за собой, а не в комедиантке.

Кроме того, до нас дошли слухи, что мисс Сингер пыталась освободить мисс Теймс во время экзекуции, что в глазах вашего покорного слуги делает ее соучастницей преступной деятельности, которой занималась мисс Теймс, изменяя нашему принцу.

С учетом всех этих факторов (и того, что пальма первенства больше не принадлежит мисс Теймс) встает вопрос: кто должен стать новой принцессой?

Экспресс-голосование, проведенное среди наших читателей, подтвердило то, что мы подозревали с самого начала. Поздравляем мисс Селесту Ньюсом и мисс Крисс Эмберс, разделивших первое место в читательском голосовании. Элиза Уискс занимает третье место, а Натали Люка следует практически за ней по пятам. Аутсайдером голосования, занявшим пятое место с большим отрывом, вполне предсказуемо стала Америка Сингер.

Думаю, что выражу мнение всех жителей Иллеа, когда посоветую принцу Максону не спешить с выбором принцессы. К счастью, мисс Теймс успела проявить свою истинную сущность до того, как ее голову увенчала корона, поэтому катастрофы удалось избежать.

Кого бы вы ни любили, принц Максон, убедитесь, что она достойна стать вашей избранницей. Мы тоже хотим любить ее!»

Глава 13

Я выбежала из зала. Разумеется, Селеста не пыталась оказать услугу. Она хотела поставить меня на место. Что я вообще здесь делаю? Король только и ждет, как бы я оступилась, публике тоже не нравлюсь, да и сама я уверена в том, что не смогу быть принцессой.

Быстро и бесшумно я поднялась к себе в комнату, пытаюсь не привлекать внимания. Откуда мне знать, кто может оказаться этим самым «анонимным источником»?

— Миледи, — приветствовала меня Энн. — Я думала, вы пробудете внизу как минимум до обеда.

— Не могли бы вы уйти? Пожалуйста.

— Прошу прощения?

Я засопела, пытаюсь не выйти из себя.

— Мне нужно побыть одной.

Ни слова не говоря, служанки сделали книксен и скрылись. Я подошла к пианино и откинула крышку. Буду играть, пока окажусь не в состоянии ни о чем думать. Я сыграла несколько мелодий, которые помнила наизусть, но это оказалось слишком легко. Мне необходимо было сосредоточиться на чем-то по-настоящему.

Встав, я принялась искать под сиденьем табуретки что-нибудь более сложное. Пальцы перебирали ноты, когда на дне показался корешок какой-то книги. Дневник Грегори Иллеа! Я совершенно о нем забыла. Теперь будет чем занять голову. Я забралась с томиком в постель, открыла его и принялась перелистывать старинные страницы.

Дневник раскрылся на развороте с фотографией празднования Хеллоуина — твердый снимок сыграл роль закладки. Я перечитала запись.

В этом году дети устроили в честь Хеллоуина вечеринку.

Наверное, таким образом они пытаются забыть о том, что происходит вокруг, но мне это кажется легкомысленным. Мы одна из немногих оставшихся семей, у кого есть средства на то, чтобы устроить праздник, но эти детские игры кажутся пустой тратой денег.

Я снова взглянула на фотографию. Больше всего меня интересовала девочка. Сколько лет ей на этом снимке? Чем она занималась? Нравилось ли ей положение дочери Грегори Иллеа? Принесло ли ей это популярность?

Перевернув страницу, поняла, что это не новая запись, а продолжение рассуждений про Хеллоуин.

Думал, после вторжения китайцев мы поймем, что шли по неверному пути. В последнее время я все с большей очевидностью вижу, как сильно мы обленились. Ничего удивительного, что Китай с такой легкостью одержал победу и что нам понадобилось столько времени, чтобы собраться с силами для ответного удара. Мы утратили тот дух, который гнал нас через океаны, помогал пережить суровые зимы и гражданскую войну.

Мы обленились. И пока мы бездействовали, Китай вышел на передний план.

За последние несколько месяцев я пришел к выводу: не хочу, чтобы мой вклад в дело обороны ограничивался только деньгами. Я хочу возглавить нацию. У меня масса идей, и раз уж я сделал такое щедрое пожертвование, пришло время предложить их народу.

Нам нужны перемены. Я за даюсь вопросом, может ли кто-нибудь еще, кроме меня, дать им толчок?

По спине побежали мурашки. Я невольно сравнила Максона с его предком. Грегори производил впечатление человека с горячим сердцем. Он пытался вернуть нашей истерзанной стране единство. Интересно, что он сказал бы о монархии, будь сейчас жив?

Когда ночью Аспен проскользнул в приоткрытую дверь, меня распирало от желания рассказать ему о про читанном. Но я помнила, что уже сообщила о существовании дневника папе, а даже это было нарушением слова, которое я дала.

— Ну как ты? — спросил он, опускаясь на корточки рядом с постелью.

— Вроде ничего. Селеста сегодня подсунула мне статейку. — Я покачала головой. — Не уверена, что я хочу во все это ввязываться. До чего же она надоела!

— Наверное, теперь, когда Марли выгнали, он какое-то время не будет никого исключать.

Я пожала плечами. Публике не терпелось, чтобы кого-нибудь отчислили, но то, что случилось с Марли, было намного драматичнее, чем кто-либо ожидал.

— Эй! — Аспен отважился коснуться моей руки в свете, льющемся из оставленной нараспашку двери. — Все будет хорошо.

— Знаю. Просто мне ее не хватает. И я в полном тупике.

— Относительно чего?

— Относительно всего. Что я здесь делаю, кто я такая. Думала... Не могу даже объяснить.

Именно в этом и заключалась проблема. В голове царил полный хаос. Мысли ускользали и путались.

— Мер, ты знаешь, кто ты такая. Не дай им изменить тебя.

Его голос звучал так искренне, что я почувствовала себя уверенней. Не оттого, что получила ответы, а потому, что у меня был Аспен. Я поняла: если когда-нибудь забуду, кто я есть на самом деле, он поможет мне вспомнить.

— Аспен, можно тебя кое о чем спросить? — Он кивнул.

— Наверное, это прозвучит глупо, но если бы для того, чтобы стать принцессой, мне не нужно было выходить ни за кого замуж, если бы это была всего лишь работа, для которой меня могли бы выбрать, как полагаешь, я бы с ней справилась?

Зеленые глаза Аспена на миг расширились, когда до него дошла суть вопроса. К его чести, я видела, что он действительно прикинул шансы.

— Мер, прости. Я так не думаю. Ты не сможешь стать такой же расчетливой, как они.

Тон у него был извиняющийся, впрочем, его ответ меня не обидел. А вот причина, которую он привел, слегка удивила.

— Расчетливой? Это как?

Он вздохнул:

— Я бываю в разных местах. И много что слышу. На юге, где высока концентрация низших каст, не утихают беспорядки. Если верить разговорам гвардейцев, долго прослуживших здесь, южане всегда протестовали против методов Грегори Иллеа. И беспокойно там уже давно. Ходят слухи, что король именно из этих соображений и выбрал королеву Эмберли. Она родом с юга, и его решение на некоторое время их утихомирило. Но теперь, похоже, все началось по новой.

У меня снова возникло желание упомянуть про дневник, но я сдержалась.

— Это не объясняет, что ты подразумеваешь под расчетливостью.

Он колебался.

— Я тут на днях, еще до празднования Хеллоуина, побывал в одном министерстве. Речь шла о сочувствующих повстанцам на юге. Мне приказали доставить распоряжения в почтовое крыло. Их там было три с лишним сотни. Америка, триста семей, смещенных на касту ниже за то, что

не донесли о чем-то или помогли кому-то, кого во дворце сочли опасным. — (Я ахнула.) — Вот именно. Можешь себе представить? Что, если бы это случилось с тобой, а ты, кроме как играть на пианино, ничего делать не умеешь? Откуда тебе знать, как выполнять канцелярскую работу, как вообще ее найти? Подтекст предельно ясен.

— Ты считаешь... Максон в курсе?

— Думаю, он не может не быть в теме. Ведь он без пяти минут глава страны.

В глубине души я не хотела верить, что он одобрял все происходящее. С другой стороны, мог ли он совсем ни о чем не догадываться? В конце концов, ему же предстояло принять бразды правления!

Смогу ли я так?

— Только не говори никому, ладно? Если об этом кто-то узнает, я могу в два счета отсюда вылететь, — предупредил Аспен.

— Разумеется. Я ничего не слышала.

— Я скучаю по прошлой жизни, в которой были только ты и я, и ничего больше. И по нашим старым проблемам тоже.

— Понимаю тебя. Видеться тайком в домике на дереве было куда проще, чем во дворце, — рассмеялась я.

— А изворачиваться, чтобы заработать для тебя лишний медяк, было куда лучше, чем не иметь возможности дать тебе хоть что-нибудь. — Он похлопал по стоявшей на столике у кровати склянке. Когда-то в ней хранились сотни медяков, которыми он расплачивался со мной за то, что я ему пела. — Я и не подозревал, что ты сохранила их, до того дня накануне твоего отъезда.

— Разумеется, я их сберегла! Только они меня грели, когда тебя не было рядом. Иногда я высыпала их на ладонь, чтобы тут же вернуть в банку. Мне нравилось держать в руках то, к чему ты прикасался. — Наши взгляды встретились, и все прочее на миг отступило. Приятно было снова оказаться в том маленьком мирке, который мы с Аспеном создали для нас двоих несколько лет назад.

— Что ты с ними сделал?

Уезжая из дома, я была очень зла на него и вернула ему все медяки. Кроме одного, который прилип ко дну склянки.

— Ждут своего часа дома, — улыбнулся он.

— Зачем?

Его глаза блеснули.

— Этого я тебе сказать не могу.

Я с улыбкой вздохнула:

— Ладно, храни свои секреты. И не беспокойся об отсутствии возможности что-то мне дать. Я рада, что ты здесь и мы можем, по крайней мере, что-то исправить, пусть даже ничего уже не будет как прежде.

Впрочем, Аспену этого явно было недостаточно. Он оторвал с обшлага рукава одну из позолоченных пуговиц и протянул мне:

— У меня в буквальном смысле больше нет ничего, что можно было бы тебе подарить, но ты в любой момент можешь поддержать в руках то, к чему я прикасался, и вспомнить обо мне. И знать, что я тоже о тебе думаю.

Это было глупо, но у меня защипало в носу. Я не могла перестать сравнивать Аспена с Максоном. Даже сейчас, когда не нужно было делать выбор, я продолжала сопоставлять одного с другим.

Максону легко делать мне подарки, устраивать праздники, окружать всевозможной роскошью — ведь в его распоряжении целый мир. Что мог противопоставить ему Аспен? Короткие встречи украдкой и такой пустяк, как позолоченная пуговица на память? И все же у меня было такое чувство, что он дает мне неизмеримо больше.

Вдруг я вспомнила, что Аспен всегда был таким. Ради меня он жертвовал сном, рисковал попасться после объявления комендантского часа, отрывал от семьи жалкие гроши. Разглядеть его щедрость сложнее, потому что у него, в отличие от Максона, не было возможности делать широкие жесты. Но насколько же душевнее был любой его подарок!

— Я... я не знаю, как мне теперь быть. У меня такое чувство, что я вообще больше ничего не знаю. Но хочу, чтобы ты помнил... я тебя не забыла. Ты все еще у меня вот здесь. — глубоко вздохнула, пытаюсь не расплакаться, и прижала ладонь к груди. Отчасти для того, чтобы показать Аспену, что я имею в виду, отчасти чтобы унять странную сосущую боль в сердце. Он все понял верно.

— Мне этого достаточно.

Глава 14

Наутро за завтраком я то и дело исподтишка поглядывала на Максона. Мне не давал покоя вопрос: что ему известно про людей, изгнанных из своих каст? Он взглянул в мою сторону всего один раз, да и то не столько на меня, сколько куда-то рядом со мной.

Всякий раз, когда мне становилось не по себе, я поглаживала пуговицу Аспена, которую нанизала на тонкий шнурок-браслет. Она должна помочь мне продержаться до конца пребывания во дворце.

Когда завтрак был почти окончен, король поднялся. Все вскинули на него глаза.

— Поскольку вас, девушки, осталось совсем немного, я подумал, что неплохо было бы устроить чаепитие перед завтрашним эфиром «Вестей». Коль скоро одной из вас предстоит стать нашей невесткой, мы с королевой хотели бы получить возможность поговорить с каждой, узнать побольше о ваших интересах и все такое прочее.

Я немного занервничала. Щебетать с королевой — одно дело, а вот тет-а-тет с королем — совсем другое. Остальные девушки взирали на него с восхищением, я же потягивала свой сок.

— Прошу всех собраться за час до эфира в холле на первом этаже. Если кто-то не знает, где это, не волнуйтесь. Двери будут открыты, и вы услышите музыку. Так что сможете без труда отыскать нас по звуку, — пошутил он.

Присутствующие дружно захихикали.

Вскоре девушки потянулись в Женский зал. Я вздохнула. При своих огромных размерах это помещение почему-то вызывало у меня приступ клаустрофобии. Обычно я старалась с кем-нибудь пообщаться или убить время за чтением. Но сегодня солировала Селеста. Я собиралась устроиться перед телевизором и не обращать на нее внимания.

Однако оказалось, что решить легче, чем сделать. Избранные были сегодня почему-то особенно разговорчивы.

— Интересно, что король хочет узнать, — протянула Крисс.

— Нужно вспомнить все, чему Сильвия нас учила — о том, как себя держать, — заметила Элиза.

— Надеюсь, у моих служанок есть в запасе приличное платье на завтрашний вечер, — бросила Селеста раздраженно. — А не то опять получится как на Хеллоуин. Иногда они бывают такими пустоголовыми.

— Жаль, что король не носит бороду, — мечтательно произнесла Натали. Я оглянулась и увидела, как она оглаживает воображаемую растительность на своем собственном подбородке.

— Ему бы пошло.

— Да, я тоже так думаю, — снисходительно проронила Крисс, прежде чем двинуться дальше.

Я покачала головой и попыталась сосредоточиться на передаче, но, как ни старалась, мне не удалось полностью отключиться от разговоров.

К обеду я уже вся извелась. Что король хочет сказать мне, девушке из самой низшей касты, оставшейся в состязании? Что желает обсудить с той, от кого никогда не ожидал ничего хорошего?

Его величество Кларксон был прав. Я услышала фортепианную музыку задолго до того, как нашла холл. Музыкант играл замечательно. Лучше, чем я, это уж точно.

Перед дверью я остановилась, собираясь с духом. Сегодня буду хорошенько думать, прежде чем что-либо сказать! И вдруг поняла, что хочу доказать королю, что он ошибается. И что тот репортер тоже неправ. Даже если не стану победительницей, я не хочу вернуться домой с клеймом неудачницы. Я с удивлением осознала, насколько это для меня важно.

Я переступила порог и сразу же увидела Максона, который стоял в конце зала, беседуя с Гаврилом Фадеем. Гаврил потягивал вино, а отнюдь не чай. Внезапно Максон утратил всякий интерес к разговору, и я поймала на себе его пристальный взгляд. Могу поклясться, его губы беззвучно прошептали «Ух ты!».

Отвернувшись, я залилась румянцем и двинулась прочь. Потом отважилась снова взглянуть на него и увидела, что он не сводит с меня глаз. Когда он так смотрел, мне трудно было мыслить ясно.

Король Кларксон общался с Натали в одном углу, королева Эмберли с Селестой в другом. Элиза потягивала чай, а Крисс расхаживала по залу. Проходя мимо Максона с Гаврилом, она тепло улыбнулась Гаврилу и что-то сказала. Оба засмеялись, а она двинулась дальше, на ходу оглянувшись на Максона.

— Ты опоздала, — шутливо укорила Крисс, подойдя ко мне.

— Я перенервничала.

— О, волноваться совершенно не о чем. Это было даже весело.

— Ты уже все?

Если король успел поговорить с двумя девушками, у меня осталось меньше времени собраться с духом, чем я рассчитывала.

— Да. Посиди со мной. Можем попить чаю, пока ты ждешь своей

очереди.

Крисс подвела меня к столику, и к нам немедленно поспешила служанка с чайником, молочником и сахарницей.

— О чем он тебя спрашивал? — начала выпытывать я у нее.

— Вообще-то, мы с ним просто поболтали. Думаю, он не стремится получить какую-то конкретную информацию, скорее, хочет понять, что каждая из нас собой представляет. Мне даже удалось его рассмешить! — разоткровенничалась она. — Все прошло вполне неплохо. А с твоим живым характером не нужно даже прикладывать никаких усилий, просто разговаривай с ним, как разговаривала бы с любым другим, и все будет хорошо.

Я кивнула, прежде чем сделать глоток чая. Слова Крисс меня успокоили. Может быть, королю волей-неволей приходится быть разным в зависимости от обстоятельств. Если речь идет об угрозе государству, он должен быть жестким и решительным, действовать быстро и обдуманно. А тут всего лишь чаепитие со стойкой девушек. Ему ни к чему вести себя напористо или грубо.

Королева уже отошла от Селесты и негромко о чем-то беседовала с Натали. На лице Натали было написано восхищение. Она вообще была немножко не от мира сего, и это время от времени раздражало. Зато она отличалась бесхитростностью, что вносило приятное разнообразие.

Я сделала еще глоток чая. Король Кларксон переместился к Селесте, и та одарила его обольстительной улыбкой. Меня это покорило. Всему должны быть пределы. Крисс протянула руку и коснулась моего платья:

— Потрясающий материал. С твоими волосами это выглядит как небо на закате.

— Спасибо. — Я моргнула. Свет люстр, отразившись в ее ожерелье, каскадом серебряных брызг рассыпался по шее и на миг ослепил. — У меня исключительно талантливые служанки.

— Это правда. Я вполне довольна своими, но если стану принцессой, то переманю твоих!

Она засмеялась, то ли пытаясь представить все как шутку, то ли нет. В любом случае, мысль о том, что мои служанки будут подшивать ее одежду, мне не понравилась. Я криво улыбнулась.

— Над чем это вы так смеетесь? — поинтересовался Максон, проходя мимо.

— Да так, над всякими девичьими глупостями, — кокетливо отозвалась Крисс. Она явно была сегодня в ударе. — Я пыталась успокоить Америку. Она нервничает из-за разговора с твоим отцом.

Ну, спасибо, Крисс.

— Тебе совершенно не о чем волноваться. Держись естественно. Выглядишь ты сегодня фантастически. — Максон тепло мне улыбнулся. Он явно пытался вернуть наши отношения на старые рельсы.

— Именно это я ей и сказала! — воскликнула Крисс.

Они быстро переглянулись, и у меня возникло такое чувство, как будто между этими двоими что-то есть. Это было непривычно.

— Ладно, продолжайте ваши девичьи разговоры. Не буду мешать.

Максон коротко поклонился нам и направился к матери.

Крисс вздохнула и проводила его взглядом:

— Максон — настоящее чудо.

Она одарила меня мимолетной улыбкой и отошла поговорить с Гаврилом.

Я наблюдала за причудливой круговертью в зале: партнеры то сбегались, чтобы перекинуться парой слов, то расходились, чтобы найти себе новых собеседников. Я даже обрадовалась, когда Элиза присоединилась ко мне в моем углу, хотя она была не слишком разговорчива.

— Все, девушки, время вышло, — провозгласил ко роль. — Пора идти вниз.

Я вскинула глаза на часы. Он был прав. У нас осталось минут десять, чтобы спуститься в студию и привести себя в порядок.

Похоже, не имело никакого значения ни что я думаю о перспективе стать принцессой, ни как отношусь к Максону, ни какие чувства испытываю по поводу вообще чего бы то ни было. Король определенно считал мои шансы настолько ничтожными, что не стал утруждаться разговором со мной. Меня оставили за бортом, быть может, намеренно, и никто этого даже не заметил.

Я продержалась весь эфир «Вестей». Умудрилась отпустить служанок. Но стоило мне отказаться в одиночестве, как меня прорвало.

И как объяснить свое состояние Максону, когда он зайдет ко мне, я не знала. Но ничего объяснять не пришлось. Он так и не появился.

А мне оставалось лишь гадать, чьим обществом он наслаждается.

Глава 15

Мне невероятно повезло со служанками. Они не спросили ни про заплаканные глаза, ни про мокрые от слез подушки, а просто помогли мне привести себя в порядок. Я с благодарностью принимала их заботу. Они чудесно ко мне относились. Будут ли они так же милы с Крисс, если та победит и заберет их себе?

Поглощенная этими мыслями, я поглядывала на девушек, а затем с изумлением заметила, что они держатся как-то натянуто. Мэри вела себя как обычно, разве что вид у нее был слегка встревоженный. А вот Энн и Люси будто избегали смотреть друг на друга и общались только по необходимости. Не имея понятия, что происходит, я не была уверена, что вправе их расспрашивать. Они ведь никогда не лезли ко мне с вопросами, почему я грущу или злюсь. Так что правильно будет ответить им тем же.

Я пыталась не обращать внимания на напряженную тишину, висевшую в комнате все время, пока мне делали прическу и одевали для долгого дня в Женском зале. До смерти хотелось натянуть роскошные брюки, которые Максон подарил вместе с разрешением носить их по субботам. Но момент для этого был не самый подходящий. Даже если мои дела плохи, я должна вести себя как настоящая леди. Опять же лишние очки в мою пользу.

Спустившись вниз, я приготовилась провести день за книжками и чаем, прислушиваясь к обсуждению остальными избранными вчерашнего вечера. В дискуссии участвовали все, кроме Селесты, которая запаслась очередной порцией желтой прессы. Интересно, не обо мне ли она сейчас читала?

Я обдумывала, не попытаться ли завладеть одним из журналов, когда в зал вошла Сильвия с охапкой каких то бумаг. Вот счастье-то. Наклеивалось новое задание.

— Доброе утро, девушки! — пропела она. — Знаю, что обычно по субботам вы встречаетесь с посетителями, но сегодня мы с королевой приготовили для вас особое задание.

— Понимаю, — сказала королева, подходя к нам, — что времени на подготовку у вас совсем в обрез, но на следующей неделе к нам придут гости. Они совершат поездку по стране и остановятся во дворце, чтобы познакомиться со всеми вами.

— Как вам известно, обычно за подготовку к приему столь важных

гостей отвечает королева. Вы все видели, с каким изяществом она принимала наших друзей из Свендвее. — Сильвия кивнула королеве, и та скромно улыбнулась в ответ. — Однако гости из Германской Федерации и Италии еще важнее, чем королевская семья Свендвее. И мы решили, что этот визит станет отличной тренировкой для вас всех, тем более что в последнее время мы так много внимания уделяем дипломатии. Вы будете работать в командах. Каждая команда готовит прием для своих гостей, включая банкет, развлечения и подарки, — пояснила Сильвия. Я сглотнула, а Сильвия продолжила: — Для нас важно не только поддерживать уже имеющиеся дипломатические контакты, но и завязывать отношения с новыми странами. Мы подготовили перечень базовых правил этикета при общении с важными гостями, а также список вещей, которые обычно не приветствуются во время таких приемов. Однако исполнение всего этого полностью в ваших руках. Мы хотели быть как можно более справедливыми. Думаю, нам вполне удалось поставить вас всех в равные условия. Селеста, Натали и Элиза будут организовывать один прием. Крисс и Америка — другой. А поскольку в вашей команде на одного человека меньше, у вас будет на день больше.

Наши гости из Германской Федерации прибывают в среду, а из Италии — в четверг.

На мгновение в Женском зале повисла гробовая тишина. Мы переваривали услышанное.

— Вы хотите сказать, что у нас на подготовку четыре дня?! — взвизгнула Селеста.

— Да, — подтвердила Сильвия. — Но королеве приходится проделывать эту работу в одиночку, причем иногда и в существенно более короткие сроки.

Паника была прямо-таки осязаема.

— Можно нам наше досье? — протянула руку Крисс.

Я безотчетно повторила ее жест. Через несколько секунд мы уже по уши зарылись в бумагах.

— Да, задачка не из простых, — покачала головой Крисс. — Несмотря даже на лишний день.

— Не переживай, — ободрила я ее. — Мы победим.

Она издала нервный смешок:

— С чего это ты так уверена?

— С того, — произнесла я решительно, — что я ни за что в жизни не позволю Селесте оказаться в чем-то лучше меня.

У нас ушло два часа на чтение досье и еще час, чтобы переварить

информацию.

Необходимо учесть огромное количество разнообразных нюансов, продумать массу мелочей. Сильвия заверила, что готова в любую минуту прийти на помощь. Но у меня было такое чувство, что она расценит просьбу о содействии как признак того, что мы не в состоянии справиться с заданием самостоятельно, так что на нее рассчитывать не стоило.

Задача перед нами стояла более чем сложная. Красные цветы недопустимы, потому что символизируют скрытность. Желтые цветы нежелательны, так как ассоциируются с ревностью. Фиолетовый цвет использовать нельзя вообще, потому что он означает неудачу.

Вина, еды и всего прочего должно быть с избытком. Роскошь не рассматривалась как хвастовство, ее задача продемонстрировать отношение королевского двора к гостям. Если прием покажется им не слишком радушным и не произведет впечатления, они могут не захотеть встретиться с нами снова. Помимо всего этого, обычные правила поведения, уже усвоенные нами, — четкая речь, умение держаться за столом и тому подобное, — необходимо адаптировать к культуре, о которой мы с Крисс не имели ни малейшего понятия, за исключением того, что напечатано в досье. Это невероятно пугало.

Весь день мы делали предварительные наброски и выдвигали идеи. Вторая команда за соседним столом занималась тем же самым. Под вечер мы поспорили, кому из нас хуже, так что это стало выглядеть даже забавно.

— Хорошо вам, у вас на целый день больше на подготовку, — сказала Элиза.

— Но Иллеа и Германская Федерация уже союзники. А кто их знает, этих итальянцев, вдруг они ненавидят все, что с нами связано! — беспокоилась Крисс.

— Представляете, мы должны быть на нашем обеде в одежде темных тонов! — возмущалась Селеста. — Это будет очень... чопорный прием.

— Ну, пожалуй, никому из нас не хотелось бы, чтобы он был разнузданным, — пошутила Натали и засмеялась собственной остроте. Я тоже улыбнулась.

— А наш, наоборот, должен быть супер пышным, — сообщила я. — Вам всем придется надеть свои лучшие драгоценности. Нужно произвести на них впечатление, и внешний вид в этом деле очень важен.

— Слава богу, это я умею, — вздохнула Селеста, тряхнув головой.

В итоге стало ясно, что у всех положение аховое. После всего того, что случилось с Марли, и после того, как король сбросил меня со счетов, мне почему-то было легче от мысли, что мы все в одной лодке. Но я покривила

бы душой, если бы сказала, что это помешало мне испытать приступ подозрительности. Я была убеждена, что какая-нибудь из наших соперниц — в особенности Селеста — может попытаться сорвать наш прием.

— Ты уверена в своих служанках? — спросила я Крисс за обедом.

— Вполне. А что?

— Я тут подумала, не лучше ли, если мы будем хранить записи у себя в комнатах, а не в зале? Ну, чтобы остальные не попытались украсть наши идеи.

Я почти не покривила душой.

— Мысль хорошая, — кивнула Крисс. — Тем более что наш прием позже, так что это выглядело бы, как будто мы повторили за ними.

— Вот именно.

— Америка, до чего же ты умная. Ничего удивительного, что ты так нравилась Максону.

И она снова уткнулась в тарелку.

Крисс употребила прошедшее время. Наверное, пока я переживала, выйдет ли из меня хорошая принцесса, и не могла определиться, хочу я ею быть или нет, Максон и думать про меня забыл.

Я сказала себе, что она просто пытается самоутвердиться за мой счет. И потом, после экзекуции прошло всего несколько дней. Что ей могло быть известно?

Пронзительный вой сирены вырвал меня из сна. Этот звук был настолько чуждым, что поначалу я вообще не поняла его значение. Я осознавала лишь, что сердце у меня готово выскочить из груди, подхлестнутое резким всплеском адреналина.

В следующую секунду дверь распахнулась и в комнату ворвался гвардеец.

— Черт, черт, черт! — повторял он.

— Что?! — переспросила я бестолково.

— Мер, вставай! — велел он, и я подчинилась. — Куда подевались твои туфли?

Туфли. Значит, придется куда-то идти. И тут до меня дошло, что это за звук. Максон как-то рассказал мне, что во дворце была сигнализация, оповещавшая о появлении повстанцев, но во время одного из нападений ее вывели из строя. Должно быть, наконец починили.

— Вот они. — Я нащупала на полу туфли и сунула в них ноги. — Мне нужна одежда. — Я махнула рукой на спинку кровати, и Аспен сдернул халат и попытался закутать меня в него.

— Не трать время, я возьму его с собой.

— Тебе нужно спешить, — сказал он. — Понятия не имею, где они сейчас.

Я кивнула и бросилась к двери. Аспен придержал меня за талию.

Прежде чем я успела выскочить в коридор, он рывком притянул меня к себе и поцеловал — грубо, жадно. Его ладонь легла на мой затылок, губы на долгий миг слились с моими. Потом, словно позабыв об опасности, он обвил мою талию другой рукой. Поцелуй стал настойчивей. Он давно уже не целовал меня так. Я никак не могла определиться со своими чувствами, да и опасность быть застуканными давила. Но сегодня все было совершенно по-иному. Этот поцелуй вполне мог оказаться для нас последним. Он хотел, чтобы я его запомнила.

Мы отступили друг от друга и обменялись понимающими взглядами. Потом он взял меня за локоть и подтолкнул к двери:

— Давай. Беги.

Я бросилась к потайному ходу в конце коридора. Прежде чем надавить на стену, я оглянулась и заметила промелькнувшую спину Аспена. В следующее мгновение он уже скрылся за углом. Мне не оставалось ничего иного, и я тоже побежала. Быстро, как только могла, я спускалась по крутым ступеням в убежище, предназначенное для членов королевской семьи.

Принц Максон как-то рассказал мне, что повстанцы принадлежат к двум лагерям: северянам и южанам. Северяне переворачивали на своем пути все вверх дном, зато нападения южан были куда более смертоносными. Я очень надеялась, что те, от кого мы спасались сейчас, больше заинтересованы в погроме, чем в убийствах.

Я замерзла и очень хотела надеть халат, но боялась споткнуться в темноте. Когда показался освещенный вход в убежище, почувствовала себя уверенней. Перескочив через последнюю ступеньку, увидела среди гвардейцев знакомый силуэт. Максон.

Несмотря на поздний час, он был в брюках и сорочке, слегка помятой, но вполне прилично выглядящей.

— Я последняя? — поинтересовалась я, на ходу натягивая халат.

— Нет, — отозвался он. — Крисс все еще там. И Элиза тоже.

Я оглянулась. Коридор тонул во мраке, в темноте угадывались очертания трех или четырех лестниц, ведущих в убежище из укрытий, разбросанных в разных местах дворца. На них никого не было.

Если Максон тогда сказал правду, его чувства к Крисс и Элизе не сильны. Однако же в его взгляде явственно читалась тревога за обеих. Он потер висок и вытянул шею, как будто это могло помочь ему лучше видеть

в темноте. Мы оба напряженно вглядывались в черноту. Стражники беспокойно топтались у двери. Им явно хотелось поскорее запереть ее.

Внезапно Максон вздохнул и сложил руки на поясе. А потом вдруг без предупреждения обнял меня. Я против воли прижалась к нему.

— Я понимаю, ты, наверное, до сих пор сердишься, и не виню тебя в этом. Но я рад, что ты в безопасности.

Максон не прикасался ко мне с Хеллоуина. Это было меньше недели назад, но у меня возникло чувство, что с тех пор прошла целая вечность. Может, потому, что в ту ночь произошло столько всего сразу, а после нее еще больше.

— Я тоже рада, что ты в безопасности.

Он прижал меня к себе, потом вдруг вздохнул с облегчением:

— Элиза.

Я обернулась и увидела на лестнице ее стройный силуэт. Но куда же запропастилась Крисс?

— Тебе пора внутрь, — мягко сказал Максон. — Сильвия ждет.

— Поговорим, когда будет возможность.

Он коротко улыбнулся мне с надеждой в глазах и кивнул. Я направилась в убежище, Элиза шла следом. Оглянувшись, я увидела, что она плачет. Я обняла ее за плечи, и она ответила мне тем же, радуясь, что не одна.

— Ты что так долго? — спросила я.

— По-моему, моя служанка неважно себя чувствует.

Она замешкалась. И потом, сирена так меня напугала, что я запуталась и не сразу сообразила, куда идти. Только с пятого раза вспомнила, куда надо нажимать, чтобы открылся потайной ход.

Элиза покачала головой, недовольная собственной забывчивостью.

— Ничего страшного. Главное — ты сейчас в безопасности.

Она кивнула, пытаясь отдышаться. Из нас пятерых она, пожалуй, была самой хрупкой.

Мы отошли от входа, и я увидела королевскую чету. Оба были в халатах и ночных туфлях. Они сидели рядом друг с другом. У короля на коленях лежала небольшая стопка каких-то бумаг, как будто он собирался работать. Служанка массировала королеве руку. Лица у обеих были серьезные.

— Что, вы на этот раз без свиты? — пошутила Сильвия, привлекая к себе внимание.

— Их не было в комнате.

Я вспомнила о моих служанках и вдруг разволновалась.

Сильвия ласково улыбнулась:

— Я уверена, они в безопасности. Сюда, пожалуйста.

Она подвела нас к ряду коек, поставленных у неровной стены. Когда я была здесь в прошлый раз, те, кто отвечал за это помещение, оказались не готовыми к наплыву такого количества избранных. За это время они исправились, хотя за изменениями в дворцовой жизни все-таки не поспевали. Коек было шесть. На той, что стояла ближе всего к королю и королеве, уже свернулась калачиком Селеста. Натали устроилась по соседству и была занята тем, что плела косы.

— Ложитесь спать. Всем предстоит напряженная неделя, и я не могу доверить вам подготовку, если вы не отдохнете. — С этими словами Сильвия удалилась. Должно быть, отправилась на поиски Крисс.

Мы с Элизой хором вздохнули. У меня в голове не укладывалось, что нас не освободят от подготовки к приему. Можно подумать, у нас и так было недостаточно переживаний. Вдвоем мы направились к соседним койкам. Элиза, явно до предела утомленная, поспешно закуталась в одеяла.

— Элиза? — позвала я шепотом. Та вскинула на меня глаза. — Если тебе что-нибудь понадобится, скажи, ладно?

— Спасибо, — улыбнулась она.

— Не за что.

Элиза перевернулась на другой бок и через несколько секунд уже крепко спала. Во всяком случае, она даже не пошевелилась, когда у входа поднялся какой-то шум. Я оглянулась и увидела, как Максон на руках внес Крисс в убежище, а следом за ним появилась Сильвия. Как только она переступила через порог, дверь захлопнули и заперли на засовы.

— Ногу подвернула, — пояснила Крисс Сильвии, которая принялась немедленно хлопотать вокруг нее. — Лодыжка вроде бы не сломана, но ступать больно.

— Там есть бинты. Можно хотя бы наложить повязку, — распорядился Максон.

Сильвия поспешила принести бинты.

— А ну-ка, спать! Живо! — бросила она, проходя мимо. У меня невольно вырвался вздох. И я была не единственной недовольной. Натали послушно закрыла глаза, зато у Селесты вид был крайне раздраженный. Я задумалась. Если мое поведение хотя бы отдаленно напоминало ее, мне следовало измениться. Хотя спать не хотелось, я забралась на койку и отвернулась лицом к стене.

Я старалась не думать о том, что Аспен сейчас наверху сражается с повстанцами или что мои служанки могли не успеть добежать до своих

убежищ. Старалась не волноваться по поводу предстоящей недели и не думать о том, что повстанцы могут оказаться южанами, что они сейчас там убивают людей, пока мы отдыхаем.

Получалось плохо. И эти мысли отнимали у меня столько сил, что в конце концов я уснула на своей холодной твердой койке. Не знаю, сколько было времени, когда я очнулась, но, думаю, прошел не один час. Я взглянула на Элизу. Та мирно спала. Король по-прежнему сидел, уткнувшись в бумаги. Он с такой скоростью перелистывал их, словно был страшно зол. Голова королевы покоилась на спинке кресла. Во сне она казалась еще прекрасней.

Натали тоже дремала, ну, или делала вид. Зато Селеста уже проснулась и на что-то смотрела, приподнявшись на локте. Ее глаза горели злобой, которую она обычно приберегала для меня. Я проследила за направлением ее взгляда. Он был прикован к Крисс и Максону.

Они сидели рядышком, и он обнимал ее за плечи. Крисс подтянула колени к груди, как будто никак не могла согреться, хотя на ней был халат. Ее левая лодыжка была перебинтована и, похоже, уже не причиняла ей беспокойства. Они негромко о чем-то переговаривались. На губах у обоих играла улыбка.

Смотреть на это не хотелось, поэтому я снова отвернулась к стенке.

Когда Сильвия тряхнула меня за плечо, чтобы разбудить, Максона в убежище уже не было. И Крисс тоже.

Глава 16

Поднявшись наверх по той же самой лестнице, по которой накануне спускалась, я немедленно поняла, что во дворце побывали южане. В небольшом коридорчике, что вел в мою комнату, валялись груды обломков. Мне пришлось пробираться через них, чтобы попасть к себе. Обычно к тому времени, когда нам разрешали покинуть убежище, последствия нападения уже большей частью ликвидировались. Однако на этот раз, судя по всему, повстанцы устроили такой разгром, что слуги просто не успели с ним справиться, иначе нам пришлось бы просидеть в подвале целый день. И все-таки жаль, что они не старались лучше. Я наблюдала за группкой служанок, оттиравших гигантские буквы с дальней стены.

МЫ УЖЕ БЛИЗКО

Эта фраза повторялась вдоль всего коридора. Кое-где она была написана грязью, кое-где краской, а в одном месте, кажется, сделана кровью. По спине поползли мурашки. Что все это значило?

Ко мне подбежали служанки.

— Мисс, с вами все в хорошо? — спросила Энн. Их неожиданное появление напугало меня.

— Э-э... да. Все в полном порядке. — Я покосилась на слова на стене.

— Идемте, мисс. Мы поможем вам переодеться, — настойчиво сказала Мэри.

Я послушно двинулась за ней, слегка ошарашенная всем, что успела увидеть, и слишком озадаченная, чтобы возражать. Они неторопливо приводили меня в порядок, как делали всегда, пытаясь успокоить привычными ритуалами. Их уверенные движения — руки не тряслись даже у Люси — меня приободрили. Когда я была готова, явилась служанка, чтобы проводить меня в парк, где нам сегодня, по всей видимости, предстояло работать.

Пол лучами анджелесского солнца груды битого стекла и леденящие кровь надписи отступили куда-то на второй план. Максон с королем стояли у стола в окружении советников, просматривая кипы документов и принимая решения.

Королева сидела в шатре, пробегая глазами бумаги и что-то диктуя служанке. Элиза, Селеста и Натали рас положились за столом неподалеку от нее и обсуждали план приема. Они с головой ушли в беседу. Казалось, события бурной ночи полностью позабылись.

Мы с Крисс устроились в другом конце лужайки, в точно таком же шатре, но у нас работа шла медленно. Мне трудно было с ней разговаривать, я никак не могла выкинуть из головы картину, как она ворковала с Максоном. Крисс между тем подчеркивала нужные места в бумагах, которые дала нам Сильвия, и делала какие-то пометки на полях.

— Я, кажется, придумала, что сделать с цветами, — заметила она, не поднимая головы.

— А-а. Здорово.

Я то и дело поглядывала на Максона. Он пытался напустить на себя деловой вид. Любой, кто дал бы себе труд приглядеться, заметил бы, что король пропускает все его комментарии мимо ушей. Я этого не понимала.

Если король действительно пекся о том, чтобы из Максима вышел хороший глава государства, ему стоило по-настоящему учить его, а не оттирать в сторону из опасения, как бы сын не допустил ошибку.

Максон переложил какие-то бумаги и поднял глаза. Он перехватил мой взгляд и помахал мне. Я подняла было руку, но боковым зрением заметила, как Крисс радостно замахала в ответ, и снова уткнулась в свои бумаги, кляня предательски заливший щеки румянец.

— Правда ведь, он красавец? — спросила Крисс.

— Угу.

— Я все время представляю, как будут выглядеть дети с его волосами и моими глазами.

— Как твоя лодыжка?

— А, лодыжка, — вздохнула она. — Еще немного болит, но доктор Эшлер говорит, что к приему я буду как новенькая.

— Это хорошо, — сказала я, наконец-то глядя на нее. — Не хватало нам только, чтобы ты хромала перед итальянцами.

Я попыталась произнести это дружелюбно, но видела, что мой тон вызывает у нее сомнения.

Крисс открыла рот, чтобы ответить, но вдруг на что-то загляделась. Я проследила за ее взглядом и увидела, что к столику с приготовленными для нас закусками и напитками приближается Максон.

— Минуточку, — произнесла она поспешно и похромала ему навстречу с такой прытью, какой я никак от нее не ожидала.

Я не могла заставить себя не смотреть на них. Селеста тоже подошла к столику, и все трое принялись негромко о чем-то беседовать, угощаясь крохотными сэндвичами и запивая их водой.

Селеста что-то сказала, и Максон рассмеялся. Крисс улыбалась, но появление поблизости от Максона Селесты явно слишком ее беспокоило,

чтобы веселье было искренним.

Я почти возблагодарила Селесту за это мгновение. Может, она меня и бесила, но запугать ее было совершенно невозможно. А я могла употребить это ее качество себе на пользу.

Король рывкнул что-то одному из советников, и я вскинула голову.

Что именно он сказал, я не разобрала, но голос у него был раздраженный. За спиной у него я заметила Аспена, патрулировавшего периметр.

Аспен бросил быстрый взгляд в мою сторону и отважился мне подмигнуть. Я понимала, что он хочет меня ободрить, но заволновалась из-за того, что ему пришлось пережить прошлой ночью, поскольку он слегка прихрамывал, а под глазом красовалась заклеенная пластырем рана.

Пока я раздумывала, как бы незаметно попросить его заглянуть ко мне сегодня вечером, из дворца донесся возглас.

— Повстанцы! — закричал один из гвардейцев. — Бегите!

— Что?! — в замешательстве переспросил его другой.

— Повстанцы! Во дворце! Они уже близко!

Перед глазами у меня снова вспыхнула кровавая надпись на стене.

«МЫ УЖЕ БЛИЗКО».

Все завертелось с головокружительной скоростью. Служанки потащили королеву к дальней стороне дворца. Одни тянули ее за руки, чтобы бежала быстрее, другие почтительно трусили позади, прикрывая спину.

Селеста в своем заметном издали красном платье бросилась следом за королевой, справедливо рассудив, что это самое безопасное направление. Максон подхватил Крисс с ее подвернутой ногой и, обернувшись, сгрузил на руки ближайшего к нему гвардейца. Им оказался Аспен.

— Беги! — крикнул он Аспену. — Беги!

Аспен, беспрекословно повинуясь приказу, понесся с Крисс с такой скоростью, как будто она весила не больше пушинки.

— Максон, нет! — крикнула она, глядя на него поверх плеча Аспена.

Внутри дворца что-то громко хлопнуло, и я завизжала. Когда несколько гвардейцев выхватили из-за пазух пистолеты, я сообразила, что это был за звук. Послышались еще два хлопка, и я застыла, парализованная страхом, глядя на царящий вокруг переполох. Гвардейцы теснили или людей в стороны, призывая их уйти с дороги. Из дверей дворца хлынула толпа оборванцев с туго набитыми рюкзаками и котомками. Грянул еще один выстрел.

Наконец сообразив, что нужно пошевеливаться, я повернулась и

бросилась прочь. Поскольку повстанцы выбегали из дворца, логичным казалось бежать от них. Но это означало движение в направлении леса с шайкой свирепых преследователей по пятам. Я несколько раз оступилась в своих туфлях на плоской подошве и даже подумывала сбросить их, но в конечном итоге решила, что скользкие туфли все же лучше, чем совсем без них.

— Америка! — закричал Максон. — Нет! Вернись!

Я отважилась оглянуться и увидела, как король схватил Максона за шиворот и поволок за собой. Во взгляде Максона, устремленном на меня, явственно читался ужас. Грянул еще один выстрел.

— Не стрелять! — заорал Максон. — Вы попадете в нее! Прекратить огонь!

Послышалось еще несколько хлопков. Максон продолжал выкрикивать приказы, пока я не очутилась слишком далеко и не перестала различать их. Я пронеслась по открытому участку и вдруг поняла, что совершенно одна и помощи ждать неоткуда. Максона не отпустит отец, а Аспен исполняет приказ. Если кто-то из гвардей цев и попытается прийти мне на выручку, повстанцем им не опередить. Оставалось лишь бежать со всех ног.

Страх придал мне прыти, и я изумилась ловкости, с которой уворачивалась от веток, когда влетела в лес. После многих месяцев без дождя земля была сухая и рас трескавшаяся. Я смутно чувствовала, как кусты царапают мои ноги, но останавливаться, чтобы проверить, так ли это, было некогда. Я вспотела, платье липло к груди. В лесу оказалось прохладно и с каждым шагом становилось все темнее. Мне было жарко. Дома время от времени я бегала — наперегонки с Джерардом или просто ради того, чтобы размяться, но все это время во дворце пришлось слишком много сидеть. Да еще и впервые за всю свою жизнь я по-настоящему хорошо питалась, и теперь мне это аукнулось.

Легкие горели, ноги казались чугунными тумбами. Но я не останавливалась.

Очутившись довольно глубоко в чаще леса, я оглянулась, чтобы посмотреть, удалось ли оторваться от повстанцев. Кровь грохотала в ушах так, что я не слышала бы их, даже если бы они гнались за мной по пятам. Но никого не увидела. Я сообразила, что нужно затаиться, не то они заметят мое яркое платье. Бежала я до тех пор, пока не нашла дерево достаточно толстое, чтобы за ним спрятаться. Но, очутившись около него, я обнаружила, что его ветви расположены довольно низко и я могу по ним залезть наверх. Стащив туфли, я выбросила их подальше, надеясь, что они не приведут повстанцев прямо ко мне. Потом забралась на дерево, хотя и не

слишком высоко, и прижалась спиной к стволу, желая стать как можно меньше.

Я старалась задержать дыхание, опасаясь, что любой звук может меня выдать. Все было тихо. Я уже решила, что мне удалось оторваться от них. И все-таки ждала, стараясь не шевелиться, чтобы убедиться наверняка. Не прошло и нескольких секунд, как до меня донесся хруст веток.

— Надо было идти ночью, — отдуваясь, произнес кто-то. Вернее, произнесла — это оказалась девушка. Я вжалась в ствол дерева, молясь про себя, чтобы ничего не хрустнуло.

— Ночью они не вышли бы из дворца, — возразил мужской голос.

Они все еще бежали или пытались бежать и, судя по всему, уже успели выбиться из сил.

— Давай я понесу что-нибудь, — предложил он. Похоже, они уже совсем близко.

— Я сама справлюсь.

Замерев, я затаила дыхание. Они были прямо под деревом. В тот самый миг, когда я уже решила, что меня не заметили, котомка, которую несла девушка, лопнула, и на землю посыпались книги.

Что она собралась делать с такой кучей книг?

— Черт, — выругалась она и опустилась на колени. На ней была расшитая мелкими цветочками джинсовая куртка. И как она только в такой не изжарилась?

— Я же говорил тебе, давай помогу.

— Заткнись!

Девушка толкнула парня. Этот шутливый жест сказал мне, что этих двоих связывают отношения.

Вдалеке послышался чей-то свист.

— Это Джереми? — спросила девушка.

— Да, похоже на то. — Парень наклонился и поднял с земли несколько книг.

— Пойди приведи его. Я тебя догоню.

Он поколебался, потом кивнул и, поцеловав ее в лоб, ушел.

Девушка закончила собирать книги, ножом отрезала от своей котомки ляжку и перевязала их.

Когда она поднялась, я выдохнула с облегчением, решив, что сейчас она уйдет. Но девушка отбросила с лица волосы и посмотрела на небо.

И увидела меня. Теперь меня уже не могли спасти ни тишина, ни неподвижность. Если я закричу, придут ли гвардейцы на помощь? Или остальные повстанцы так близко, что это уже не важно?

Какое-то время мы смотрели друг на друга. Я ждала, что она сейчас позовет остальных, и надеялась, что судьба, которую мне уготовят, не будет слишком мучительна.

Но она не издала ни звука, если не считать короткого смешка. Видимо, ситуация ее позабавила.

Снова послышался свист, немного другой, чем в прошлый раз, и мы обе как по команде взглянули туда, откуда он доносился, потом опять уставились друг на друга.

И тут она неожиданно для меня завела одну ногу за другую и присела в грациозном книксене. Я смотрела во все глаза, совершенно ошарашенная. Девушка с улыбкой поднялась и побежала туда, откуда донесся свист. Я провожала ее взглядом, пока сотни мелких вышитых цветочков не исчезли в кустах.

Прошло, по моим ощущениям, не меньше часа, когда я наконец решила спуститься с дерева. И только очутившись внизу, поняла, что представления не имею, где моя обувь. Я прошлась вокруг ствола, пытаюсь высмотреть свои белые туфельки, но все было напрасно. В итоге бросила поиски и подумала, что нужно возвращаться во дворец.

Однако, оглядевшись по сторонам, поняла: этому не бывать. Я заблудилась.

Глава 17

Я сидела под деревом, подтянув колени к груди, и ждала. Именно так вести себя, когда потеряешься, учила нас мама. Что ж, по крайней мере, у меня было время поразмыслить о том, что произошло.

Каким образом повстанцам удалось проникнуть во дворец дважды за два дня? Дважды за два дня! Неужели с тех пор, как начался Отбор, дела во внешнем мире пошли так плохо? Судя по тому, что я видела по телевизору в Каролине и за время моего пребывания во дворце, раньше ничего подобного не случалось.

Продираясь по лесу, я исцарапала ноги, но лишь теперь, когда не нужно было прятаться, почувствовала боль. На бедре откуда-то взялся синяк. Меня мучила жажда; давало о себе знать эмоциональное, умственное и физическое напряжение этого дня. Я прижалась затылком к стволу дерева и закрыла глаза. Засыпать в мои намерения не входило. И тем не менее я задремала. Не знаю, сколько времени прошло, когда я отчетливо услышала чьи-то шаги. Я резко открыла глаза. В лесу стало ощутимо темнее.

Как долго я проспала?

Первым моим побуждением было залезть обратно на дерево. Я вскочила и бросилась к низкой ветке, запутавшись в обрывках брошенной мятежницей котомки. И тут я разобрала собственное имя.

— Леди Америка! — звал кто-то. — Где вы?

— Леди Америка! — послышался второй голос. Потом он же громко скомандовал: — Ищите везде, где только можно. Если они убили ее, то могли повесить или попытаться похоронить. Будьте внимательны.

— Есть, сэр! — отозвался хор мужских голосов.

Я выглянула из-за дерева, ища источник звука, и прищурилась, пытаюсь различить в полумраке силуэты, не уверенная до конца, что это и в самом деле спасательная команда. Один из мужчин еле заметно прихрамывал, и я наконец поверила — помощь пришла.

Луч заходящего солнца упал на лицо Аспена, и я кинулась к нему.

— Я здесь! — закричала я что было мочи. — Здесь!

Я бросилась прямо к Аспену в объятия, совершенно не заботясь о том, что нас могут увидеть.

— Слава богу! — выдохнул он мне в волосы. Потом, обернувшись к другим, закричал: — Я нашел ее! Она жива!

Аспен наклонился и подхватил меня на руки, как маленькую.

— Я до смерти боялся, что мы найдем где-нибудь твой труп. Ты ранена?

— Только ноги исцарапала.

Спустя минуту нас окружили несколько гвардейцев, поздравляя Аспена с выполненным заданием.

— Леди Америка, — спросил командир группы, — вы не ранены?

Я покачала головой:

— Только немного повредила ноги.

— Они не пытались причинить вам зло?

— Нет. Они меня не догнали.

— Вряд ли другая девушка смогла бы от них убежать, — с изумлением произнес он.

Я улыбнулась, наконец-то почувствовав себя в безопасности.

— Так среди них ведь нет Пятерок.

Несколько гвардейцев засмеялись, и Аспен тоже.

— Логично. Что ж, давайте выбирать. — Командир вышел вперед и приказал остальным солдатам: — будьте начеку. Они до сих пор могут находиться где-то поблизости.

— Знаю, ты сообразительная и проворная, но я был просто в панике, — негромко произнес Аспен, когда мы зашагали.

— Я сказала вашему командиру неправду, — прошептала я.

— В каком смысле?

— Они меня все-таки догнали. — (Аспен в ужасе уставился на меня.) — Со мной все в порядке, но одна девушка меня увидела. Она сделала книксен и убежала.

— Книксен?

— Я тоже удивилась. Она не показалась мне ни злой, ни свирепой. Девушка как девушка.

Тут я вспомнила классификацию Максона и подумала, что она, очевидно, была северянкой. В ней не было совершенно никакой враждебности, лишь решимость сделать свое дело. В то же время ночное нападение было, вне всякого сомнения, совершено южанами. Выходит, что атаки произошли одна за другой, но организовали их разные группы? Получается, северяне наблюдали за нами, дожидаясь момента, когда мы будем обескровлены?

Мысль о том, что они шпионили во дворце, пугала. Кроме того, нападение было нелепым, почти курьезным. Они что же, просто вошли во дворец с парадного входа? Сколько времени они беспрепятственно провели

во дворце, собирая свою добычу?

Кстати, о добыче.

— У нее были с собой книги, целая куча, — сказала я.

— Такое часто случается, — кивнул Аспен. — Никто понятия не имеет, что они с ними делают. Полагаю, жгуч их, чтобы обогреться. Видимо, там, где они живут, холодно.

— Гм, — задумчиво отозвалась я. Если бы мне нужно было топливо для костра, я, пожалуй, придумала бы более простой способ добыть его, нежели нападение на дворец. К тому же для нее явно было очень важно подобрать все книги, так что, скорее всего, причина в чем-то другом.

До дворца мы добирались почти час медленным шагом. Хотя Аспен был ранен, он ни на миг не выпустил моей руки. Напротив, казалось, он наслаждался этой прогулкой, несмотря на лишний труд. Мне тоже она понравилась.

— В ближайшие несколько дней я буду очень занят, но все равно попытаюсь повидаться с тобой, — прошептал Аспен, когда мы вышли на поросшую травой лужайку перед дворцом.

— Ясно, — отозвалась я негромко.

Он улыбнулся, глядя вперед, и я тоже залюбовалась видом. Дворец поблескивал в лучах закатного солнца. Во всех окнах горел свет. Я никогда еще не видела его таким. Это было прекрасно.

Я почему-то решила, что Максон будет меня ждать. Но его не было. Меня вообще никто не встречал. Аспену приказали проводить меня в больничное крыло, чтобы доктор Эшлер обработал мои исцарапанные ноги, а другого гвардейца отправили доложить королевской семье, что я нашлась живой.

Мое возвращение прошло незамеченным. Я в полном одиночестве лежала на больничной койке с перевязанными ногами, пока не уснула.

Сквозь сон я слышала, как кто-то чихнул. Я открыла глаза и не сразу сообразила, где нахожусь. Заморгав, я огляделась.

— Не хотел тебя будить, — вполголоса произнес Максон. — Спи.

Он сидел в кресле рядом с кроватью, вплотную к ней.

— Который час? — Я протерла глаза.

— Почти два.

— Ночи?

Максон кивнул, пристально рассматривая меня, и я внезапно забеспокоилась, как выгляжу. Вечером я умылась и собрала волосы в хвост, но была совершенно уверена, что подушка отпечаталась на щеке.

— Ты что, вообще никогда не спишь? — спросила я.

— Сплю. Просто я сильно нервничаю.

— Ответственная работа? — Я уселась в постели.

— Что-то в этом роде, — слабо усмехнулся он.

Повисла долгая пауза. Ни он, ни я не знали, что сказать.

— Я тут кое о чем думала, пока была в лесу, — произнесла я небрежно.

Он улыбнулся тому, как легкомысленно я отозвалась о недавнем происшествии.

— Да? И о чем же?

— О тебе.

Он наклонился ко мне, его карие глаза не отрывались от меня.

— Выкладывай.

— Ну, — начала я, — я думала о том, как ты волновался вчера ночью, когда Крисс с Элизой долго не шли в убежище. И о том, как сегодня рванулся догонять меня, когда напали повстанцы.

— Я пытался. Прости. — Он покачал головой, стыдясь того, что не сделал большего.

— Я не обиделась, — пояснила я. — В том-то и дело. Пока я сидела там в одиночестве, я думала о том, как ты, наверное, волнуешься, переживаешь за всех остальных. Не стану утверждать, что точно знаю, как ты относишься к каждой из нас, но мы с тобой сейчас не в самых безоблачных отношениях.

— Да уж, у нас были времена и получше, — фыркнул он.

— Но ты все равно бросился за мной. Ты передал Крисс на руки гвардейцу, потому что она не могла бежать сама. Ты заботишься о нашей безопасности. Так с чего вдруг ты стал бы подвергать одну из нас мучениям?

Он сидел молча, не очень улавливая, к чему я клоню.

— Так вот, если ты так заботишься о нашем благополучии, то не сделал бы этого с Марли по собственной воле. Думаю, ты остановил бы экзекуцию, если бы мог.

— В мгновение ока, — вздохнул он.

— Верю.

Максон нерешительно коснулся моей руки. Я позволила ему сжать ее.

— Помнишь, я сказал, что хочу что-то тебе показать?

— Да.

— Не забудь об этом, ладно? Ждать осталось недолго. Мое положение накладывает на меня много обязательств, и не все из них приятные. Но иногда... иногда удается делать и что-то хорошее.

Я не очень поняла, о чем он говорит, но все же кивнула.

— Но, полагаю, с этим придется повременить, пока вы не закончите со своим проектом. Вы немного выбились из графика.

— Пффф! — Я выдернула руку из пальцев Максона и прикрыла глаза. Предстоящий прием начисто вылетел у меня из головы. Я снова посмотрела на Максона. — Нас что, все равно заставят устраивать этот дурацкий прием? За два дня мы пережили два нападения повстанцев, а я большую часть дня просидела в лесу. Мы же все провалим.

Максон ответил мне сочувственным взглядом:

— Придется постараться.

Я плюхнулась обратно на подушку.

— Это будет настоящее позорище.

— Не переживай. Даже если вы проиграете другой команде, я не намерен вас исключать. — Он ухмыльнулся.

Что-то в его фразе царапнуло мне ухо. Я снова уселась в постели.

— Ты хочешь сказать, что из проигравшей команды одна будет отчислена?

Максон замялся, явно не зная, что ответить.

— Максон?

Он вздохнул:

— У меня есть недели две перед тем, как нужно будет кого-то убрать. Отчасти ради этого все и затевается. У вас с Крисс изначально было сложное положение. Новые отношения, меньше народу в команде, и хотя итальянцы очень жизнерадостная нация, они легко обижаются. А если еще добавить то обстоятельство, что у тебя практически не было возможности что-то делать... — (Думаю, я побледнела.) — Я не должен вам помогать, но если что-то понадобится, пожалуйста, дай мне знать. Не могу отослать домой ни одну из вас.

Во время нашей первой размолвки, той дурацкой ссоры из-за Селесты, я думала, что внутри меня что-то оборвалось. После исключения Марли я почувствовала, что это произошло снова. Я была уверена, что каждый раз, когда мы ругались, какая-то частица моего сердца умирала. Но я ошибалась. Только сейчас, лежа на больничной койке в пустом госпитальном крыле, я поняла, что мое сердце разбито по-настоящему. И это причиняло невыносимую боль. Раньше мне удавалось убедить себя, что мне просто кажется, будто между ним и Крисс что-то есть. Что это всего лишь плод моего разыгравшегося воображения. Теперь я знала точно.

Она ему нравилась. Может быть, так же сильно, как я. В ответ на его предложение помощи я кивнула, не в силах выдать ни слова.

Я твердила себе, что не должна давать волю чувствам и не дам ему завладеть моим сердцем. Наши отношения с Максоном начались как чисто дружеские, и, возможно, лучше было бы им таковыми и оставаться. Теперь я была уничтожена.

— Мне пора, — сказал он. — Тебе нужно поспать. У тебя был очень трудный день.

Я закатила глаза. Это еще очень слабо сказано.

Максон поднялся и оправил костюм.

— Так многое хотелось объяснить тебе. Я действительно считал, что потерял тебя.

Я пожала плечами:

— Все в полном порядке. Правда.

— Сейчас я это вижу, но те несколько часов, когда я готовился к худшему.... — Он помолчал, взвешивая свои слова. — Обычно из всех девушек мне легче всего говорить с тобой об отношениях. Но у меня такое ощущение, что обсуждать их прямо сейчас не самое мудрое решение.

Я склонила голову и кивнула. У меня не было сил беседовать о моих чувствах к человеку, который, по всей видимости, равнодушен к другой.

— Америка, посмотри на меня, — попросил он негромко. Я повиновалась. — Ничего страшного. Я готов ждать. Просто хочу, чтобы ты знала... Не могу подобрать нужные слова и выразить, как я рад, что ты здесь, целая и невредимая. Никогда в жизни не был ни за что так благодарен судьбе.

Я ошеломленно молчала, как всегда, когда ему удавалось затронуть чувствительную струнку в моем сердце. Но в глубине души меня беспокоила легкость, с которой я поверила его словам. Снова.

— Америка, спокойной ночи.

Глава 18

Была ночь понедельника. Или утро вторника. Время такое позднее, что сказать точно сложно. Мы с Крисс весь день трудились не покладая рук, выискивая подходящие отрезки материи, руководя слугами, которые их развешивали, подбирая наряды и украшения, выбирая фарфор, продумывая приблизительное меню и заучивая итальянские фразы в надежде, что какие-то из них осядут в голове. Мне было проще, я хотя бы знала испанский. Эти языки были так схожи, что итальянские слова запоминались быстрее. Крисс изо всех сил старалась не отставать. Казалось, я должна валиться с ног, но все, о чем я могла думать, были слова Максона.

Что произошло с Крисс? Каким образом она вдруг так внезапно с ним сблизилась? Может, я зря на этом так заиклилась? Все дело было в Максоне. Как бы я ни сопротивлялась, он мне нравился. И я не была готова полностью поставить крест на наших отношениях.

Должен же быть способ разобраться со всей этой путаницей. Я размышляла обо всем, что произошло, пытаясь отделить одну проблему от другой, и мало-по-малу разделила их на четыре категории.

Мои чувства к Максону. Чувства Максона ко мне. То, что происходит между мной и Аспеном. И мои чувства по поводу перспективы стать принцессой. Из всех сомнений, которые терзали меня, пожалуй, легче всего было справиться с вопросом о статусе принцессы. По крайней мере, в этой области у меня имелось кое-что, чего не было у других девушек, — дневник Грегори.

Я вытащила дневник из-под сиденья табурета, где прятала наследие Грегори от мира, и от всей души понадеялась, что там найдется решение моей проблемы. Грегори ведь не был аристократом по рождению, ему пришлось к этому привыкать. Судя по тому, что он писал про Хеллоуин, он уже готовился к серьезным переменам в будущем.

Устроив себе гнездо из одеял, я углубилась в чтение.

Я хочу стать олицетворением традиционного американского идеала. У меня прекрасная семья, и я очень богат; и то и другое вписывается в этот образ. И ничто из того, что я имею, не досталось мне просто так. Все, кто находится рядом, знают, как много я трудился.

Но то обстоятельство, что я сумел воспользоваться своим

положением, хотя и пожертвовав столь многим там, где другие не смогли или не захотели, превратило меня из безликого миллиардера в филантропа. И все же Я могу успокоиться на достигнутом. Я планирую добиться большего, стать кем-то большим. Страной управляет Уоллис, а не я, и мне желательно придумать, как дать народу то, что ему требуется, не став при этом в его глазах узурпатором. Я верю, что настанет миг, когда я возглавлю страну и смогу делать то, что сочту необходимым. А пока я буду играть по правилам и постараюсь выжать из этого максимум возможного.

Я попыталась отыскать в его словах ответы на мучившие меня вопросы. Он сказал, что нужно пользоваться своим положением. Что нужно играть по правилам. Что нельзя бояться.

Наверное, я должна была этим удовлетвориться, но почему-то не могла. Мудрость Грегори ничего мне не подсказала. Поскольку он меня подвел, оставался лишь один человек, на которого я привыкла рассчитывать. Я подошла к письменному столу, достала ручку и бумагу и села писать письмо отцу.

Глава 19

Следующий день пролетел незаметно. И вот мы с Крисс, облаченные в строгие серые платья, уже готовимся отправиться на прием, организованный командой соперниц.

— Какой у нас план? — спросила Крисс, когда мы шли по коридору.

Я на миг задумалась. Селеста меня раздражала, и я ничуть не расстроилась бы, если бы она села в лужу. Но, пожалуй, я не хотела, чтобы это произошло на мероприятии такого масштаба.

— Держимся вежливо, но отстраненно. Наблюдаем за реакцией Сильвии и королевы. Берем на вооружение все, что можно... и работаем всю ночь, чтобы обставить их команду.

— Идет. — Она вздохнула. — Ну что, двинулись.

Мы пришли точно вовремя, поскольку пунктуальность в культуре наших гостей — один из краеугольных камней. Сразу стало понятно, что дела у соперниц плохи. Селеста, похоже, решила саботировать прием. Элиза и Натали облачились в платья респектабельных темно-синих тонов, а Селеста вырядилась практически в белое. Для полного сходства с невестой ей не хватало только фаты. Не говоря уж о том, каким откровенным выглядел ее наряд, в особенности на фоне одежды немок. Большинство из них, несмотря на теплую погоду, были в платьях с длинным рукавом.

Натали, отвечавшая за цветы, не учла того, что лилии традиционно использовались на похоронах, по этому все цветочные композиции пришлось спешно убрать.

Элиза, хотя и куда более возбужденная, чем это было ей свойственно, производила впечатление воплощенного спокойствия. Гостям она, должно быть, казалась настоящей звездой.

Общаться с женщинами из Германской Федерации, которые говорили на ломаном английском, было страшно, в особенности когда в голове крутились итальянские фразы. Я старалась быть вежливой и приветливой, и гости, несмотря на свой чопорный вид, на самом деле оказались вполне дружелюбными.

Довольно быстро стало ясно, что основная угроза провала исходит от Сильвии с ее папкой. В то время как королева великодушно помогала девушкам принимать немецких гостей, Сильвия рыскала по залу, и от ее бдительного ока не укрылся ни один промах. Вечер не успел еще подойти к концу, а у нее уже несколько страниц было исписано замечаниями. Мы с

Крисс поняли, что остается надеяться лишь на то, что наш прием очарует Сильвию с первого взгляда.

Наутро Крисс пришла ко мне в комнату со своими служанками, и мы стали вместе готовиться к торжеству. Мы хотели выглядеть достаточно похоже, чтобы всем было ясно, что мы отвечаем за прием, но не настолько одинаково, чтобы это смотрелось глупо.

Оказаться в комнате в обществе такого количества девушек было даже забавно. Все служанки хорошо знали друг друга и весело болтали, хлопоча вокруг нас с Крисс. Это напомнило мне то время, когда здесь была Мэй.

За несколько часов до прибытия итальянской делегации мы с Крисс отправились в зал, чтобы в последний раз все проинспектировать. В отличие от приема, устроенного соперницами, мы решили не рассаживать гостей на заранее отведенные места, а позволить им садиться, где захотят.

Оркестранты явились на генеральную репетицию, и оказалось, что материя, которую мы выбрали для украшения голых стен, отлично повлияла на акустику.

Пока мы с Крисс в последний раз гоняли друг друга по итальянским фразам, я поправила на ее шее ожерелье. Итальянский язык в ее устах звучал совершенно естественно.

— Спасибо, — сказала она.

— Grazie, — отозвалась я.

— Нет-нет, — покачала она головой. — Я в самом деле хочу тебя поблагодарить. Ты проделала потрясающую работу, и... не знаю, как сказать. Я думала, после того, что случилось с Марли, ты можешь опустить руки. Боялась, что придется крутиться в одиночку, но ты провернула такую огромную работу. Ты умница!

— Спасибо. Ты тоже молодчина. Не представляю себе, что бы я делала, если бы мне досталась Селеста. С тобой же это было почти нетрудно. — Крисс улыбнулась. Я не покривила душой. Она работала не покладая рук. — И ты права, без Марли мне пришлось нелегко, но я не намерена сдаваться. Все будет просто замечательно.

Крисс закусила губу и на миг задумалась, потом быстро, как будто боялась передумать, спросила:

— Значит, ты все еще не сошла с дистанции? Максон по-прежнему тебе нужен?

Не то чтобы я не понимала, зачем мы все здесь, но ни одна из девушек, кроме нее, не говорила об этом так. На миг она застала меня врасплох, и я не могла решить, отвечать ей или нет. И если отвечать, то что.

— Девушки! — нараспев произнесла Сильвия, врываясь в зал. Никогда

еще я не была так благодарна этой женщине. — Уже почти пора. Вы готовы?

Следом за ней в помещение вошла королева, восхитительно спокойная в противовес чрезвычайно энергичной Сильвии. Она оглядела гостиную, восхищаясь на шей работой. Увидеть ее улыбку было огромным облегчением.

— Почти готовы, — отозвалась Крисс. — Осталось всего несколько мелочей. Нам как раз нужны вы с королевой.

— Да? — с любопытством спросила Сильвия.

Королева подошла к нам. Ее темные глаза сияли гордостью.

— Очень красиво! А вы обе выглядите просто потрясающе.

— Большое спасибо, — хором отозвались мы.

Бледно-голубые платья с крупными золотыми акцентами были моей идеей. В них мы выглядели празднично и нарядно, но не чересчур помпезно.

— Вы, наверное, заметили наши ожерелья, — сказала Крисс. — Мы подумали, если будем в одинаковых ожерельях, это поможет гостям опознать хозяек приема.

— Отличная идея, — заметила Сильвия и сделала какую-то пометку в своем досье.

Мы с Крисс с улыбкой переглянулись.

— Поскольку вы обе тоже здесь хозяйки, мы решили, что и вам нужны ожерелья, — сказала я, а Крисс взяла со столика футляры.

— Не может быть! — ахнула королева.

— Это... для меня? — спросила Сильвия.

— Ну конечно, — ласково сказала Крисс, протягивая ей футляр.

— Вы обе так нам помогали. Это и ваш проект тоже, — добавила я.

Я видела, как тронута нашим жестом королева, но Сильвия просто начисто лишилась дара речи. Я вдруг задумалась: кто-нибудь во дворце вообще обращал на нее внимание? Да, эту идею мы с Крисс придумали вчера, чтобы привлечь Сильвию на свою сторону, но теперь я порадовалась задумке не только по этой причине.

Может, Сильвия временами и бывала утомительной, но она старалась наставлять нас ради нашей же пользы. Я дала себе слово обязательно отблагодарить ее как следует.

Дворецкий сообщил, что гости уже на подходе, и мы с Крисс встали по обе стороны дверей, чтобы приветствовать прибывающих. Оркестр негромко наигрывал приятную музыку, служанки приготовились обносить гостей закусками.

К нам приближались Элиза с Селестой и Натали. К моему удивлению, они даже не опоздали. Едва увидев результат наших стараний — ниспадающие волны материи, прикрывающие голые стены, сверкающие вазы в центре столов, пышные цветочные композиции, — Элиза с Селестой явно загрустили. Натали же пребывала в слишком большом возбуждении, чтобы расстраиваться.

— Здесь пахнет, как в саду, — вздохнула она и вошла в зал, практически пританцовывая.

— Даже чересчур, — поддакнула Селеста. — У людей головы разболются.

Селеста не была бы Селестой, если бы упустила возможность найти изъян в чем-то хорошем.

— Попробуйте сесть за разные столы, — посоветовала Крисс, когда они проходили мимо. — Итальянки здесь для того, чтобы завести друзей.

Селеста прищелкнула языком, как будто все это ее раздражало. Я уже собралась было посоветовать ей держать себя в руках, ведь мы с Крисс на ее приеме вели себя безупречно, но тут услышала оживленный щебет итальянок, показавшихся в конце коридора, и выкинула Селесту из головы.

Высокие, с золотистой кожей, итальянки были пре красны и походили на статуэтки. К тому же они оказались еще и невероятно живыми. Такое впечатление, что в сердце у каждой находилось по маленькому солнышку, освещавшему все вокруг.

Итальянская монархия была еще более молодой, чем в Иллеа. Судя по тому, что я прочла в досье, они на протяжении нескольких десятилетий отвергали все наши предложения дружбы, и это была их единственная попытка сблизиться. Эта встреча стала первым шагом к налаживанию отношений с развивающимся государством.

Думать об этом было страшно, однако стоило гостям переступить порог, как их обаяние растопило все мои тревоги. Они расцеловали нас с Крисс в обе щеки и прощебетали: «Salve!» Их воодушевление было заразительным.

Не все итальянские фразы дались мне с первого раза, но наши гости проявили великодушие и со смехом отмахивались от моих извинений за ошибки, помогая их исправить. Сами они говорили по-английски довольно бегло и принялись рассыпаться в комплиментах нашим платьям и прическам. Судя по всему, первое впечатление, которое мы произвели, было благоприятным, и я немного расслабилась.

В итоге большую часть вечера я провела в обществе Орабеллы и Ноэми, кузин итальянской принцессы.

— Просто восхитительно! — воскликнула Орабелла, пригубив бокал с вином.

— Мы очень рады, что вам нравится, — отозвалась и, беспокоясь, как бы меня не сочли слишком робкой. Они были такими шумными!

— Вы должны непременно попробовать! — настаивала она.

После Хеллоуина я не притрагивалась к спиртному, да и вообще была не большой его любительницей, но не хотела показаться невежливой, поэтому приняла протянутый бокал и сделала глоток.

Это оказалось невероятным! В шампанском прежде всего чувствовались пузырьки, в этом же рубиновом вине угадывались несколько оттенков вкуса, каждый из которых выступал на первый план в свой черед.

— Мм, — блаженно вздохнула я.

— Ну-ка, ну-ка, — сказала Ноэми, привлекая к себе мое внимание. — Этот ваш Максон — настоящий красавец. Что нужно для того, чтобы попасть в Отбор?

— Всего лишь перелопатить кучу бумажной работы, — пошутила я.

— И только? Где моя ручка?

— Я тоже участвую, — подала голос Орабелла. — С удовольствием заберу Максона домой в Италию.

Я рассмеялась:

— Поверьте, изнутри это выглядит далеко не так заманчиво.

— Вам нужно налить еще вина, — заявила Ноэми.

— Непременно! — поддержала ее Орабелла, и они подозвали официанта, который наполнил мой опустевший бокал.

— Вы когда-нибудь бывали в Италии? — поинтересовалась Ноэми.

Я покачала головой:

— До Отбора я ни разу даже не выезжала за пределы своей провинции.

— Вы непременно должны приехать! — заявила Орабелла. — Остановиться можно у меня.

— Вечно ты переманиваешь моих друзей! — шутливо возмутилась Ноэми. — Она будет жить у меня!

От вина по телу разлилась приятная теплота, а их притворная перебранка меня развеселила.

— И как, он хорошо целуется? — спросила Ноэми.

Я чуть не поперхнулась вином и рассмеялась. Потом отвела взгляд, но они все равно догадались.

— Очень хорошо? — принялась допытываться Орабелла. Я ничего не ответила, и она замахала рукой официанту. — Выпейте еще вина! —

воскликнула она.

Я укоризненно наставила на них палец, раскусив их замысел:

— Вы обе настоящие хулиганки, вот вы кто!

Они, как по команде, запрокинули головы и расхохотались, и я против воли присоединилась к ним. Оказалось, что сплетничать с девушками, с которыми не соперничаешь за одного мужчину, очень даже занимательно, но я не могла чересчур увлекаться подобными разговорами.

Я решила, что, если я не хочу закончить вечер под столом, надо уходить, и поднялась.

— Он очень романтичный. Когда хочет таким быть, — сказала я.

Они захлопали в ладоши и засмеялись, а я двинулась прочь, улыбаясь их озорству.

Немного подкрепившись, я принялась играть на скрипке и петь народные песни, которые знала наизусть. Большая часть зала подпевала мне. Краешком глаза я заметила, как Сильвия делает какие-то пометки в своем блокноте и притопывает ногой в такт.

Крисс предложила тост за королеву с Сильвией и их помощь, и зал взорвался аплодисментами. Гости весело загомонили и, осушив свои бокалы, бросили их в стену. Мы с Крисс не ожидали ничего подобного, но, пожав плечами, тут же последовали их примеру.

Бедные служанки немедленно поспешили убрать осколки, а оркестр уже снова заиграл, и весь зал пустился в пляс. Пожалуй, гвоздем программы стала Натали, которая вскочила на стол и исполнила какой-то танец. Больше всего при этом она походила на осьминога.

Королева Эмберли сидела в уголке и оживленно о чем-то болтала с итальянской королевой. Я обрадовалась: у нас все получилось! Я была так поглощена этим зрелищем, что вздрогнула от неожиданности, когда ко мне обратилась Элиза.

— У вас вышло лучше, — с неохотой призналась она. — Вам удалось организовать отличный прием.

— Спасибо. Нам пришлось поволноваться: начало- то у нас было не самое гладкое.

— Я знаю. Тем большее впечатление производит конечный результат. Как будто вы начали готовиться за несколько недель.

Она обвела глазами зал, с тоской глядя на яркое убранство. Я обняла ее за плечи:

— Знаешь, Элиза, вчера всем было ясно, что в вашей команде усерднее всех работала ты. Уверена, Сильвия донесет это до Максона.

— Ты думаешь?

— Разумеется. И я даю тебе слово, что, если это какое-то соревнование и ваша команда проиграет, я лично расскажу Максону, как много ты трудилась.

Она сощурила свои и без того узкие глаза:

— Ты правда это сделаешь?

— Ну конечно. А почему нет? — улыбнулась я.

Элиза покачала головой:

— Я действительно тобой восхищаюсь. За твою честность. Но, Америка, ты должна понять, что мы соревнуемся друг с другом. — (Моя улыбка померкла.) — Я не стала бы врать и наговаривать на тебя, но из кожи лезть, чтобы рассказать Максону о том, что ты сделала что-то хорошее, тоже не стала бы. Я просто не могу.

— Нас никто не заставляет так друг к другу относиться, — произнесла я негромко.

— Можно подумать, ты не понимаешь. Это же не просто приз. На кону стоит муж, корона, будущее. А для тебя, пожалуй, победа или проигрыш должны значить больше, чем для всех остальных.

Я стояла столбом, ошеломленная. Почему-то я думала, мы подруги. За исключением Селесты, я совершенно доверяла этим девушкам. Неужели я была так слепа, что не заметила, как отчаянно они сражаются друг с другом?

— Это не значит, что я тебя ненавижу, — продолжила между тем Элиза. — Ты очень мне нравишься. Но я не могу болеть за твою победу.

Я кивнула, все еще переваривая услышанное. Я определенно была не настолько погружена во все это, как она. Еще один повод усомниться в моей пригодности к такой работе.

Элиза улыбнулась кому-то за моей спиной. Я обернулась и увидела, что к нам направляется итальянская принцесса.

— Прошу прощения. Могу я поговорить с хозяйкой приема? — спросила она со своим милым акцентом.

Элиза сделала книксен и отправилась танцевать. Я попыталась выбросить из головы наш разговор и сосредоточиться на особе, на которую должна произвести впечатление.

— Принцесса Николетта, мне очень жаль, что нам с вами почти не удалось побеседовать сегодня вечером, — сказала я и тоже сделала книксен.

— Ничего страшного! У вас ведь было столько забот. Мои кузины от вас просто без ума!

— Они очень забавные, — рассмеялась я.

Николетта отвела меня в уголок:

— Мы не спешили завязывать контакты с Иллеа. Наш народ более... свободен, чем ваш.

— Я это вижу.

— Нет-нет, — с серьезным видом сказала она. — Я имею в виду личные свободы. Их жизнь радостнее, чем ваша. У вас ведь до сих пор есть касты, так?

Внезапно сообразив, что это нечто большее, нежели просто дружеская болтовня, я кивнула.

— Мы наблюдаем, разумеется. Мы видим, что здесь происходит. Волнения, повстанцы. Судя по всему, люди недовольны?

Я не знала, что сказать.

— Ваше высочество, я не уверена, что я тот человек, с которым стоит об этом разговаривать. Я ведь ни на что не влияю.

Николетта взяла меня за руки:

— Но вы могли бы.

Я задрожала. Неужели она озвучила мои мысли?

— Мы знаем, что произошло с той девушкой. С блондинкой, — прошептала она.

— С Марли. — Я кивнула. — Она была моей лучшей подругой.

Николетта улыбнулась:

— И вы там были. Снимков не очень много, но мы видели, что вы выбежали к эшафоту. И вы боролись.

Она смотрела на меня точно с таким же выражением, как утром королева Эмберли. В ее взгляде светилась гордость, спутать которую было невозможно ни с чем.

— Мы крайне заинтересованы в связях с могущественной нацией, если эти люди способны на перемены. Я уполномочена сделать вам неофициальное предложение. Если мы можем как-то помочь вам получить корону, дайте нам знать. Мы окажем вам полную поддержку.

Она сунула в мою ладонь сложенный клочок бумаги и зашагала прочь. На ходу она выкрикнула что-то на итальянском, и весь зал взорвался восторженными криками. Карманов у меня не было, поэтому я поспешно спрятала записку в декольте, молясь, чтобы никто ни чего не заметил.

Прием затянулся намного дольше, чем вечер наших соперниц. Подозреваю, итальянским гостям было так весело, что им просто не хотелось уходить. И все равно для такого долгого мероприятия он пролетел в одно мгновение.

Несколько часов спустя я направилась к себе в комнату, чувствуя себя

совершенно обессиленной. Я так наелась, что об ужине не хотелось и думать, и, хотя было еще не поздно, идея отправиться прямым в кровать казалась очень заманчивой.

Однако не успела я бросить взгляд в сторону постели, как ко мне подошла Энн с сюрпризом. Ахнув, я торопливо взяла у нее письмо.

Надо отдать должное сотрудникам дворцовой почты: времени они даром не теряли.

Я надорвала конверт и вышла на балкон. Я как губка впитывала папины слова вместе с последними лучами солнца.

Дорогая Америка, пожалуйста, напиши Мэй как можно скорее.

Когда она узнала, что прошлое письмо предназначалась только для моих глаз, то страшно расстроилась. Должен сказать, ты и меня застала врасплох. Не знаю, что я ожидал найти внутри, не точно не то, о чем ты спросила.

Во-первых, все правда. Когда мы приезжали тебя навестить, я говорил с Максоном, и он высказался касательно своих намерений в отношении тебя совершенно однозначно. Он произвел на меня впечатление человека, не склонного к неискренности, и мне показалась (и до сих пор кажется), что он питает к тебе глубокие чувства. Думаю, если бы вся процедура была проще, он бы уже выбрал тебя. У меня есть подозрения, что процесс затягивает не столько он, сколько ты. Я ошибаюсь?

Мой однозначный ответ — да. Максон пришелся мне на душе, и если ты хочешь быть с ним, я поддерживаю твоё решение. Если же ты этого не хочешь, я поддерживаю и такое твоё решение тоже. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива. Если это значит, что ты и дальше будешь жить в нашем убогом маленьком домишке, а не во дворце, что ж, так тому и быть.

Относительно второй твоей вопроса, я отвечу «да» и на него тоже.

Америка, я знаю, что ты многого в себе не видишь, но нужно с чего-то начинать. Мы долгие годы твердили тебе, что ты талантлива, но ты не верила в это, пока тебя не начали наперебой приглашать на концерты. Я помню, как ты увидела, что у тебя расписаны все дни на неделе, и поняла, что это из-за твоего пения и игры, и была очень горда. Такое впечатление, что ты вдруг прозрела и осознала, на что способна. И точно так же мы, сколько я себя помню, твердили тебе, что ты красавица, но ты, по-моему, взглянула на себя другими глазами лишь после того, как попала в Отбор.

Америка, ты способна вести за собой других. У тебя есть голова на

плечах, ты готова учиться, и, пожалуй, что самое важное, ты умеешь сострадать. Ты не представляешь себе, как сильно в этом нуждается наш народ.

Если ты хочешь носить корону, Америка, прими ее. Прими ее.

Потому что она должна быть твоей.

И тем не менее... если ты не захочешь принять на себя это бремя, я никогда не брошу в тебя камень. Я встречу тебя дома с распростертыми объятиями. Я люблю тебя.

Папа

Глава 20

По щекам у меня потекли слезы. Он действительно считал, что я способна на это. Он один. Ну, еще Николетта. Николетта!

Я начисто забыла о записке. Я сунула руку в вырез платья и выудила сложенный клочок бумаги. На ней был телефонный номер. И ничего больше, даже имени. Не представляю, как она рисковала, чтобы сделать мне это предложение. Я сжала в руках письмо от папы и эту крошечную записку. Мне вспомнились уверенные слова Аспена, что из меня не выйдет принцессы. Вспомнилось последнее место в голосовании. Загадочное обещание Максона...

Я закрыла глаза и попыталась разобраться в себе. Неужели я действительно на это способна? Я могу стать следующей королевой Иллеа?

Наутро после приема мы позавтракали и собрались в Женском зале. Королева отсутствовала, и все терялись в догадках, где она.

— Может, помогает Сильвии писать отчет по результатам конкурса, — предположила Элиза.

— Не думаю, чтобы ее мнение было так важно, — возразила Крисс.

— А вдруг ей плохо, — буркнула Натали, потирая виски кончиками пальцев.

— Если у тебя похмелье, это еще не значит, что оно должно быть у всех, — фыркнула Селеста.

— Или ей просто нездоровится, — сказала я. — У нее часто бывают недомогания.

— Это еще почему, — поинтересовалась Крисс.

— Она ведь вроде бы выросла на юге, — подала голос Элиза. — Я слышала, там не очень чистые воздух и вода. Может, причина в этом.

— Да, а южнее Самнера все совсем ужасно, — поддакнула Селеста.

— Возможно, она всего лишь отдыхает, — перебила ее я. — Вечером эфир «Вестей», и она хочет подготовиться. Это разумно с ее стороны. Сейчас еще десяти утра нет, а я уже не прочь бы прилечь.

— Да, нам всем не помешало бы расслабиться, — устало произнесла Натали.

В зал бесшумно вошла служанка с небольшим подносом. Она двигалась так проворно, что почти не привлекала к себе ничьего внимания.

— Погодите, — встрепенулась Натали. — Они ведь не будут

обсуждать приемы в прямом эфире, как думаете?

— Надо же было затеять такую глупость, — простонала Селеста. — Вам с Америкой просто повезло.

— Ты шутишь, да? У тебя что... — Крисс не договорила: служанка остановилась слева от меня и протянула мне поднос, на котором лежал небольшой сложенный лист бумаги.

Под внимательными взглядами девушек я нерешительно взяла записку и развернула ее.

— Это от Максона? — спросила Крисс, пытаясь изобразить равнодушие.

— Да, — ответила я, не отрываясь от чтения.

— И что он пишет? — закинула удочку она.

— Он просит меня подойти.

— По-моему, кое у кого неприятности, — рассмеялась Селеста.

Я вздохнула и поднялась:

— Посмотрим.

— Надеюсь, он наконец-то отправит ее домой, — прошептала Селеста так громко, что услышала даже я.

— Ты так думаешь? — оживилась Натали.

По спине у меня побежали мурашки. Может, он действительно собрался отправить меня домой! Если он хотел поговорить или повидаться, разве не сформулировал бы он это по-другому?

Максон ждал в коридоре. Я робко приблизилась. Он не казался расстроенным, но вид у него был слегка напряженный.

Я собралась с духом:

— Ну?

— У нас есть пятнадцать минут. Ты не должна никому рассказывать о том, что я хочу тебе показать. Поняла? — Он взял меня под локоть.

Я кивнула.

Мы поспешили по лестнице на третий этаж. Потом Максон осторожно, но быстро пошел по коридору к белой двустворчатой двери.

— Пятнадцать минут, — напомнил он.

— Пятнадцать минут.

Он вытащил из кармана ключ и, отперев одну из створок, приоткрыл ее так, чтобы я могла войти перед ним. За дверью оказалось просторное и светлое помещение с множеством окон и выходом на балкон. Из мебели имелись кровать, массивный гардероб и стол со стульями. В комнате не было ни картин, ни безделушек на украшенных инкрустацией полках. Даже краска на стенах оказалась какого-то унылого цвета.

— Это покои принцессы, — негромко произнес Максон.

Мои глаза расширились.

— Я понимаю, что сейчас смотреть тут особенно не на что. Выбор отделки — прерогатива принцессы, так что когда мама перебралась в королевские покои, отсюда все вынесли.

Здесь спала королева Эмберли. Меня охватило ощущение какого-то волшебства.

Максон остановился позади меня и начал показывать:

— Вот эти двери ведут на балкон. А вон те, — он указал в дальний конец комнаты, — в личный кабинет принцессы. Тут, — он махнул на дверь справа от нас, — коридор в мои покои. И ходить не слишком далеко.

При мысли о том, чтобы спать в такой близости от Максона, я залилась краской.

Он подошел к гардеробу:

— А это видишь? За шкафом потайной ход в убежище. В разные другие места во дворце через него тоже можно попасть, но это его главное назначение. — Он вздохнул. — Конечно, задуман он немного не с этой целью, но я решил, что дело того стоит.

Принц положил ладонь на потайную щеколду, и гардероб вместе с частью стены выехал вперед. Максон улыбнулся куда-то в пространство за ним.

— Точно вовремя.

— Ни за что бы это не пропустила, — послышался женский голос.

Я ахнула. Этот голос не мог принадлежать той, о ком я думала. Я обошла громоздкий шкаф и улыбающегося Максона и заглянула в открывшийся в стене проход. Там стояла Марли, одетая в самое простое платье и со стянутыми в пучок волосами.

— Марли? — прошептала я, совершенно уверенная, что грежу наяву. — Откуда ты взялась?

— Я так по тебе скучала! — воскликнула она и бросилась ко мне с раскрытыми объятиями. На ладонях краснели слегка поджившие рубцы. Это в самом деле была Марли.

Она обвила меня руками, и мы опустились на пол, так как ноги отказывались держать от потрясения. Меня переполняли чувства. Снова и снова я сквозь слезы спрашивала ее, как она здесь оказалась.

Когда я немного успокоилась, Максон привлек мое внимание:

— Десять минут. Я подожду снаружи. Марли, ты можешь уйти тем же путем, что и пришла.

Марли дала ему обещание, и Максон оставил нас наедине.

— Ничего не понимаю, — сказала я. — Тебя ведь должны были отправить на юг. И разжаловать до Восьмерки. Где Картер?

Она улыбнулась моему изумлению:

— Мы все это время были здесь. Я начала работать на кухне, а Картер еще лечится, но, думаю, уже скоро переберется в конюшню.

— Лечится?

В голове роилась уйма вопросов. Не знаю, почему вырвался именно этот.

— Да, он ходит и может сидеть и стоять, но сил у него еще не очень много. Он пока помогает на кухне. С ним все будет в порядке. И посмотри на меня, — сказала она, вытянув вперед обе руки. — О нас очень хорошо позаботились. Выглядят они не слишком, но зато больше не болят.

Я осторожно коснулась выпуклых красных рубцов на ее ладони, уверенная, что это не может не болеть. Но Марли не поморщилась, и в следующий миг я уже сжимала ее руку. Ощущение было странное, но совершенно естественное. Марли была со мной. Я держала ее за руку.

— Значит, Максон все это время скрывал вас во дворце?

Она кивнула:

— Он побоялся, что с нами что-нибудь сделают, если мы будем брошены на произвол судьбы, поэтому оставил здесь. Вместо нас отослали двух слуг, брата и сестру, у которых родные в Панаме.

Мы взяли другие имена, а Картер отпускает бороду, так что скоро мы никому не будем бросаться в глаза. Про то, что мы во дворце, почти никому не известно. Знает пара поварих, с которыми я работаю, одна из медсестер и Максон. Думаю, из гвардейцев вообще никто не в курсе, потому что они отчитываются перед королем, а он бы не обрадовался, узнав все. — Она покачала головой, потом быстро продолжила: — Квартирка у нас чистая, хотя и совсем маленькая, влезает только кровать да несколько полок. Я хочу сшить нам покрывало на кровать, но...

— Постой. Кровать? Одна? То есть вы спите в одной постели?

Она улыбнулась:

— Два дня назад мы поженились. В утро накануне экзекуции я сказала Максону, что люблю Картера и что он и есть тот единственный, за которого я хочу выйти замуж. И извинилась перед ним за то, что причинила ему боль. Он на меня не злился. Два дня назад он пришел и сказал, что во дворце затевается какое-то крупное мероприятие и что, если мы планируем пожениться, лучшего времени не найти.

Я прикинула в уме. Два дня назад приезжали немцы. Вся дворцовая челядь помогала их обслуживать, а те, кто не был задействован, готовились

к приему итальянок.

— Меня вел к алтарю Максон. Не знаю, увижу ли я теперь когда-нибудь своих родителей. Наверное, для них будет лучше вообще со мной не встречаться.

Эти слова явно причиняли ей боль. Если бы я была на ее месте и внезапно стала Восьмеркой, исчезнуть было бы гуманнее всего по отношению к родным. Конечно, им было бы трудно, но рано или поздно все забылось бы. И мои родители оправились бы от потери.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, она растопырила пальцы левой руки, и я заметила на безымянном пальце тонкое колечко.

Оно было из шнурка, завязанного на узелок, но смысл был предельно ясен: я занята.

— Думаю, скоро Картеру придется раздобыть для меня новое кольцо. Это уже истерлось. А я, если он начнет работать на конюшне, буду делать ему новое кольцо каждый день. — Она шутливо пожала плечами. — Впрочем, я не возражаю.

Меня очень занимала одна тема. Возможно, спрашивать подобные вещи было невежливо, но я никогда в жизни не стала бы обсуждать это ни с мамой, ни с Кенной.

— Ну и как, вы с ним уже... ну... это самое?

До нее не сразу дошло, что я имею в виду, потом она рассмеялась.

— А! Да, мы уже.

Мы обе захихикали.

— Ну и как это было?

— Честно? В первый раз не очень. Но во второй было уже лучше.

— А-а. — Я не знала, что еще сказать. — Ну да.

Повисла пауза.

— Мне очень тебя не хватало. Я скучаю по тебе. — Я коснулась веревочного кольца на ее пальце.

— И я по тебе скучаю. Может, когда ты станешь принцессой, я чаще буду сюда пробираться.

— На твоём месте я бы не была так в этом уверена, — фыркнула я.

— Что ты имеешь в виду? — посерьезнела Марли. — Ты ведь по-прежнему его любила, разве нет? — (Я пожала плечами.) — Что случилось?

В ее голосе звучала неподдельная тревога, а мне не хотелось признаваться, что все началось после того, как я ее потеряла. Ведь она в этом не виновата.

— Да так, всякое.

— Америка, что происходит?

Я вздохнула:

— Когда тебя выпороли, я разозлилась на Максона. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы понять, что он не допустил бы ничего подобного, если бы мог.

Марли кивнула:

— Америка, он очень старался. А когда не вышло, то сделал все, чтобы исправить ситуацию. Так что не стоило на него сердиться.

— Я больше не злюсь, но не уверена, что хочу быть принцессой. Не знаю, смогла бы я сделать то, что сделал он. А потом еще Селеста показала мне результаты голосования в одном журнале. Марли, я не нравлюсь народу. Я последняя. И сомневаюсь, что обладаю качествами, которые требуются для этой роли. С самого начала я считала, что не подхожу, а сейчас мой рейтинг стремительно падает. К тому же теперь... теперь, похоже, Максону нравится Крисс.

— Крисс? Когда она успела?

— Понятия не имею. И не знаю, что делать. В глубине души мне даже кажется, что это не так уж и плохо. Из нее выйдет куда лучшая принцесса, чем я, особенно если она ему действительно нравится. Я хочу, чтобы он был счастлив. К тому же скоро должны исключить еще одну девушку. Когда он вызвал меня сегодня, я подумала, что все — отправляют домой.

Марли рассмеялась:

— Не говори ерунды. Если бы Максон не испытывал к тебе никаких чувств, он уже давным-давно отправил бы тебя домой. Ты здесь, потому что он отказывается терять надежду.

Из горла у меня вырвался полузадушенный смешок.

— Я очень хотела бы поболтать с тобой подольше, но мне уже пора уходить, — сказала она. — Пока у гвардейцев пересменка не закончилась.

— Ничего, что недолго. Я рада, что у тебя все в порядке.

Она обняла меня:

— Только не сдавайся, ладно?

— Не сдамся. Ты сможешь время от времени писать мне или что-нибудь в этом роде?

— Посмотрим. — Она отпустила меня, и мы постояли рядом. — Если бы я участвовала в том голосовании, то отдала бы свой голос за тебя. Я всегда считала, что принцессой должна стать ты.

Я покраснела:

— Ладно, беги скорее. Передавай от меня привет мужу.

— Передам, — улыбнулась она.

Марли подошла к гардеробу и проворно отыскала задвижку. Я почему-то считала, что экзекуция сломит ее, но Марли, наоборот, стала сильнее, даже держалась по-иному. Она обернулась, чтобы послать мне воздушный поцелуй, и исчезла.

Я быстро вышла из комнаты и увидела, что Максон ждет меня в коридоре. Услышав, что дверь открылась, он с улыбкой оторвался от книги, которую читал, и я уселась рядом с ним.

— Почему ты раньше мне не сказал?

— Сначала я должен был удостовериться, что им ничто не грозит. Отец не подозревает о моих проделках. Пока не было уверенности, что не наврежу им, пришлось хранить все в секрете. Надеюсь, у меня получится устроить так, чтобы вы могли видеться почаще, но на это уйдет какое-то время.

Я почувствовала невероятную легкость, как будто с души свалились разом несколько камней, которые я повсюду таскала с собой. Радость от встречи с Марли, счастье от того, что Максон в самом деле оказался таким добрым, каким я его считала, и общее облегчение от того, что он не отсылает меня домой, просто переполняли.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что.

Я не знала, что еще сказать. Максон немного помолчал, потом откашлялся:

— Понимаю, тебя смущает необходимость выполнять неприятную работу, но есть и масса положительных возможностей. Я считаю, ты могла бы совершить великие дела. Конечно, теперь ты видишь во мне принца, но это должно было когда-то произойти, если ты собиралась стать моей.

Я взглянула ему в глаза:

— Знаю.

— Ты перестала быть для меня открытой книгой. По-началу, когда ты еще не питала ко мне никаких чувств, я легко тебя понимал. Потом, когда все изменилось, ты стала смотреть на меня по-другому. Теперь же мне иногда кажется, что все по-прежнему, а иногда — что я уже тебя потерял. — (Я кивнула.) — Пойми, я не прошу тебя сказать, что ты меня любишь. И не прошу немедленно решить, хочешь ли ты быть принцессой. Мне лишь нужно услышать, желаешь ли ты вообще здесь находиться или нет.

В этом-то и заключался весь вопрос, разве нет? Я до сих пор не знала, гожусь на эту роль или нет, но не была уверена, что готова все бросить. А проявление доброты со стороны Максона меня поколебало. Мне было над

чем подумать, но сдаваться я не собиралась. Теперь не могла.

Максон сидел, положив руку на колено, и я подсунула под нее свою ладонь. Он ободряюще ее сжал.

— Если ты меня оставляешь, я хочу остаться.

Максон с облегчением вздохнул:

— Мне бы очень этого хотелось.

Я вернулась в Женский зал, по пути ненадолго заглянув в уборную. Пока я не уселась, девушки хранили молчание. Потом наконец Крисс отважилась поинтересоваться:

— Зачем он тебя вызывал?

Я посмотрела не только на нее, но сразу во все напряженные глаза:

— Я предпочла бы не отвечать на этот вопрос.

В сочетании с моим заплаканным лицом такой ответ наводил на мысль, что ничего хорошего я от Максона не услышала; но я не могла сказать ничего другого, чтобы не повредить Марли, и меня это не волновало.

Но что действительно задело меня за живое, так это то, как Селеста сжала губы, чтобы скрыть рвущуюся улыбку, Натали вскинула брови, притворяясь, будто читает позаимствованный у Селесты журнал, и как с надеждой переглянулись Крисс с Элизой.

Я и не предполагала, что соперничество будет настолько ожесточенным.

Глава 21

Нас пощадили: об итогах приемов в эфире «Вестей» не упомянули. О визите иностранных друзей сказали лишь вскользь, настоящие подробности остались за кадром. Только на следующее утро Сильвия с королевой пришли все обсудить.

— Задача перед вами стояла очень сложная, и все с легкостью могло пойти наперекосяк. Однако я должна с радостью констатировать, что обе команды справились отлично. — Сильвия одарила каждую из нас одобрительным взглядом.

Мы все выдохнули с облегчением, и я незаметно пожала руку Крисс. Она ответила мне тем же. Как бы ни задевали их отношения с Максоном, я отдавала себе отчет в том, что без нее я никогда в жизни не справилась бы с подготовкой к приему.

— Если уж совсем начистоту, один прием был проведен на чуть более высоком уровне, но вы все можете гордиться своими достижениями. Мы получили благодарственные письма от наших давних друзей из Германской Федерации за ваш теплый прием. — Сильвия кивнула Селесте с Натали и Элизой. — Без небольших шероховатостей не обошлось, и я не думаю, чтобы кто-то из нас по-настоящему получал удовольствие от столь серьезных мероприятий, но они определенно остались довольны.

— Теперь что касается вас двоих. — Сильвия повернулась к нам с Крисс. — Наши гости из Италии были в полном восторге. На них произвели большое впечатление ваш внешний вид и угощение, и они отдельно поинтересовались тем, какое вино подавали, так что браво! Я не удивлюсь, если итогом этого приема станет появление у Иллеа нового замечательного союзника. Вы заслужили похвалу.

Крисс восторженно пискнула, а я издала нервный смешок, радуясь тому, что все осталось позади, не говоря уж о том, что мы обошли вторую команду.

Сильвия сказала, что ей еще нужно написать официальный отчет для представления королю и Максону, но заверила всех в том, что беспокоиться не о чем. Пока она говорила, в комнату ворвалась служанка и, подбежав к королеве, зашептала что-то ей на ухо.

— Ну разумеется, можно, — сказала королева, потом неожиданно поднялась и сделала несколько шагов к дверям.

Служанка поспешила распахнуть двери, и на пороге появились король

с Максоном. Я знала, что мужчинам не позволено входить в Женский зал без разрешения королевы, но наблюдать это правило в действии было забавно.

При их появлении мы поднялись, чтобы сделать реверанс, но их, похоже, не слишком заботили формальности.

— Дорогие дамы, просим прощения за вторжение, но у нас срочные новости, — сообщил король. — Боюсь, война с Новой Азией перешла в другую стадию, — сказал Максон твердо. — Ситуация настолько угрожающая, что мы с отцом должны немедленно туда вылететь.

— Что случилось? — ахнула королева, хватаясь за сердце.

— Никаких поводов для беспокойства нет, милая, — заверил король.

Но это утверждение не могло быть полностью прав диво, коль скоро ситуация требовала их безотлагательного присутствия. Максон подошел к матери. Они коротко о чем-то негромко переговорили, потом она поцеловала его в лоб. Он обнял мать и отошел в сторону. Король принялся отдавать жене какие-то распоряжения, а Максон тем временем подошел попрощаться с каждой из нас.

Прощание с Натали было столь кратким, что с таким же успехом его могло вообще не быть. Натали, впрочем, это, по-видимому, не слишком расстроило. Я не знала, как это истолковать. То ли ее в самом деле не опечалило явное равнодушие Максона, то ли оно настолько ее огорчило, что она заставила себя изображать хладнокровие.

Селеста повисла у Максона на шее и разразилась потоком фальшивых слез. Бездарнее этого представления я еще не видела.

Тут же вспомнилась Мэй, которая в детстве считала, что стоит ей разреветься, как у нас сами собой появятся деньги, чтобы купить то, чего хочется. Когда Максон высвободился из объятий Селесты, она запечатлела на его губах поцелуй, который он быстро — и как можно более незаметно — стер, стоило ей отвернуться.

Элиза и Крисс стояли так близко ко мне, что я слышала его прощальные слова той и другой.

— Позвони им и попроси, чтобы были к нам снисходительны, — сказал он Элизе.

Я почти и забыла, что она до сих пор не выбыла из Отбора главным образом благодаря тому, что состояла в родстве с руководством Новой Азии. Интересно, обострение отношений с Новой Азией не будет стоить ей ее положения? Тут я внезапно осознала, что понятия не имею, чем грозит Иллеа поражение в этой войне.

— Если мне дадут телефон, я поговорю с родителями, — пообещала

она.

Максон кивнул и поцеловал Элизе руку, потом подошел к Крисс. Та немедленно сплела свои пальцы с его.

— Это опасно? — спросила она тихо. Голос у нее дрожал.

— Не знаю. Во время нашей последней поездки в Новую Азию ситуация не была настолько напряженной. Понятия не имею, чего ждать на этот раз.

Он произнес это с такой нежностью в голосе, что мне подумалось: лучше бы они вели этот разговор без свидетелей.

Крисс подняла глаза к потолку и вздохнула, и в этот миг Максон посмотрел на меня. Я отвела взгляд.

— Пожалуйста, будь осторожен, — прошептала она. По щеке у нее поползла слезинка.

— Разумеется, дорогая. — Максон дурашливо отдал ей честь, и она немного развеселилась. Тогда он поцеловал ее в щеку и приблизил губы к ее уху. — Пожалуйста, попытайся чем-нибудь занять маму. Она волнуется. — Он отстранился и заглянул ей в глаза, и Крисс, кивнув, выпустила его руку. По ее телу пробежала дрожь. Максон слегка дернулся, словно хотел обнять ее, но потом отступил и двинулся ко мне.

Как будто слов Максона на прошлой неделе было недостаточно, я получила наглядное доказательство их отношений. Судя по всему, их связывала подлинная нежность. Одного взгляда на закрытое ладонями лицо Крисс было довольно, чтобы понять, насколько он ей небезразличен. Ну, или она была невероятно искусной актрисой.

Я попыталась сравнить выражение, с которым он смотрел на меня, с тем, что было на его лице, когда он взирал на Крисс. Выражал ли его взгляд то же самое? Было ли в нем меньше теплоты?

— Попытайся в мое отсутствие не влипать ни в какие неприятности, ладно? — шутивым тоном произнес он.

С Крисс он не шутил. Интересно, это имело какое-то значение?

Я вскинула правую руку:

— Даю слово быть паинькой.

Он прыснул:

— Отлично. Одной головной болью меньше.

— А мы? У нас есть причины для беспокойства?

Максон покачал головой:

— Думаю, нам удастся все уладить. Отец может быть отличным дипломатом, и...

— Ты иногда бываешь таким болваном, — проговорила я в сердцах.

Максон нахмурился. — Я имею в виду, за тебя. У нас есть причины беспокоиться за тебя?

Он резко посерьезнел, и это отнюдь не прибавило мне спокойствия.

— Мы прилетим и улетим. Если нам удастся живыми добраться до земли...

Максон сглотнул, и я поняла, насколько он напуган.

Я хотела спросить его о чем-нибудь другом, но не знала о чем.

Он кашлянул:

— Америка, перед тем как уехать...

Я подняла на Максона глаза и почувствовала, как нос защипало от слез.

— Я хочу, чтобы ты знала, что все...

— Максон! — рявкнул король. Тот вскинул голову. — Нам пора.

Максон кивнул.

— Америка, до свидания, — сказал он тихо и поднес мою руку к губам.

Его взгляд упал на мой самодельный браслетик. Он озадаченно посмотрел на него, потом бережно поцеловал мне пальцы.

Это невесомое прикосновение возродило в моей памяти эпизод, который, казалось, случился много лет назад. Точно так же он поцеловал мне руку в мой самый первый вечер во дворце, когда я накричала на него, а он все равно позволил мне остаться.

Максон с королем развернулись и вышли. Все остальные девушки провожали их взглядом, я же смотрела на королеву. Из нее точно разом выпустили весь воздух. Сколько раз ее муж и ее единственное дитя должны будут оказаться в опасности, прежде чем она надломится?

Когда дверь за самыми дорогими для нее людьми захлопнулась, королева Эмберли несколько раз сморгнула, сделала глубокий вдох и распрямила плечи.

— Прошу простить меня, девушки, но эта внезапная новость потребует большой работы. Пожалуй, мне сейчас лучше отправиться в комнату и собраться с мыслями. — Каких же усилий ей стоило это все. — Если вы не против, я распоряжусь, чтобы обед вам накрыли здесь, а я присоединюсь к вам за ужином. — (Мы кивнули.) — Отлично, — сказала она и двинулась к выходу.

Королева — сильная женщина. Она выросла в бедной семье в бедной провинции и работала на фабрике, пока не была выбрана для участия в Отборе. Затем, став королевой, она перенесла один за другим несколько выкидышей и наконец смогла родить ребенка. На людях она будет

держаться как настоящая леди, как того требует ее положение. Но, оставшись в одиночестве своей комнаты, наверняка всплакнет.

После того как королева удалилась к себе, Селеста тоже вышла. Тогда я решила, что и меня ничто не держит, и отправилась в комнату, чтобы побыть в одиночестве и все обдумать.

Меня волновала Крисс. Каким образом они вдруг так сблизились с Максоном? Еще не так давно он расписывал наше будущее. Он просто не мог быть настолько увлечен ею, раз говорил мне такие вещи. Должно быть, все произошло уже потом.

День пролетел незаметно. После ужина служанки помогли мне подготовиться ко сну. Однако всего одна вскользь брошенная Энн фраза заставила меня выйти из задумчивости.

— А знаете, мисс, кого я сегодня утром застала у вас в комнате? — спросила она, осторожно расчесывая перед сном мои волосы.

— И кого же?

— Офицера Леджера.

Я оцепенела, но всего лишь на долю секунды.

— Вот как? — произнесла я, внимательно глядя на свое отражение в зеркале.

— Да, — подтвердила Люси. — Он сказал, что производит осмотр вашей комнаты. Что-то там связанное с безопасностью. — Вид у нее был слегка озадаченный.

— Мне это показалось немного странным, — подала голос Энн. — Он был в штатском, а не в форме. С чего бы он стал производить какие-то проверки в свое свободное время?

— Он, должно быть, очень преданный служака, — заметила я рассеянным тоном.

— Думаю, так оно и есть, — с восхищением произнесла Люси. — Каждый раз, когда я вижу его где-нибудь во дворце, от него не ускользает ни одна мелочь. Он очень хороший солдат.

— Верно, — будничным тоном сказала Мэри. — Многие призывники из тех, кто здесь оказывается, на самом деле не годятся для этой работы.

— А еще ему очень идет штатское. На большинство из них без мундира и взглянуть без слез невозможно, — заметила Люси.

Мэри захихикала и покраснела, и даже на губах у Энн промелькнула улыбка. Давно уже я не видела их в таком приподнятом настроении. В другое время я бы, пожалуй, не отказалась посплетничать о гвардейцах. Но сегодня у меня совершенно не было желания. Все мысли были о том, что

где-то в комнате спрятано письмо от Аспена. Мне очень хотелось оглянуться на мою склянку, но я не отважилась.

Прошла, казалось, целая вечность, пока служанки наконец не оставили меня в одиночестве. Я заставила себя не спешить и выждать еще несколько минут, чтобы убедиться, что они не вернутся. В конце концов я выскочила из постели и схватила склянку. Как я и предполагала, там меня ждала крохотная записка.

Глава 22

— Эй! — прошептала я, следуя инструкции Аспена.

Я осторожно вошла в комнату, освещенную только угасающим сиянием солнца, которое просачивалось сквозь тонкие шторы, но его было достаточно, чтобы я могла разглядеть радостное лицо Аспена.

Я закрыла за собой дверь, и он немедленно бросился ко мне и подхватил на руки:

— Как я скучал по тебе.

— И я по тебе. С этим приемом было столько дел — вздохнуть некогда.

— Хорошо, что все уже закончилось. Ну как, ты не очень устала, пока сюда добиралась? — пошутил он.

Я прыснула:

— Аспен, серьезно, ты гений.

Идея была до смешного незатейлива. В отсутствие его величества королева не требовала соблюдения формальностей. Или, может, ей просто было не до того. В любом случае она предоставила нам выбирать по собственному усмотрению — ужинать в общем зале или у себя. Служанки одели меня к ужину, но вместо столовой, я отправилась в бывшую комнату Бариель.

Он с улыбкой выслушал похвалу и усадил меня в дальнем углу спальни на подушки, которые уже успел там разложить.

— Тебе удобно?

Я кивнула, ожидая, что Асиен пристроится рядом, но он не стал садиться. Вместо этого, передвинул большой диван так, чтобы нас не увидели от двери, а потом подтащил к нему еще и стол, и я оказалась под его крышкой. Только после этого он взял со стола какой-то узелок — и уселся около меня.

— Почти как дома, правда?

Он устроился сзади, так что моя спина оказалась прижата к его груди. Это положение было таким знакомым, а места под столом так мало, что мы и в самом деле словно вновь очутились в нашем крошечном домике на дереве. Возникло такое ощущение, как будто он взял кусочек чего-то, что я считала потерянным навсегда, и положил его мне прямо на ладони.

— Даже лучше, — вздохнула я, принякая к нему.

В следующее мгновение он запустил пальцы мне в волосы. По спине

побежали мурашки.

Некоторое время мы молчали. Я закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании Аспена. Совсем недавно я точно так же сидела с Максоном. Но сейчас все было совершенно иначе. Я не спутала бы дыхание Аспена ни с чьим другим, даже в толпе. Я слишком хорошо знала его. А он — меня. Этот глоток покоя был необходим мне как воздух, и Аспен его дал.

— Мер, о чем думаешь?

— Да о многом. — Я вздохнула. — О доме, о тебе, о Максоне, об Отборе, обо всем.

— И что же ты думаешь?

— В основном о том, как все запутано. Мне кажется, я понимаю, что происходит, а потом — хлоп! — что-нибудь случается и все переворачивается с ног на голову.

Аспен немного помолчал и осторожно спросил:

— Твое отношение ко мне сильно изменилось?

— Нет! — сказала я, придвигаясь ближе к нему. — Если на свете и есть что-то постоянное, то это ты. Если даже весь мир полетит вверх тормашками, ты по-прежнему будешь рядом, как и раньше. В моей жизни творится такой дурдом, что любовь к тебе отступила на второй план, но знаю, что она никуда не делась. Совсем глупо звучит?

— Нет, почему же. Я понимаю, что усложняю тебе жизнь. Но все равно рад, что у меня еще есть какие-то шансы. — Аспен обнял меня, как будто мог удержать в объятиях навечно.

— Я ничего не забыла!

— У меня иногда возникает такое чувство, что мы с Максоном участвуем в своей собственной версии Отбора. Конкурсантов всего двое, только он и я. Один из нас в конечном итоге получит тебя, и я не могу решить, кто в худшем положении. Максон не в курсе, что мы состязаемся, так что он, возможно, не старается в полную силу. С другой стороны, я вынужден скрываться, поэтому не могу дать тебе всего, что дает он. Наверное, борьбу нельзя назвать честной по отношению ни к одному из нас.

— Зря ты так думаешь.

— Мер, я не знаю, как еще на это смотреть.

— Давай не будем об этом, — вздохнула я.

— Ладно. Тем более что разговоры о принце не доставляют мне никакого удовольствия. Ну а все остальное, что тебя заботит? Что происходит?

— Тебе нравится быть солдатом? — спросила я, поворачиваясь к нему

лицом.

Он горячо кивнул и развязал узелок с едой.

— Да, очень. Я думал, буду минуты считать до демобилизации, но это оказалось просто потрясающе. — Он сунул в рот кусочек хлеба и продолжил: — Ну, есть некоторые очевидные моменты. Например, я всегда сыт. Им нужно, чтобы мы были большими, так что еды вдоволь. Конечно, еще уколы делают, — поправился он. — Но это можно пережить. Вдобавок мне платят. Несмотря на то что я живу на всем готовом, еще и деньги за это получаю. — Он на мгновение умолк и принялся крутить в пальцах дольку апельсина. — Ты ведь знаешь, как приятно посылать домой деньги.

Я видела, что он думает о матери и шестерых братьях и сестрах. Он заменил младшим детям отца. Наверное, от этого скучал по дому еще больше, чем я.

Аспен между тем откашлялся и продолжил:

— Но есть и другие вещи, про которые я никогда бы не подумал, что они могут прийти мне по вкусу. Мне нравится армейская дисциплина и уклад. Приятно, что я приношу пользу. Я чувствую... удовлетворение. Многие годы я маялся, пересчитывая скот или прибираясь в чужих домах. Теперь у меня есть ощущение, что я занимаюсь своим делом.

— Значит, твой ответ «да»? Тебе нравится?

— Целиком и полностью.

— Но ты не любишь Максона. И я знаю, что ты не в восторге от порядков в Иллеа. Мы с тобой говорили об этом дома. А теперь еще вся эта история с беднягами с юга, исключенными из своих каст. Ведь это тоже не дает тебе покоя.

— Я считаю, что это жестоко, — кивнул он.

— Как же тогда тебе может нравиться защищать все это? Ты сражаешься с повстанцами, чтобы обеспечить безопасность короля и Максона. Это ведь они всем заправляют. Так как же ты можешь любить то, чем занимаешься?

Он с задумчивым видом снова принялся жевать.

— Даже не знаю. Наверное, это прозвучит глупо, но... в общем, как я уже сказал, у меня появилось ощущение осмысленности моего существования. И увлеченности тем, что я делаю, и способности как-то изменить свою жизнь. Может, Иллеа и не идеальна. На самом деле она очень далека от идеала. Но у меня есть... есть надежда, — закончил он. Мы оба затихли. — Мне кажется, что жизнь налаживается, хотя, по правде говоря, я не настолько хорошо знаком с нашей историей, чтобы это доказать. И полагаю, что со временем станет еще лучше. Возможности для

этого есть. И потом, это глупо, но это моя страна. Я отдаю себе отчет в том, что в ней не все гладко, но это не значит, что анархисты могут вот так взять и захватить власть. Смешно звучит?

Я жевала хлеб и размышляла о словах Аспена. Они напомнили мне о тех временах, когда мы с ним сидели в домике на дереве и я спрашивала его о разных вещах. Даже если не соглашалась с его мнением, оно помогало мне лучше все понять. Впрочем, в этом вопросе у меня не было с ним разногласий. Напротив, разговор помог увидеть то, что, пожалуй, все это время было у меня в сердце.

— Нет, вовсе не смешно. Наоборот, вполне логично.

— И как, это помогло тебе разобраться в своих мыслях?

— Да.

— Расскажешь?

— Еще не время, — улыбнулась ему я.

Впрочем, Аспен был далеко не дурак, и, судя по его печальному взгляду, не исключено, что он и сам уже обо всем догадался.

— Сложно все, да? — Он провел пальцами по моей руке, потом покрутил браслет на запястье.

— Ужасно.

— Иногда у меня возникает чувство, будто наши жизни так переплетены, что этот узел распутать невозможно.

— Точно, — кивнула я. — Столько всего с тобой связано. Без тебя чувствую себя потерянной.

Аспен притянул меня, провел ладонью по виску, потом по щеке:

— Значит, нам просто не нужно его распутывать.

Он поцеловал меня очень бережно, будто боялся, что излишний напор разрушит этот миг и все испортит. Может, и так. Медленно опустив на подушки и не выпуская из объятий, он принялся покрывать меня поцелуями. Его руки скользнули вниз, повторяя очертания тела. Это ощущение было таким знакомым, таким уютным.

Я запустила пальцы в его коротко стриженные волосы. Раньше, до армии, они были длиннее, падали мне на лицо и щекотали, когда мы целовались. Руки Аспена стали более мускулистыми и крепкими. Он даже прижимал меня к себе по-другому. В его манере делать это теперь чувствовалась какая-то новая уверенность, возможно связанная с его превращением в Двойку.

Время пролетело незаметно, и Аспен проводил меня до двери. На пороге он задержал меня долгим поцелуем, так что даже чуть-чуть закружилась голова.

— Я постараюсь в ближайшее время устроить нам еще встречу, — пообещал он.

— Буду ждать. — Я уткнулась в него, пытаясь продлить этот последний миг. Потом, чтобы не подвергать нас опасности, ушла.

Служанки готовили меня ко сну. Я пребывала в состоянии какого-то оцепенения. Раньше Отбор представлялся мне всего лишь выбором между Максоном и Аспеном. Теперь же, хотя мне и без того было нелегко принять решение, к этому добавилось еще множество других вопросов. Кто я, Пятерка или Тройка? Когда все будет кончено, кем я стану, Двойкой или Единицей? Кем я проживу остаток жизни — женой офицера или короля? Отойду ли в тень, где мне всегда было так уютно, или заставлю себя стать центром всеобщего внимания, что меня всегда пугало? Смогу ли я быть довольна своим выбором? Смогу ли не возненавидеть ту, с кем останется Максон, если я выберу Аспена? Смогу ли простить ту, которую выберет Аспен, если я останусь с Максоном?

Когда свет погасили и я улеглась в постель, я напомнила себе, что нахожусь здесь по собственной воле. Да, Аспен просил об этом, да, мама давила, но заполнять анкету для участия в Отборе никто никого не принуждал.

Что бы ни ждало меня в будущем, мне придется это принять. Другого выбора нет.

Глава 23

Войдя в столовую, я присела перед королевой, но она не заметила. Я вопросительно взглянула на Элизу — единственную из девушек, что присутствовала в комнате, но она лишь пожала плечами. Появившиеся Натали с Селестой были точно так же проигнорированы. Последней показалась Крисс. Она уселась рядом со мной, но ее взгляд был прикован к королеве Эмберли. Та, казалось, находилась в каком-то своем мире — смотрела куда-то в пол, время от времени вскидывая взгляд на пустые кресла короля и Максона, будто что-то было не так.

Слуги начали подавать блюда. Большинство девушек принялись за еду, но Крисс по-прежнему поглядывала на королевский стол.

— Ты знаешь, в чем дело? — прошептала я.

Крисс со вздохом повернулась ко мне:

— Элиза позвонила родным, чтобы узнать, как дела, и попросить их встретиться с Максоном и королем, когда те будут в Новой Азии. Но ее родственники говорят, что те так и не прибыли.

— Вообще?

Крисс кивнула:

— Что самое странное, король звонил сразу после приземления, и они с Максоном говорили с королевой Эмберли. У них все в порядке, и они сказали ей, что находятся в Новой Азии, но родные Элизы продолжают утверждать, что никто так и не появился.

Я нахмурилась, пытаюсь сообразить, что к чему.

— Что все это значит?

— Без понятия, — призналась Крисс. — Если они не там, то где? Бред какой-то.

— Гм, — сказала я, не зная, что еще можно добавить.

Как родные Элизы могут не знать, что король и принц там? А вдруг они на самом деле не в Новой Азии?

Крисс наклонилась ближе:

— Мне нужно поговорить с тобой еще кое о чем. Ты не против после завтрака прогуляться в саду?

— Разумеется, — отозвалась я. Не терпелось выяснить, что ей известно.

Мы обе быстро покончили с едой. Я не знала, что именно ей удалось выяснить, но если она хотела поговорить вне стен дворца, значит разговор

не был предназначен для посторонних ушей.

Королева, погруженная в свои мысли, не обратила внимания на то, что мы вышли.

Очутиться в залитом светом саду было чудесно.

— Давненько я сюда не выходила, — сказала я, зажмурившись и подставляя лицо солнцу.

— Ты ведь обычно приходишь сюда с Максоном?

— Угу.

В следующую же секунду я задалась вопросом, откуда она об этом знает. Неужели это известно всем?

Я кашлянула:

— Так что ты хотела обсудить?

Она остановилась в тени дерева и обернулась ко мне:

— Я считаю, что нам с тобой нужно поговорить о Максоне.

— А что с ним такое?

Она помялась:

— В общем, я уже приготовилась проиграть. Думаю, мы все к этому подготовились, ну, разве что кроме Селесты. Это казалось очевидным. Ему была нужна ты. А потом случилась эта история с Марли, и все изменилось.

Я не знала, что сказать.

— То есть ты просто хочешь извиниться за то, что ты теперь на коне?

— Нет! — решительно отрезала она. — Ясно, что ты ему все еще небезразлична. Я же не слепая. Просто хочу сказать, что сейчас мы с тобой, возможно, в равном положении. Ты мне нравишься. Я считаю, что ты прекрасный человек, и не хочу, чтобы у нас испортились отношения, каким бы ни был исход.

— Значит, это...

Она сплела руки перед собой, пытаясь подобрать нужные слова.

— Это желание быть с тобой абсолютно честной относительно моих отношений с Максоном. И я надеюсь, что ты ответишь мне тем же.

Я скрестила руки на груди и задала тот единственный вопрос, который не давал мне покоя:

— Когда вы успели так сблизиться?

Ее взгляд стал мечтательным, и она принялась наматывать на палец прядь светло-каштановых волос.

— Пожалуй, сразу же после всех событий с Марли. Наверное, это прозвучит глупо, но я нарисовала для него открытку. Я всегда так делала дома, когда кому-то из моих друзей было грустно. В общем, ему это понравилось. Он сказал, что ему никто и никогда еще ничего не дарил.

Что? Ох. Вот это да. Неужели после всего того, что он для меня сделал, я ни разу в благодарность не сделала ничего для него?

— Он был так рад, что попросил меня немного посидеть с ним в его комнате и...

— Ты видела его комнату? — поразилась я.

— Да, а ты нет?

Мое молчание было красноречивее любого ответа.

— Ой, — смутилась Крисс. — Ну, в общем, ты не слишком много потеряла. Она довольно темная, в одном углу — стойка для ружей, а все стены завешаны картинами. Ничего особенного, — небрежно произнесла она. — В общем, после этого он начал заходить ко мне практически в любую свободную минуту. — Крисс покачала головой. — Все произошло как-то очень быстро.

Я вздохнула.

— Вообще-то, он, считай, сам сказал мне об этом, — призналась я. — Упомянул, что мы обе нужны ему здесь.

— Значит... — Она закусила губу. — Ты уверена, что до сих пор ему нравишься?

Разве Крисс и без меня не подозревала об этом? Ей что, нужно было услышать подтверждение из моих уст?

— Крисс, тебе в самом деле это надо?

— Да! Мне нужно понимать, каково мое положение. Я тоже расскажу тебе обо всем, что ты захочешь узнать. Да, решения принимаем не мы, но это не значит, что нужно барахтаться во всем этом вслепую.

Я сделала небольшой круг по полянке, пытаюсь разобраться со своими мыслями. Вряд ли у меня хватило бы храбрости спросить Максона про Крисс. Я про себя-то могла говорить с ним с большим трудом. Однако меня упорно не покидало чувство, что я не обладаю всей информацией, чтобы можно было делать выводы о моем положении. Возможно, это был мой единственный шанс получить недостающие сведения.

— Уверена, что он хочет, чтобы я пока оставалась во дворце. Но, думаю, ты тоже нужна ему здесь.

— Я догадываюсь, — кивнула она.

— Вы с ним уже целовались? — не удержалась я.

Она застенчиво улыбнулась:

— Нет, но, думаю, он поцеловал бы меня, если бы я не попросила его не делать этого. В нашей семье существует что-то вроде традиции не целоваться до обручения. Иногда влюбленные устраивают вечеринку, на которой объявляют о дате свадьбы, и тогда первый поцелуй происходит у

всех на глазах. Я тоже так хочу.

— Но он пытался?

— Нет, я рассказала ему об этом еще до того, как мы зашли в своих отношениях настолько далеко. Но он часто целует мне руки, и в щеку тоже, бывает. Это так мило, — разоткровенничалась она. — (Я кивнула, глядя себе под ноги.) — погоди, — поколебавшись, спросила она. — А вы с ним разве целовались?

Меня очень тянуло похвастаться, что я была первой девушкой, с которой он целовался. Что когда мы целовались, время словно останавливалось.

— Вроде того. Это сложно объяснить, — уклонилась я от прямого ответа.

— Нет, не сложно, — поморщилась она. — Да или нет?

— В двух словах не скажешь.

— Америка, если ты не будешь честной, это просто пустая трата времени. Я предложила тебе откровенность в обмен на откровенность. Думала, для нас обеих лучше, если мы будем в дружеских отношениях.

Я стояла, ломая руки, и пыталась найти слова, чтобы объяснить ей. И дело было не в том, что Крисс мне не нравилась. Если меня отправят домой, я желала бы видеть победительницей именно ее.

— Крисс, я действительно хочу, чтобы мы с тобой были друзьями. Вообще-то, я думала, что мы и так друзья.

— И я тоже, — произнесла она негромко.

— Просто мне трудно говорить о таких личных вещах. И хотя я благодарна тебе за честность, я не уверена, что хочу все знать. Даже если сама об этом спросила, — добавила я быстро, увидев, как шевельнулись ее губы. — Я и так в курсе, что он испытывает к тебе какие-то чувства. Я это вижу. Думаю, сейчас такой момент, когда неопределенность лучше определенности.

— Я уважаю твою позицию, — улыбнулась Крисс. — Но могу я просить тебя об одной услуге?

— Конечно, если это будет в моих силах.

Она закусила губу и отвела взгляд. Когда же вновь посмотрела на меня, в ее глазах стояли слезы.

— Если ты будешь уверена, что я ему не нужна, скажешь мне, ладно? Не знаю, как ты, но я люблю его. И мне хотелось бы ясности в таких вещах. Если, конечно, ты будешь в этом уверена.

Она его любит. И не побоялась произнести это вслух. Крисс любит Максона.

— Если он когда-нибудь прямо скажет мне об этом, я тебе передам.

Она кивнула:

— Может, мы могли бы дать еще одно обещание? Не вставлять друг другу специально палки в колеса? Я не хочу такой победы, и, думаю, ты тоже не хочешь?

— Я ведь не Селеста, — ответила я с отвращением, и она рассмеялась. — Обещаю играть честно.

— Ну и хорошо.

Она промокнула глаза и оправила платье. Мне немедленно представилось, как величественно она выглядела бы с короной на голове.

— Мне нужно идти, — солгала я. — Спасибо, что поговорила со мной.

— Спасибо, что согласилась прийти. Прости, если я была чересчур назойлива.

— Все в порядке. Увидимся позже.

— Ладно.

Я развернулась и так быстро, как только было можно, чтобы не показаться грубой, зашагала во дворец. Очутившись внутри, я перешла на бег и взлетела по лестнице на второй этаж. Сейчас мне больше всего хотелось от всех спрятаться.

По дороге к комнате я заметила на полу лист бумаги. Видеть это во дворце, где обыкновенно царил идеальный порядок, было странно. Да и лежал он в углу коридора, ведущего к моей спальне, так что я предположила, что он мог предназначаться для меня, поэтому подняла и прочитала.

Еще одно нападение повстанцев произошло сегодня утром, на этот раз в Паломе. По сведениям на настоящий момент, триста с лишним человек убиты, не менее сотни ранены. Как и прежде, основным требованием нападавших остается прекращение Отбора, которое нацелено на пресечение королевского рода. Необходим совет, как реагировать на эти требования.

Я похолодела. Потом еще раз осмотрела листок с обеих сторон в поисках даты. Еще одно нападение сегодня утром? Даже если этой информации несколько дней, это уже по меньшей мере второе нападение. И основным требованием было прекращение Отбора, как и прежде. Неужели именно ради этого и были совершены все предыдущие нападения? Неужели они пытались избавиться от нас? И если так, преследуют ли эту цель как южане, так и северяне?

И что теперь делать! Это донесение не предназначалось для моих глаз, так что обсудить его ни с кем нельзя. Но вопрос заключался в том, дошла ли уже эта информация до тех, кому предназначалась? Я решила, что разумнее всего будет положить листок обратно на пол. На деюсь, кто-нибудь из стражи найдет его и доставит по назначению.

Я утешала себя тем, что, по крайней мере, кто-то отвечал на все эти донесения.

Глава 24

В последующие два дня я ела исключительно у себя в комнате, благодаря чему удавалось избегать Крисс до вечера среды. Я надеялась, что к тому времени чувство неловкости пройдет, но сильно ошибалась. За ужином мы обменялись спокойными улыбками, но я не смогла заставить себя заговорить с ней. Я почти жалела, что не села в противоположном конце зала, между Селестой и Элизой. Почти. Когда должны были уже подавать десерт, в зал на всех парах влетела Сильвия, насколько это позволяли ей туфли на высоком каблуке. Наспех сделав реверанс, она поспешила к королеве и что-то прошептала ей на ухо.

Королева ахнула, и они с Сильвией выбежали из зала, оставив нас в одиночестве.

Мы были приучены не повышать голоса, но тут просто ничего не могли с собой поделать.

— Кто-нибудь знает, в чем дело? — спросила Селеста, встревоженная сверх обыкновения.

— Думаете, они ранены? — подала голос Элиза.

— Ох, только не это, — выдохнула Крисс и уткнулась лбом в столешницу.

— Крисс, все в порядке. Возьми пирога, — предложила Натали.

Я онемела, страшась даже подумать о том, что все это могло значить.

— А вдруг их взяли в плен? — вслух высказала свою тревогу Крисс.

— Не думаю, чтобы новоазиаты стали это делать, — сказала Элиза, хотя я видела, что она тоже встревожена.

Впрочем, я не была уверена, беспокоилась ли она исключительно за безопасность Максона или потому, что любое проявление враждебности со стороны людей, с которыми она была связана, могло лишить ее шансов на победу.

— А вдруг их самолет упал? — негромко спросила Селеста.

Она вскинула голову, и я с изумлением отметила, что в ее взгляде читается неприкрытый страх. Этого оказалось достаточно, чтобы мы все умолкли.

А вдруг Максона нет в живых?

Вернулась королева Эмберли с Сильвией, и мы все, как по команде, с надеждой посмотрели на королеву. К нашему безмерному облегчению, она сияла.

— Хорошие новости, девушки. Король с принцем сегодня вечером возвращаются домой! — объявила она.

Натали захлопала в ладоши, а мы с Крисс одновременно откинулись на спинки кресел. Я и не подозревала, в каком напряжении находилась эти несколько минут.

— Поскольку последние дни выдались довольно-таки сложными, мы решили не устраивать пышных празднеств, — подала голос Сильвия. — В зависимости от того, во сколько они вылетят из Новой Азии, мы можем их вообще сегодня не увидеть.

— Сильвия, спасибо, — нетерпеливо произнесла королева. В самом деле, кого это волновало? — Прошу прощения, девушки, но мне нужно доделать кое-какие дела. Наслаждайтесь десертом, и приятного всем вечера, — пожелала она и, развернувшись, поспешила прочь.

Спустя несколько секунд Крисс последовала ее примеру. Наверное, побежала делать для Максона приветственную открытку. Я быстро покончила с десертом и отправилась к себе в комнату. Когда шла по коридору, заметила промелькнувшие светлые волосы под белым чепцом и развевающиеся черные юбки служанки. Она бежала к дальней лестнице. Это оказалась Люси, и, кажется, она плакала. Девушка явно очень старалась проскользнуть незамеченной, так что я решила ее не окликать. Завернув за угол, увидела, что дверь в мою комнату распахнута настежь. Энн с Мэри яростно о чем-то спорили, и я отлично различала каждое слово.

— ...ну почему ты всегда так к ней строга? — упрекнула подругу Мэри.

— А что я должна была ей сказать? Что она может иметь все, что захочет? — огрызнулась Энн.

— Да! Тебе что, так трудно было сказать, что ты просто в нее веришь?

Что случилось? Поэтому они в последнее время казались такими отчужденными?

— Она слишком высоко метит! — возмутилась Энн. — С моей стороны было бы жестоко давать ей ложную надежду.

Голос Мэри прямо-таки сочился сарказмом.

— О да, а то, что ты ей сейчас наговорила, было ни капли не жестоко. Ты просто злюка! — укорила она Энн.

— Что?! — вскинулась та.

— Ты злюка. Не в состоянии пережить, что она может оказаться ближе к тому, чего тебе самой хочется! — выкрикнула Мэри. — Ты всегда смотрела на Люси сверху вниз, потому что она попала во дворец уже

взрослой, а не росла здесь, как ты, и завидовала мне, ведь я тут родилась! Почему ты не можешь быть довольной тем, кто ты есть, вместо того чтобы принижать ее ради повышения самооценки?

— Я вовсе не пытаюсь ее принизить! — срывающимся голосом возразила Энн.

Горькие рыдания заставили Мэри замолчать. Да я и сама бы не знала, что сказать. Чтобы Энн плакала, да мыслимо ли такое?

— Неужели так плохо хотеть чего-то большего, чем вот это вот? — спросила она хриплым от слез голосом. — Я понимаю, что моя должность — это большая честь, и мне нравится моя работа, но я не хочу заниматься этим всю свою жизнь. Мне хочется большего. Мне хочется мужа. Хочется... — Она залилась слезами. Сердце у меня рвалось на кусочки. Единственный способ для Энн вырваться из дворца — выйти замуж. А я что-то не замечала, чтобы вокруг бродили толпы Троек и Четверок, жаждущих заполучить в жены служанку. Она действительно находилась в безвыходном положении.

Я вздохнула, взяла себя в руки и вошла в комнату.

— Леди Америка. — Мэри сделала реверанс, и Энн последовала ее примеру. Краешком глаза я заметила, как она лихорадочно утирает слезы.

Мне не хотелось ранить ее гордость, поэтому я сделала вид, что ничего не заметила, и остановилась перед зеркалом.

— Как вы? — поинтересовалась Мэри.

— С ног падаю от усталости. Пожалуй, лягу прямо сейчас, — сказала я, принимаясь вытягивать из волос шпильки. — Знаете что? Почему бы вам обоим тоже не пойти отдыхать? Я сама со всем справлюсь.

— Вы уверены, мисс? — спросила Энн, изо всех сил стараясь говорить спокойным голосом.

— Совершенно. Увидимся завтра утром.

Второго приглашения им не потребовалось, и это очень меня порадовало. Пожалуй, я сейчас хотела, чтобы они хлопотали вокруг меня, ничуть не больше, чем они. Высвободившись из платья, я долго лежала на постели, думая о Максоне.

Я не очень даже понимала, что думаю именно о нем. Мысли были смутными и путались, но мне снова и снова вспоминалось ощущение переполнившего меня счастья, которое я испытала, когда выяснилось, что он в безопасности и уже на пути назад. И где-то в глубине души мне не давал покоя вопрос, думал ли он обо мне все это время, пока его не было. Несколько часов я ворочалась в постели, не находя себе места.

Около часу ночи я решила, что, раз уж все равно не спится, можно

почитать. Зажгла лампу и вытащила дневник Грегори. Пролистав осенние записи, принялась читать ту, что была сделана в феврале.

Иногда мне хочется смеяться оттого, как легко у меня все получилось. Если бы в мире существовал учебник по захвату власти в стране, я был бы в нем звездой. Или даже мог бы сам написать такой учебник. Не знаю, что я порекомендовал бы в качестве первого шага, поскольку нельзя заставить другое государство попытаться напасть на вас или поставить клинических идиотов руководить тем, что уже существует, но я определенно посоветовал бы всем, кто желает пробиться в лидеры, всеми правдами и неправдами обзавестись огромными деньгами.

Впрочем, одного только преклонения перед деньгами будет недостаточно. Нужно обладать способностью командовать другими. Отсутствие опыта в политике не помешало мне заручиться народной поддержкой. Напротив, пожалуй, оно оказалось одним из самых больших моих плюсов. Кто сейчас доверяет политикам, да и с чего бы им доверять? Уоллис многие годы кормил народ пустыми обещаниями в надежде, что какое-нибудь из них в конце концов случайно исполнится, хотя на самом деле на это нет ни единого шанса. Я же, со своей стороны, предлагаю людям идею чего-то большего. Никаких гарантий, лишь слабый проблеск надежды на то, что перемены возможны. На данный момент даже не суть важно, что это будут за перемены.

Они так отчаялись, что им просто все равно. Никому и в голову не придет задаться этим вопросом.

Пожалуй, залог успеха в том, чтобы сохранять спокойствие, когда все остальные паникуют. Уоллиса все так ненавидят, что он практически передал мне президентскую власть, и ни одна живая душа не была против. Я ничего не говорю, ничего не делаю и лишь приятно улыбаюсь, а все вокруг меня бьются в экстазе.

Достаточно лишь взглянуть на этого труса рядом со мной, чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений в том, что я выгляжу лучше его, когда выступаю с трибуны или пожимаю руку премьер-министру. А Уоллису так отчаянно хочется иметь на своей стороне хоть кого-то, кто пользуется народной любовью, что я больше чем уверен: осталось потихоньку заручиться поддержкой еще пары-тройки человек, и я приберу к рукам все.

Эта страна принадлежит мне. Я чувствую себя мальчишкой, играющим шахматную партию, исход которой ему заранее известен. Я

умнее, богаче и куда больше подхожу на роль правителя в глазах нации, которая по непонятным причинам обожает меня. К тому времени, когда кому-нибудь придет в голову задуматься, все это уже не будет иметь никакого значения. Я могу делать все, что угодно, и нет больше ни одного человека, способного меня остановить. Итак, что же дальше?

Пожалуй, пришло время перекроить всю систему. Эта их жалкая республика прогнила до основания и почти не функционирует. Вопрос в том, кого мне выбрать в союзники? И каким образом построить то, что нужно народу?

У меня есть одна идея. Моей дочери она придется не по вкусу, но меня ее мнение не волнует. Пора ей принести хоть какую-то пользу.

Я захлопнула тетрадь, озадаченная и раздраженная. Может, я чего-то не понимаю? Какую систему он собирался перекраивать? Командовать народом? Неужели государственное устройство нашей страны возникло не в силу жесткой необходимости, а потому, что так было выгодно Грегори Иллеа?

Хотелось посмотреть, что случилось с его дочерью, но я и без того оказалась настолько сбита с толку, что решила не трогать дневник. Вместо этого, вышла на балкон, надеясь, что свежий воздух поможет разобраться в том, что я только что прочитала. Я смотрела на небо и пыталась переварить информацию, но не могла понять даже, с чего начать. Со вздохом устремила взгляд на сад. Мое внимание привлекло что-то белое. Это был Максон, в одиночестве шагавший через лужайку. Наконец-то он вернулся! Рубашка на нем была расстегнута, ни пиджака, ни галстука не было. Что он делал в такое время за пределами дворца? Я различила у него в руках камеру. Видимо, ему тоже не спалось.

Я заколебалась, но с кем еще я могла все это обсудить?

— Эй!

Он закрутил головой, пытаясь сообразить, откуда доносится звук. Я снова позвала его и замахала руками, чтобы привлечь к себе внимание. На лице Максона мелькнула изумленная улыбка, и он замахал в ответ. Надеюсь, что он сможет различить мое движение в темноте, я потянула себя за ухо. Он сделал то же самое.

Я указала на него, затем на свою комнату. Принц кивнул и поднял вверх палец, давая понять, что будет через минуту. Я кивнула в ответ и поспешила внутрь, как и он. В комнате накинула халат и пригладила волосы, пытаясь придать себе хотя бы в половину такой же собранный вид, как у него. Я не очень понимала, как начать разговор. По сути, я собиралась

поинтересоваться у Максона, в курсе ли он, что является олицетворением гораздо менее альтруистического государственного устройства, чем предлагалось в это верить народу. Когда я уже начала гадать, где он запропастился, раздался стук в дверь.

Я бросилась открывать и уперлась в объектив фотокамеры. Щелкнул затвор, запечатлевая мою ошарашенную улыбку. Должно быть, изумление на моем лице очень быстро превратилось в возмущение этим маленьким фокусом, потому что Максон со смехом запечатлел и его тоже.

— Вот тоже шутник нашелся! Заходи же, — велела я, хватая его за локоть.

Он подчинился.

— Прости, я не мог противостоять искушению.

— Не слишком же ты торопился, — упрекнула его я, устроившись на краешке кровати. Он подошел и уселся рядом так, чтобы мы могли видеть друг друга.

— Мне пришлось зайти к себе в комнату.

Он осторожно пристроил камеру на столике в изголовье кровати, бросив взгляд на склянку с монеткой на дне. Потом издал звук, больше всего похожий на смешок, и снова обернулся ко мне, не вдаваясь в дальнейшие объяснения.

— А-а. Ну и как впечатления от поездки?

— Странные, — признался он. — Мы были в сельских районах Новой Азии. Отец сказал, там произошел какой-то локальный конфликт, но к тому времени, как мы туда добрались, все уже было улажено. — Максон покачал головой. — Честно говоря, я так и не понял, зачем нам понадобилось туда лететь. Мы несколько дней бродили по древним городам и пытались разговаривать с местными жителями. Отец остался недоволен моим уровнем владения языком и требует, чтобы я больше занимался. Как будто у меня сейчас и без того мало дел, — добавил он со вздохом.

— Как-то это странно.

— Наверное, он устроил какую-то проверку. В последнее время он постоянно устраивает такие вещи без предупреждения, и я даже не всегда понимаю, что меня проверяют. Может, он хотел посмотреть, как я принимаю решения или веду себя в непредвиденных обстоятельствах. Не знаю. — Он пожал плечами. — В любом случае у меня такое чувство, что эту проверку я не прошел. — Какое-то время Максон не знал, куда деть руки. — И потом, он хотел серьезно поговорить со мной об Отборе. Думаю, он считал, что мне полезно сделать небольшую передышку, посмотреть на все свежим взглядом или что-то в этом роде. Честно говоря, мне до смерти

надоело, что все, кому не лень, твердят о решении, которое должен принять я.

Ясно, что посмотреть на все свежим взглядом с точки зрения короля значило выкинуть меня из головы. Не раз мне доводилось видеть, с каким выражением он улыбался остальным девушкам за столом и кивал им в коридорах. На меня он так никогда не смотрел.

Мне немедленно стало не по себе. Я не знала, что сказать. Похоже, Максон тоже не знал.

Я решила, что пока не стоит заводить с ним разговор о дневнике. Он всегда с такой неуверенностью говорил о своих лидерских качествах, о том, каким королем он хотел бы стать, что я не чувствовала себя вправе требовать от него ответов, которых, вполне возможно, у него пока и близко не было. Где-то глубоко в мозгу свербела мыслишка, что он мог знать больше, чем мне в том признавался. Необходимо получше разобраться во всем самой, прежде чем заводить с ним этот разговор.

Максон нерешительно кашлянул и вытащил из кармана небольшую нитку бус.

— Как я уже сказал, мы побывали в разных городках, и я разглядел их в лавке у одной пожилой женщины. Они голубые, — добавил он, как будто я сама этого не видела. Ты, кажется, любишь голубой цвет.

— Очень люблю, — прошептала я.

Я взглянула на браслет. Несколько дней назад Максон увидел его в лавке на другом краю земли... и подумал обо мне.

— Больше никому ничего не привез. Если можно, пусть это останется между нами? — (Я лишь молча кивнула.) — Ты ведь не из тех, кто любит хвастаться.

Я не могла отвести от браслета глаз. Он был совсем скромный, из полированных камней, которые не были даже драгоценными. Я протянула руку и пальцем погладила бок овальной бусины.

Максон помахал браслетом, и я рассмеялась.

— Хочешь, я надену его тебе? — предложил он.

Я кивнула и подставила ему свободное запястье. Гладкие бусины приятно холодили кожу. Максон обвил мою руку и завязал маленькую ленточку, на которую они были нанизаны.

— Очень красиво, — произнес он.

Этого оказалось достаточно, чтобы сквозь все мои тревоги пробился крохотный росток надежды.

Он заставил ощутить, как мне его не хватало, и сбросил с моего сердца тяжкий груз. Захотелось вычеркнуть из памяти все, что произошло после

того злосчастливого Хеллоуина, вернуться назад в тот вечер и вновь стать той беззаботно танцующей парой. И тут мое сердце опять придавила свинцовая тяжесть. Вернись мы в тот вечер, у меня не было бы причин сомневаться в его искренности. Даже если бы я позволила себе проявить все те качества, которыми я, по словам отца, обладаю и которых, по мнению Аспена, начисто лишена, я все равно не стала бы... и не смогла бы стать Крисс. Она была лучше меня.

Я так устала, так изнервничалась и запуталась, что начала плакать.

— Америка? — спросил Максон нерешительно. — Что случилось?

— Я не понимаю.

— Чего?

Я отметила про себя, что плачущие девушки уже не наводят на него ужас.

— Тебя. Я совершенно перестала тебя понимать в последнее время. Я смахнула слезы с одной щеки, а Максон очень бережно утер другую. Странно вновь чувствовать его прикосновение. С другой стороны, оно было таким знакомым и привычным, что мне показалось бы неправильным, если бы он этого не сделал. Когда слезы были утерты, Максон не отнял руки, а ладонью погладил меня по щеке.

— Америка, — произнес он очень серьезно, — если ты захочешь что-то узнать обо мне — о том, что для меня важно и кто я на самом деле, — достаточно просто меня спросить.

У него был такой искренний взгляд, что я чуть и в самом деле не спросила. Я едва не взмолилась, чтобы он все мне рассказал: в какой момент он обратил свой взгляд на Крисс? Знал ли он про дневники? Что такого было в этом совершенном браслете, что заставило его вспомнить обо мне?

Но как узнать, правду он скажет или нет? А тут еще и другой вопрос: как быть с Аспеном, если чаша весов — я это постепенно осознавала — склонялась в сторону Максона?

— Не знаю, готова я к этому или нет.

Максон на мгновение задумался, потом взглянул на меня:

— Я понимаю. Во всяком случае, думаю, что понимаю. Но нам нужно в самое ближайшее время поговорить о некоторых серьезных вещах. Так что, когда будешь готова, я рядом.

Он не стал на меня давить. Вместо этого, поднялся, коротко кивнул и, забрав со столика камеру, двинулся к выходу. Прежде чем переступить через порог, Максон в последний раз оглянулся, и я с изумлением осознала, как больно мне видеть, что он уходит.

Глава 25

— Частные уроки? — переспросила Сильвия. — Несколько раз в неделю?

— Именно так, — подтвердила я.

Впервые за все время с моего приезда я была искренне благодарна судьбе за то, что есть Сильвия. Я знала, что она ни за что в жизни не сможет отказаться от возможности заполучить благодарного слушателя, внимающего каждому ее слову. А если это значило, что она нагрузит меня дополнительной работой, что ж, будет чем себя занять.

Думать о Максоне, Аспене, дневнике и моих соперницах одновременно было мне сейчас не под силу. То ли дело протокол, где все либо черное, либо белое, и подготовка законопроектов, где каждый шаг строго регламентирован. С такими вещами я вполне могла справиться.

Сильвия посмотрела на меня, все еще немного ошарашенная, потом расплылась в широчайшей улыбке и бросилась меня обнимать.

— Ох, это будет чудесно! — воскликнула она. — Ну, наконец-то хоть одна из вас поняла, как это важно! — Она чуть отстранила меня. — Когда вы хотите начать?

— Прямо сейчас.

Она едва не лопалась от удовольствия.

— Сию секунду, только принесу книги.

Я погрузилась в занятия, благодарная Сильвии за слова, факты и цифры, которые она вбивала мне в голову. Когда не занималась с ней, то готовилась к очередному занятию, чтобы убить время в Женском зале. Это помогало почти отключиться от разговоров остальных девушек.

Я корпела над книгами и с нетерпением ждала следующего общего занятия.

Когда оно настало, Сильвия попросила нас перечислить то, что для нас жизненно важно. Я указала семью, музыку и последней, как будто это слово просто требовало вывести себя на бумаге, справедливость.

— Я задала вам этот вопрос, потому что королева Иллеа обыкновенно возглавляет какой-либо комитет, организацию, действующую на благо государства. Королева Эмберли, к примеру, учредила программу, обучающую людей заботиться о душевно или физически нездоровых родственниках. Многие из них оказываются на улицах, потому что их семьи не в состоянии ухаживать за ними, благодаря чему численность

Восьмерок неконтролируемо возрастает. Статистика за последние десять лет доказала, что ее программа помогла снизить эти цифры, что благотворно влияет на безопасность населения в целом.

— Мы что, тоже должны будем придумать какую-нибудь похожую программу? — опасливо спросила Элиза.

— Да, это будет вашим очередным проектом. Через две недели вы должны будете представить свою идею в «Вестях столицы» и рассказать, как вы можете претворить ее в жизнь.

Натали негромко пискнула, а Селеста закатила глаза. У Крисс было такое выражение, как будто она уже что-то обдумывала. От этого мгновенного энтузиазма я почувствовала себя не в своей тарелке. Вспомнились слова Максона по поводу предстоящего исключения.

Меня несколько успокаивало знание, что у нас с Крисс небольшое преимущество перед остальными, и все-таки совсем не бояться я не могла.

— Это на самом деле необходимо? — спросила Селеста.

— Я предпочла бы научиться чему-то, что действительно понадобится нам в будущей жизни.

За ее напускной озабоченностью угадывалась то ли тоска, которую заранее наводила на нее эта затея, то ли испуг.

Сильвия была явно потрясена.

— Это еще как вам понадобится! Та, кто станет принцессой, будет курировать благотворительный проект.

Селеста пробурчала что-то себе под нос и принялась крутить в пальцах ручку. Меня бесило, что она рвется в принцессы, не желая при этом принимать никакой ответственности.

Даже из меня получилась бы лучшая принцесса, чем из нее!

Может, у меня и не было ни ее связей, ни самообладания Крисс, но зато мне, по крайней мере, не все равно. А разве это хотя бы чего-то не стоило?

Впервые за долгое время я почувствовала искреннее воодушевление. Вот он, проект, который позволит мне показать то главное, что отличает меня от остальных. Я была исполнена решимости вложить в это дело всю душу и придумать что-то такое, что окажется по-настоящему действенным. Может, я все равно проиграю состязание в целом, может, мне вовсе и не хочется побеждать. Но я окажусь так близко к победе, насколько это возможно, и на этом буду считать Отбор для себя законченным.

Все оказалось напрасно. Как я ни старалась, мне в голову не приходило ни одной даже самой завалящей идеи для моего

благотворительного проекта. Я думала, читала и снова думала.

Даже просила совета у служанок, но у них тоже не было никаких идей. Я поговорила бы с Аспеном, но он вот уже несколько дней не объявлялся. Вероятно, решил быть сверхосторожным. Но хуже всего то, что Крисс явно была с головой погружена в работу над своей презентацией. Она почти не появлялась в Женском зале, а когда все-таки присутствовала, то читала очередную книгу или усердно что-то конспектировала.

В пятницу утром до меня вдруг дошло, что осталась всего неделя, а у меня еще конь не валялся. В эфире «Вестей» Гаврил Фадей объявил программу следующего выпуска, пояснив, что зрителей ждут несколько коротких сообщений, после чего все остальное время будет посвящено нашим презентациям.

На лбу у меня выступила испарина. Я перехватила взгляд Максона. Он поднял руку и потянул себя за ухо, и я заколебалась, не зная, как быть. С одной стороны, не хотелось соглашаться, но не хотелось и отвергать его. В конце концов я тоже потянула себя за ухо, и он явно вздохнул с облегчением.

В ожидании Максона я не могла найти себе места и принималась то накручивать на палец волосы, то расхаживать туда-сюда по комнате.

Принц, по своему обыкновению, постучался и, не дожидаясь ответа, вошел. Я поднялась ему навстречу, чувствуя, что должна держаться несколько более формально, чем обычно. Я понимала, что веду себя глупо, но ничего поделать с собой не могла.

— Ну, как ты? — спросил он, подходя ко мне.

— Честно? Нервничаю.

— Это потому, что я такой неотразимый красавец?

Я рассмеялась при виде сочувственной мины, которую он соорудил.

— Да, на такую ослепительную красоту просто больно смотреть, — в тон ему ответила я. — Вообще-то, это, главным образом, из-за благотворительного проекта.

— А-а, — протянул он, усаживаясь за моим столом. — Можешь прорепетировать свою презентацию передо мной. Как Крисс.

Эта новость совершенно выбила из колеи. Ну разумеется, у нее все уже было готово!

— У меня вообще нет никаких мыслей по этому поводу, — призналась я, усаживаясь напротив него.

— А-а. Да, могу себе представить, как это неприятно.

Я метнула на него взгляд, говоривший о том, что он и понятия не имеет насколько.

— Что для тебя важно? Это должно быть что-то такое, что по-настоящему тебе небезразлично, что-то, чего остальные могут не видеть. — Максон откинулся на спинку стула и положил ладонь на стол.

Как он может относиться к этому с такой легкостью? Неужели не видит, что я на грани срыва?

— Я всю неделю ломаю себе голову, но так ни до чего и не додумалась.

Он негромко рассмеялся:

— Вот уж никогда не подумал бы, что у тебя это вызовет такие затруднения. Ты в своей жизни видела больше тягот, чем остальные четверо, вместе взятые.

— Вот именно, но я никогда не знала, как что-то изменить. В этом-то и беда. — Я принялась разглядывать столешницу, воскресив в памяти жизнь в Каролине во всех ее подробностях. — Все это так и стоит у меня перед глазами. Семерки, калечащиеся на своей работе и внезапно оказывающиеся в статусе Восьмерок, потому что не могут больше трудиться. Девушки, прохаживающиеся по улицам перед наступлением комендантского часа, готовые пойти с одиноким мужчиной практически за любую плату. Дети, которые растут, не имея ничего в достатке: ни еды, ни тепла, ни любви, потому что их родители гребятся на работе. Я отлично помню самые худшие свои дни. Но предложить что-то реальное, что положило бы всему этому конец? — Я покачала головой. — Что я могу придумать?

Я взглянула на Максона, надеясь найти в его глазах ответ. Его там не было.

— Все так. — Он умолк.

Я подумала обо всем, что только что высказала, и о его ответе. Означал ли он, что Максону известно о планах Грегори больше, чем я думала? Или что он чувствовал себя виноватым, потому что у него было все, когда у других не было ничего?

Он вздохнул:

— Это совсем не то, о чем я надеялся с тобой сегодня поговорить.

— А о чем ты хотел поговорить?

Максон посмотрел на меня снизу вверх, как будто я была не в своем уме:

— О тебе, разумеется.

— О чем именно? — Я заправила волосы за уши.

Он изменил положение, подавшись на стуле вперед, так что мы оказались чуть ближе друг к другу, как будто он хотел открыть мне какой-то секрет.

— Я думал, после того, как ты увидела, что с Марли все в порядке, все изменится. Я был уверен, что у тебя получится относиться ко мне по-прежнему. Но ничего не вышло. Даже сегодня ты согласилась со мной встретиться, но держишься отчужденно.

Значит, он все-таки заметил. Я погладила пальцами столешницу, не глядя ему в глаза.

— Дело не в тебе. Дело в статусе. — Я пожала плечами. — Мне казалось, ты это понимаешь.

— Но после того как Марли...

Я вскинула голову:

— После этого произошло еще много всего. Иногда я понимаю, что означает быть принцессой, а в следующую минуту уже думаю, что ничего не понимаю. Со мной все совсем не так, как с другими девушками. Я принадлежу к самой низшей касте из всех, а Элиза, возможно, и была до Отбора Четверкой, но ее семья очень отличается от большинства Четверок. Им столько всего принадлежит, что я удивлена, почему они до сих пор не купили более высокое положение. А ты вырос во дворце. Для меня это серьезная перемена.

Он кивнул со своим всегдашним бесконечным терпением:

— Америка, поверь, я это понимаю. Отчасти по этой причине я не хотел тебя торопить. Но ты должна помнить и обо мне тоже.

— Я и так помню.

— Не в этом смысле. Не как часть уравнения. Ты должна понять мое положение. У меня осталось не так много времени. Этот благотворительный проект будет поводом для очередного исключения. Ты наверняка и сама об этом догадалась.

Я опустила голову. Разумеется, догадалась.

— И что прикажешь делать, когда вас останется четверо? Снова не торопить тебя? Когда вас останется трое, я должен буду сделать выбор. Если вас будет всего трое, а ты к тому моменту так и не определишься, хочешь ты этой ответственности или нет, нужна тебе такая нагрузка или нет, нужен тебе я или нет... что прикажешь мне делать тогда?

Я закусила губу:

— Не знаю.

— Это неприемлемо. — Максон покачал головой. — Мне необходим ответ. Потому что я не могу отправить домой ту, которой действительно все это важно... Которой важен я... если ты в итоге решишь пойти на попятный.

У меня перехватило дыхание.

— Значит, нужно дать тебе ответ прямо сейчас? Да я даже не знаю, на что должна дать свое согласие. Если скажу, что хочу остаться, будет ли это означать, что я хочу стать принцессой? Я не знаю, хочу этого или нет.

Все мышцы в моем теле напряглись, как будто я собралась спастись бегством.

— Ты не обязана ничего говорить прямо сейчас, но к следующему эфиру «Вестей» ты должна знать, хочешь ты этого или нет. У меня нет желания ставить тебе ультиматум, но ты слишком беспечно относишься к моему единственному шансу. — Он вздохнул, потом продолжил: — И я не планировал, что наш разговор зайдет в эту степь. Наверное, мне лучше уйти.

Я видела, что ему хочется, чтобы я попросила его остаться. Сказала ему, что все будет хорошо.

— Думаю, так будет лучше, — прошептала я.

Максон, выведенный из себя, покачал головой и поднялся:

— Ладно. — Рассерженный, он в несколько быстрых шагов пересек комнату. — Пойду посмотрю, что там делает Крисс.

Глава 26

К завтраку я вышла с опозданием, чтобы не наткнуться ненароком на Максона или на кого-нибудь из девушек. В коридоре столкнулась с Аспеном. Я возмущенно фыркнула, и он, оглянувшись по сторонам, приблизился ко мне.

— Где ты пропадал? — негромко спросила я.

— Работал. Я ведь гвардеец. Не я решаю, куда и когда меня пошлют. Меня больше не назначают стоять на часах у твоей комнаты.

Я хотела спросить почему, но момент был не самый подходящий.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Он на миг задумался.

— В два, в конце коридора первого этажа, за больничным крылом. Я смогу подойти, но ненадолго.

Я кивнула. Он коротко мне поклонился и двинулся дальше по своим делам, пока никто нас не застукал, а я пошла по лестнице вниз, чувствуя смутную досаду.

Хотелось визжать. Необходимость торчать всю субботу в Женском зале казалась мне неправильной. Гости, посещающие дворец, хотели повидаться с королевой, а не с нами. Когда одна из нас станет принцессой, возможно, все изменится, но пока что я вынуждена была смотреть, как Крисс снова корпит над своей презентацией. Остальные тоже читали — кто свои записи, кто сводки, — и мне стало тошно. Позарез необходимо было что-нибудь придумать, причем срочно. Я не сомневалась, что Аспен поможет. Уже вечером нужно во что бы то ни стало начать работу.

Точно прочитав мои мысли, Сильвия, принимавшая гостей вместе с королевой, остановилась перекинуться со мной словечком.

— Ну, как поживает моя лучшая ученица? — спросила она вполголоса, чтобы не услышали другие.

— Отлично.

— Как продвигается проект? Помощь в шлифовке нужна?

В доведении до ума? Как можно отшлифовать то, чего не существует?

— Все в полном порядке. Уверена, вам понравится, — солгала я.

Она склонила голову набок:

— Скрытничаем, да?

— Немножко, — улыбнулась я.

— Ну ладно. В последнее время вы делаете большие успехи. Уверена,

презентация будет блестящей. — Сильвия похлопала меня по плечу и вышла из зала.

Я схватилась за голову.

Минуты ползли так медленно, что это казалось какой-то изощренной пыткой. Около двух я извинилась и вышла в коридор.

В самом дальнем конце у окна стоял обитый рубиновым плюшем диван. Я присела на него и стала ждать. Часов поблизости видно не было, но минуты тянулись невыносимо медленно. Наконец из-за угла показался Аспен.

— Можно сказать, почти вовремя, — вздохнула я.

— Что случилось? — спросил он, с официальным видом останавливаясь у дивана.

Много всего, подумала я про себя. Слишком много всего такого, о чем я не могу тебе рассказать.

— Нам дали одно задание, а я понятия не имею, с какой стороны к нему подступиться. Мне в голову ничего не приходит, я так нервничаю, что даже спать не могу, — выпалила я.

Он фыркнул:

— Что за задание? Придумать дизайн тигров?

— Нет! — Я бросила на него раздосадованный взгляд. — Нам нужно разработать какой-нибудь проект, что-то такое, что принесло бы пользу стране. Вроде программы королевы Эмберли для инвалидов.

— Так вот из-за чего весь сыр-бор? И с чего тут нервничать? Это должно быть интересно.

— Я тоже так думала. Но мне в голову вообще ничего не приходит. Что бы ты сделал на моем месте?

Аспен на мгновение задумался.

— Придумал! Надо организовать программу межкастового обмена, — сказал он. Глаза у него возбужденно блестели.

— Что-что?

— Программу межкастового обмена. Люди из высших каст меняются местами с людьми из низших, чтобы на собственной шкуре почувствовать, каково нам приходится.

— Не думаю, что это подойдет.

— Отличная идея! — не сдавался он. — Можешь представить себе какую-нибудь фифу вроде Селесты обдирающей маникюр в процессе расстановки товаров по полкам? Это было бы им всем очень на пользу.

— Что на тебя нашло? Ведь многие гвардейцы по происхождению Двойки. Разве они не твои друзья?

— Ничего на меня не нашло, — огрызнулся он. — Я все тот же, кем был. Это ты забыла, каково жить в доме без отопления.

Я распрямила плечи:

— Ничего я не забыла. Потому и пытаюсь придумать программу, которая положила бы конец подобным вещам. Даже если я отправлюсь домой, кто-то может воспользоваться моей идеей, так что мне нужно, чтобы она была стоящей. Я хочу помочь людям.

— Не забывай, — запальчиво напомнил Аспен, — это правительство сидело сложа руки, когда тебе было нечего есть. Они допустили, чтобы моего брата высекли на площади. Все слова мира не исправят нашего положения. Нас загнали в угол, из которого нам самим не выбраться, и не спешат оттуда вытаскивать. Мер, они просто не понимают, каково это.

Я засопела и поднялась.

— Куда ты? — спросил он.

— Обратно в Женский зал, — ответила я и двинулась по коридору.

Аспен пошел следом.

— Мы что, в самом деле ругаемся из-за какого-то дурацкого проекта?

— Нет, — накинулась я на него. — Мы ругаемся, потому что ты тоже не понимаешь. Я теперь Тройка. А ты — Двойка. Вместо того чтобы злиться на судьбу, почему бы не воспользоваться шансом, который тебе выпал? Ты можешь изменить жизнь своей семьи. Ты можешь изменить множество жизней. Но тебе нужно лишь поквитаться. Это никому ничего не даст.

Аспен промолчал, и я ушла. Я пыталась не злиться на него. Он горячо защищает то, что для него важно; разве это качество не заслуживает восхищения? Но наш разговор вновь заставил меня задуматься о кастах и о том, что ничего нельзя изменить, и я против воли завелась. Раз изменить все равно ничего нельзя, так что толку пытаться?

Я поиграла на скрипке. Приняла ванну. Попыталась вздремнуть. Провела часть вечера в тихой комнате. Посидела на балконе. Все было без толку. Я безбожно отставала от графика, а никаких мыслей по поводу проекта у меня по-прежнему не было.

Я провалялась в постели несколько часов, тщетно пытаясь уснуть. В голове крутились запальчивые слова Аспена, его постоянная борьба с судьбой. Мысли перескочили на Максона с его ультиматумом и на его требование дать ему определенный ответ. Потом мне подумалось, что все это теперь не имеет никакого значения, потому что меня как пить дать отправят домой после того, как в пятницу вечером я появлюсь в эфире «Вестей» с пустыми руками.

Вздыхнув, я закуталась в одеяло. Я ведь так больше и не заглядывала в дневники Грегори, боялась, что получу новые вопросы вместо ответов. Но, может быть, сейчас найду там что-нибудь, что подтолкнет мои мысли в нужном направлении, что-то такое, о чем можно будет рассказать в «Вестях».

Кроме того, мне хотелось узнать, что случилось с его дочерью. Я была практически уверена, что ее звали Кэтрин, поэтому принялась перелистывать страницы в поисках какого-нибудь упоминания о ней, пропуская все остальное, пока не наткнулась на фотографию девушки, стоящей рядом с мужчиной. Он, судя по виду, был много ее старше. Может, у меня просто разыгралась фантазия, но мне показалось, что лицо у нее заплаканное.

Сегодня Кэтрин наконец-то вышла замуж за Эмиля де Монпезата Свендвейского. Всю дорогу в церковь она рыдала, пока я не донес до нее, что, если она не возьмет себя в руки, ей же будет хуже. Ее мать не слишком рада этому браку, да и Спенсер, подозреваю, тоже расстроился, поняв, что его сестра вовсе не горела желанием принимать в этом участие. Впрочем, Спенсер — умный мальчик. Думаю, он быстро подчинится, как только увидит все возможности, что появились у него благодаря мне. А Деймон так и вовсе всецело меня поддерживает; жаль, что нельзя выделить то вещество, которое за это отвечает, и впрыснуть его всему населению. Должен сказать, молодежь меня порадовала. Это благодаря поддержке поколения Спенсера и Деймона я сейчас там, где я есть. Их энтузиазм ничем не поколебать, и все остальные прислушиваются к ним куда охотнее, чем к дряхлым старикам, которые твердят, что мы пошли по неверному пути. Интересно, есть ли какой-нибудь способ заставить их умолкнуть навсегда так, чтобы не замарать свое имя?

В любом случае коронация назначена на завтра. Теперь, когда Свендвей заручился могущественным союзником в лице Североамериканского союза, я могу получить то, чего хочу: корону. Думаю, это справедливая сделка. Зачем ограничиваться должностью президента Иллеа, если я могу стать королем Иллеа? Благодаря браку своей дочери я обеспечил себе место среди монарших особ.

Все так, как оно должно быть. После завтрашнего дня возврата к прошлому уже не будет.

Он продал ее. Этот мерзавец продал собственную дочь человеку,

которого она ненавидела, чтобы получить возможность иметь все, чего ему хотелось. Первым моим побуждением было захлопнуть книгу, отгородиться от этой гадости. Но я заставила себя продолжить листать ее, случайным образом пробегая глазами то один абзац, то другой. В одном месте был набросан приблизительный план кастовой системы. По замыслу Грегори Иллеа, изначально в нем должно было быть шесть уровней, а не восемь. На другой странице он планировал сменить людям фамилии, чтобы отрезать их от прошлого. Из одной фразы ясно следовало, что он намеревался наказать своих противников, присвоив им более низкий статус, и вознаградить сторонников, напротив возвысив их.

Интересно, мои предки просто ничего ему не предложили или выступили против всего этого? Я очень надеялась, что второе. И какая у меня должна была быть фамилия? Может, папа знал? Всю жизнь я жила с убеждением, что Грегори Иллеа был героем, спасшим нашу страну, когда она балансировала на грани краха. А на самом деле он оказался всего лишь властолюбивым чудовищем. Кем надо быть, чтобы с такой готовностью манипулировать людьми? Кем надо быть, чтобы использовать дочь как разменную монету в своих интересах?

Теперь старые записи, прочитанные ранее, предстали в новом свете. Он нигде не говорил, что хочет быть хорошим семьянином, он желал лишь выглядеть таковым. Подлец готов был играть по правилам Уоллиса, пока это было ему на руку. Иллеа использовал ровесников сына, чтобы получить поддержку. Он с самого начала вел свою игру.

Меня затошнило. Я встала и принялась расхаживать по комнате, пытаюсь уложить все это в голове. Как получилось, что вся эта история оказалась забыта? Почему никто никогда не говорил о древних государствах? Куда подевалась эта информация? Почему никто ничего не знает?

Я открыла глаза и запрокинула голову. Это казалось невероятным. Должны же быть несогласные, которые рассказали бы своим детям, как все обстояло на самом деле. Но, с другой стороны, может, они и рассказывали. Я часто задавалась вопросом, почему папа не разрешал рассказывать о древнем учебнике истории, который он прятал у себя в комнате, почему известная мне версия истории Иллеа никогда не существовала в печатном виде? Может, потому, что, если бы появилось написанное на бумаге «Иллеа — герой», люди просто взбунтовались бы. Если же все это существовало исключительно в виде толков, когда все представляли прошлое по-своему, как можно было сохранить правду?

Интересно, Максон знал?

Внезапно я вспомнила одну вещь. Наш первый поцелуй с Максоном. Он оказался для меня такой неожиданностью, что я шарахнулась от него, к огромному смущению принца. Потом, когда я поняла, что на самом деле хочу, чтобы Максон поцеловал меня, я предложила стереть это воспоминание и заменить его новым.

«Америка, я не думаю, что можно изменить историю», — сказал он. На что я ответила: «Еще как можно. И потом, кто будет знать об этом, кроме нас с тобой?»

С моей стороны это была шутка. Разумеется, если мы с ним останемся вместе, то будем помнить эту историю, какой бы глупой она ни была. Мы никогда не заменим ее на более эффектную просто ради шоу. Но весь Отбор затевался именно ради шоу. Если нас с Максоном когда-нибудь спросят о нашем первом поцелуе, скажем ли мы правду? Или этот маленький секрет останется между нами двоими? Когда мы умрем, не будет больше никого, кто знает правду, и этот миг, который был так важен для нас, перестанет существовать.

Неужели все так просто? Расскажи историю одному поколению и повторяй ее, пока она не станет восприниматься как непреложный факт? Часто ли я расспрашивала пожилых о том, что они знают и что видели их собственные родители? Это ведь старики, думала я. Что они могут понимать? В своей заносчивости я совершенно сбрасывала их со счетов. Надо же было быть такой глупой. Но главным сейчас были не мои чувства. Главное — что я намерена с этим сделать.

Всю свою жизнь я жила практически на дне нашего общества, но не жаловалась, потому что любила музыку. Но я хотела быть с Аспеном, а поскольку он был Шестеркой, это было сложнее, чем могло бы быть. Если бы не Грегори Иллеа, много лет назад расчетливо разработавший законы нашей страны, удобно устроившись за своим столом, нам с Аспеном не пришлось бы бороться за свое счастье и я знать не знала бы о Максоне. Он даже принцем не был бы. Руки Марли не пострадали бы, и они с Картером не ютились бы в крохотной комнатухе, в которую едва влезала кровать. А мой младший братишка Джерард спокойно учился бы любым наукам, каким только захотел, вместо того чтобы заставлять себя заниматься искусством, к которому не испытывал ни малейшей тяги.

Обеспечив себе комфортную жизнь в прекрасном доме, Грегори Иллеа лишил большую часть страны возможности даже хотя бы попытаться иметь то же самое. Максон сказал, что, если я захочу узнать что-то о нем, достаточно только спросить. Мне было страшно, что он окажется таким же, но необходимо знать наверняка. Если от меня требовалось принять

решение, продолжу я участвовать в Отборе или уеду домой, мне необходимо было точно знать, из какого он теста.

Облачившись в домашние туфли и халат, я вышла из комнаты. По дороге мне встретился безымянный гвардеец.

— У вас все в порядке, мисс? — спросил он.

— Да, я сейчас вернусь.

У него был такой вид, как будто он хотел сказать что-то еще, но я поспешила уйти. Я поднялась на третий этаж. В отличие от всех остальных этажей, охрана стояла прямо на лестничной площадке, так что просто так пройти в комнату Максона я не могла.

— Мне нужно поговорить с принцем, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо.

— Уже очень поздно, мисс, — заметил тот, что стоял слева.

— Максон не будет возражать, — пообещала я.

Тот, что стоял справа, ухмыльнулся:

— Думаю, мисс, его сейчас не обрадует ничье появление.

Я нахмурилась, осмысливая услышанное. Он был с другой девушкой. Наверняка это была Крисс, больше некому. И в эту самую минуту она сидела в его комнате, болтая с ним и смеясь, а может, изменяла своему правилу «никаких поцелуев до обручения».

Из-за угла показалась служанка с подносом в руках и двинулась к лестнице. Я отступила в сторону, пытаясь решить, стоит ли попытаться все-таки убедить охранников пропустить меня к Максону или сдаться. Пока я соображала, гвардеец заступил мне дорогу:

— Вам нужно вернуться к себе в комнату, мисс.

Хотелось наорать на них или сделать еще что-нибудь в этом роде, такое чувство собственного бессилия меня охватило. Впрочем, толку от этого все равно не было никакого, так что я развернулась и пошла по лестнице вниз. Один из охранников — тот самый, что ухмылялся, — пробормотал что-то неразборчивое, и мне стало совсем тошно. Он потешался надо мной? Или жалел? Я не нуждалась в его жалости. У меня и без нее кошки на душе скребли.

Когда я вернулась на второй этаж, то с изумлением увидела ту самую служанку, с которой только что столкнулась. Она делала вид, будто поправляет туфлю, хотя на самом деле ничем таким занята не была. Когда я приблизилась, девушка подняла голову, подхватила свой поднос и пошла мне навстречу.

— Он не у себя в комнате, — шепнула она.

— Кто? Максон?

Девушка кивнула:

— Поищите на первом этаже.

Я улыбнулась, с изумлением качая головой. Она пожала плечами.

— Сами вы его не нашли бы. И потом, — добавила она с обожанием во взгляде, — мы вас любим.

Служанка поспешила по лестнице на первый этаж. Я задумалась, кто такие эти «мы». Впрочем, на данный момент мне было вполне достаточно этого простого проявления доброты. Я немного постояла, чтобы не спускаться сразу за ней, потом двинулась по лестнице вниз.

Главный зал, хотя и был не заперт, пустовал, столовая тоже. Я заглянула в Женский зал, решив, что забавно было бы, если бы они устроили свидание там, но — нет. Я спросила гвардейцев, стоявших на часах, и они заверили меня, что Максон в сад не выходил, так что я заглянула в несколько библиотек и гостиных, прежде чем прийти к выводу, что они с Крисс или расстались, или вернулись обратно к нему в комнату.

Прекратив поиски, я завернула за угол и направилась к черной лестнице, до которой было ближе, чем до парадной. Я ничего не видела в темноте, но до меня вдруг отчетливо донесся чей-то шепот. Я замедлила шаг, не желая никому помешать и не очень понимая, откуда он доносится. И снова шепот. Кокетливый смешок. Томный вздох.

Звуки стали отчетливей, и я поняла, откуда они идут. Я сделала еще один шаг, повернула голову влево и увидела парочку, обнимавшуюся в темноте. Когда я осознала, кто это, то испытала шок. Не узнать светлые волосы Максона было невозможно даже в темноте. Сколько раз я видела их в полумраке сада? Но чего я не то что никогда не видела, но не могла себе и представить, так это того, как выглядят эти волосы, когда в них запускает свои длинные пальцы с наманикюренными алыми ногтями Селеста. Она практически вдавила Максона в стену. Ее свободная рука расположилась у него на груди, а одной ногой она обвивала его ногу. В разрезе платья виднелось бедро, в сумраке холла отливавшее молочной голубизной. Селеста слегка отстранилась от него и тут же вновь приникла к его груди, судя по всему, чтобы подразнить.

Я все ждала, когда он потребует оставить его в покое, скажет, что она ему не нужна. Но принц этого так и не сделал, а, наоборот, принялся целовать ее. Она явно блаженствовала, хихикая над его пылом. Максон что-то прошептал ей на ухо, и Селеста прижалась к нему всем телом, целуя его с удвоенным старанием. Лямка платья соскользнула с ее плеча, открыв километр голой кожи на спине. Никто из них даже не удосужился поправить ее.

Я оцепенела. Мне хотелось закричать или завизжать, но горло словно сжала ледяная рука. Ну почему это должна была оказаться именно она?

Селеста оставила в покое губы Максона и занялась его шеей. Издав еще один непристойный смешок, она снова набросилась на него с поцелуями. Максон закрыл глаза и улыбнулся. Селеста сдвинулась в сторону и больше не заслоняла меня от принца. Мне хотелось убежать, исчезнуть, испариться. Вместо этого, я продолжала стоять столбом. Так что когда Максон открыл глаза, то увидел меня. В то время, как губы Селесты путешествовали по его шее, мы с ним молча смотрели друг на друга. Его улыбка померкла, он стал похож на каменное изваяние. Потрясенное выражение на лице принца наконец-то заставило меня сдвинуться с места. Селеста была так увлечена своим занятием, что ничего не заметила, и я бесшумно отступила в темноту, стараясь не дышать.

Едва очутившись вне зоны их слышимости, я бросилась бежать. Стремглав промчалась мимо гвардейцев и лакеев, которые еще были на ногах в этот поздний час, но слезы выступили у меня на глазах еще прежде, чем удалось добраться до парадной лестницы. Я взлетела по ступеням, протиснулась мимо встревоженного охранника и скрылась в своей комнате. Там я плюхнулась на постель, глядя в окно. Сердце у меня разрывалось.

Америка, какая же ты дура, какая дура! Я уеду домой. Забуду обо всем, как будто ничего и не было. И выйду замуж за Аспена. Аспен — единственный, на кого я могла рассчитывать.

Вскоре в дверь постучали, и в комнату, не дожидаясь ответа, вошел Максон. В несколько решительных шагов он очутился у моей кровати. Вид у него был очень рассерженный.

— Ты меня обманывал! — Я накинулась на него столь стремительно, что он даже рот не успел открыть.

— Что? Когда?

— Лучше скажи, когда ты меня не обманывал! Как мог человек, который рассуждал о том, чтобы сделать мне предложение, быть застуканным с поличным с кем-то вроде нее?

— То, что я делаю с ней, не имеет никакого отношения к моим чувствам к тебе.

— Шутишь? Или, раз ты у нас будущий король, это значит, что ты можешь тискаться с полуголыми девицами, когда пожелаешь?

Максон вздрогнул:

— Нет. Я вовсе так не считаю.

— Почему она? — спросила я, глядя в потолок. — Почему из всех девушек на планете тебе приспичило делать это именно с ней?

Я устремила на Максона взгляд в ожидании ответа. Он покачал головой и отвел глаза.

— Максон, она притворщица, фальшивка. Как ты можешь не видеть, что за этим слоем штукатурки не скрывается ничего, кроме манипуляторши, которая жаждет воспользоваться тобой в своих целях?

— Ну почему, я это прекрасно вижу. — Максон издал смешок.

— Так почему же тогда?.. — Его спокойствие меня ошарашило.

Но я уже сама знала ответ. Он понимал. Разумеется, он все понимал. Он ведь вырос среди этого. Он, небось, дневники Грегори читал вместо сказок перед сном. Не знаю, почему я ожидала от него чего-то другого. Как можно было быть такой наивной? Когда я думала, что есть кандидатуры куда лучше моей на роль его принцессы, я имела в виду Крисс. Она была милая, терпеливая и вообще в миллион раз превосходила меня по всем параметрам. Но я видела ее рядом с другим Максоном. Для достойного преемника Грегори Иллеа единственная подходящая пара — Селеста. Уж она-то обрадовалась бы возможности прибрать к рукам всю страну.

— Все, — сказала я решительно. — Ты хотел, чтобы я приняла какое-то решение, и я его приняла. С меня хватит. Я по горло сыта Отбором, я по горло сыта всем этим враньем, и я по горло сыта тобой. Господи, как я могла быть такой душой? Я уезжаю.

— Никуда ты не уезжаешь, — отрезал он. — Ты уедешь тогда, когда я скажу. Ты просто сейчас расстроена.

Я вцепилась себе в волосы, как будто собиралась выдрать их с корнем.

— Да что с тобой такое? Что за иллюзии? С чего ты решил, что я смирюсь с увиденным?! Я ненавижу эту девицу! А ты целовался с ней. Я не желаю иметь с тобой больше ничего общего.

— Боже правый, женщина, ты слова мне не даешь вставить!

— А что такого ты можешь сказать в свое оправдание? Отправь меня домой. Я не желаю больше здесь оставаться.

Мы перебрасывались репликами с бешеной скоростью, и вдруг он замолчал. Молчание было пугающим.

— Нет.

Я пришла в ярость. Разве он сам не просил меня об этом?

— Максон Шрив, ты просто ребенок, не желающий выпускать из рук игрушку, которая ему не нужна, но допустить, чтобы она досталась кому-то другому, он не может.

— Понимаю, что ты злишься, но... — негромко заговорил Максон.

— Злюсь — это еще очень слабо сказано! — Я отпихнула его. Принц по-прежнему был спокоен.

— Америка, не называй меня ребенком. И не смей толкаться.

— И что ты мне за это сделаешь? — Я снова пихнула его. Максон перехватил мои запястья и, заведя руки за спину, обездвижил. В его глазах промелькнул гнев. Я была рада это видеть. Хотелось, чтобы принц спровоцировал меня, дал мне повод причинить ему боль. Я готова была разорвать его в клочки. Но в нем не было ярости. Вместо нее я ощутила бурлящую теплую энергию, которой так давно в нем не замечала. Наши лица разделяли считанные дюймы. Его взгляд был напряжен. Максон словно гадал, какой прием встретит. А может, он и вовсе об этом не заботился и мне это лишь привиделось. Несмотря на то что это было неправильно, мне все равно хотелось этого. Мои губы сами собой приоткрылись, прежде чем я успела понять, что происходит.

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение, и отступила назад, к балкону. Максон не стал меня удерживать. Я сделала несколько вдохов-выдохов, чтобы успокоиться, прежде чем обратиться к нему.

— Ты отправишь меня домой? — спросила я тихо. Максон покачал головой, то ли не в состоянии, то ли не желая говорить. Я сорвала с запястья подаренный им браслет и швырнула на пол.

— Тогда уходи, — прошептала я. Я отвернулась к балкону и стала смотреть за окно, дожидаясь, когда хлопнет дверь. Он ушел, а я упала на пол и разрыдалась. Они с Селестой — одного поля ягоды. Оба насквозь фальшивые. Я не сомневалась, что Максон до конца жизни будет соловьем разливаясь перед народом, поддерживая в нем заблуждение по поводу того, какой он распрекрасный, а сам в это же время примет такие законы, что они никогда не смогут вырваться из своих оков. Точно так же, как Грегори.

Я сидела на полу, поджав ноги под ночной сорочкой. Как бы зла я ни была на Максона, еще сильнее я злилась на себя. Нужно было сопротивляться яростней и сделать больше. А не сидеть здесь живым воплощением поражения.

Утерев слезы, я успокоилась и оценила ситуацию. Я по горло сыта Максоном, но по-прежнему нахожусь во дворце. И этим состязанием тоже по горло сыта, но от меня ждали презентацию. Возможно, Аспен и считал, что я сделана не из того теста, чтобы быть принцессой, — и он был прав, — но зато он всегда в меня верил. И мой отец тоже верил. И Николетта. Теперь речь уже не шла о победе. Так разве можно уйти, не хлопнув напоследок дверью?

Глава 27

Когда Сильвия поинтересовалась, что мне понадобится для презентации, я попросила у нее небольшой столик для книг и подставку для плаката, который я готовила. Плакат вызвал у нее особенный восторг. Я была единственной из всех девушек, у кого имелся настоящий опыт в рисовании. Час за часом я переписывала речь на карточки, боясь хоть что-то упустить, отмечала закладками нужные места в книгах, чтобы обращаться к ним во время презентации, и репетировала перед зеркалом те части, которые вызывали у меня наибольшие опасения. О самой затее я старалась не задумываться, иначе меня начинала бить дрожь.

Я попросила Энн сшить мне платье, которое выглядело бы невинным, и она в ответ вскинула брови.

— Вы так это говорите, как будто мы обычно отправляем вас на люди в нижнем белье, — поддразнила она.

Я прыснула:

— Нет, я не это имела в виду. Вы ведь знаете, что я обожаю все ваши платья. Просто я хочу, чтобы вид у меня был... ангельский.

Она улыбнулась, что-то прикидывая в уме:

— Считаю, мы сможем что-нибудь придумать.

Судя по всему, они работали как сумасшедшие, потому что в день эфира «Вестей» я увидела Энн с Мэри и Люси всего за час до начала, когда девушки ворвались ко мне в комнату с платьем. Оно было белое, полупрозрачное и невесомое, украшенное по правой стороне одной длинной полосой сине-зеленого тюля. Подол колыхался вокруг облаком, а талия в имперском стиле создавала впечатление целомудрия и изящества. В этом платье я чувствовала себя невероятно хорошенькой. Из всех нарядов, которые они для меня сшили, этот немедленно полюбился мне больше всех, и я была очень рада, что он вышел именно таким. По всей вероятности, ему предстояло стать последним платьем, сшитым их руками, которое мне доведется носить.

Сохранить мой план в тайне было нелегко, но мне все-таки это удалось. Когда девушки спрашивали, что я делаю, я отвечала просто — это сюрприз. Кое-кто посматривал со скепсисом, но меня их взгляды не волновали. Я попросила служанок ничего на столе не трогать, даже не убирать, и они послушно обходили мои записи стороной.

Никто ни о чем не подозревал. Больше всего подмывало рассказать

Аспену, но я держала себя в руках. Наверное, отчасти боялась, что он отговорит меня от этой затеи и я пойду на попятный. А отчасти опасалась его чрезмерного воодушевления.

Пока служанки хлопотали вокруг, приводя меня в порядок, я смотрела в зеркало и думала, что иду на это в одиночестве. Впрочем, это было и к лучшему. Не хотелось навлекать ни на кого — ни на моих служанок, ни на других девушек, ни тем более на Аспена — неприятности. Осталось лишь привести в порядок дела.

— Энн, Мэри, вы не могли бы принести мне чая?

Девушки переглянулись.

— Вдвоем? — уточнила Мэри.

— Да, будьте так добры.

Вид у них стал подозрительный, но они все равно вышли. Едва за ними закрылась дверь, как я повернулась к Люси.

— Присядь рядом со мной. — Я похлопала ладонью по кушетке, на которой сидела. Она повиновалась, и я спросила без обиняков: — Ты счастлива?

— Мисс?

— В последнее время ты какая-то печальная. Я беспокоюсь, все ли у тебя в порядке.

— Неужели это так бросается в глаза? — Она понурилась.

— Чуть-чуть, — призналась я, обнимая ее и привлекая к себе.

Она со вздохом положила голову мне на плечо. Я была очень рада, что Люси на миг забыла о разделявших нас незримых границах.

— Вам когда-нибудь хотелось того, чего вы никогда не могли иметь?

Я фыркнула:

— Люси, до того как приехать сюда, я была Пятеркой. Вещей, которых я не могла иметь, было столько, что и не сосчитать.

По щеке Люси сползла одна-единственная слезинка. Вот уж не знала, что она вообще способна плакать.

— Просто не знаю, как быть. Я в тупике.

Я распрямилась и заставила ее взглянуть мне в глаза.

— Люси, я хочу, чтобы ты поняла, что можешь сделать что угодно, стать кем угодно. Я считаю, что ты поразительная девушка.

— Спасибо, мисс. — Она слабо улыбнулась.

Я понимала, что времени у нас не много.

— Послушай, мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала. Я не уверена, что могу положиться на остальных, но тебе я доверяю.

Хотя вид у нее стал озадаченный, я видела, что ее ответ был

искренним.

— Что угодно.

Я порылась в одном из ящиков стола и вытащила оттуда письмо.

— Ты не могла бы передать это офицеру Леджеру?

— Офицеру Леджеру?

— Я хотела поблагодарить его за доброту, но подумала, что отдать ему письмо собственноручно будет неудобно. Ну, ты понимаешь.

Объяснение звучало не слишком убедительно, но это был единственный способ объяснить Аспену, зачем я сделала то, что собиралась сделать, и попрощаться с ним. Едва ли я надолго задержусь во дворце после эфира.

— В течение ближайшего часа ваше письмо будет у него, — с жаром пообещала она.

— Спасибо.

К горлу подступили слезы, но я проглотила их. Мне было страшно, но сделать это необходимо по множеству причин. Мы заслуживали лучшей судьбы. Моя семья, Марли и Картер, Аспен и даже мои служанки — все оказались в тупике из-за планов Грегори. Я буду думать о них всех.

В студию «Вестей» я вошла со стопкой переложённых закладками книг и досье к моему плакату. Обстановка была точно такая же, как всегда: кресла для короля, королевы и Максона прямо у входа, места для избранных слева. Только посередине, где обычно возвышалась кафедра, с которой выступал монарх, или стояли кресла для интервью, на этот раз разместились площадка для наших презентаций. Я увидела столик и мою подставку, а также экран: видимо, кто-то из девушек собирался показывать слайды. Это выглядело внушительно. Интересно, у кого хватило на это выдумки?

Я подошла к последнему свободному креслу — к несчастью, оно оказалось рядом с Селестой — и положила свое досье поближе, а книги пристроила на коленях. У Натали тоже было при себе несколько книг, а Элиза снова и снова проглядывала свои конспекты. Крисс, подняв глаза к потолку, повторяла про себя речь. Селеста подправляла макияж. Сильвия тоже присутствовала в студии; такое иногда случалось, когда нам приходилось обсуждать что-то, чему она нас учила, а сегодня наставница просто была сама не своя. Пожалуй, за все время нашего пребывания во дворце это задание оказалось самым серьезным, и результаты неминуемо должны были на ней отразиться. Я начисто забыла про Сильвию! Увы, сейчас слишком поздно что-то менять.

— Девушки, вы выглядите просто фантастически, — произнесла она, подойдя ближе. — Теперь, когда вы все в сборе, я хочу объяснить вам порядок. Сначала король сделает несколько заявлений, а потом Гаврил объявит тему вечера: ваши благотворительные проекты. — Сильвия, обыкновенно невозмутимая, закаленная годами службы, явно пребывала в возбуждении. Она прямо-таки подпрыгивала на месте. — Знаю, что все вы усердно работали. У каждой из вас будет восемь минут. Если у кого-либо из присутствующих возникнут вопросы, Гаврил даст им слово. Вам необходимо быть собранными и не расслабляться. Не забывайте, на вас смотрит вся страна! Если потеряете нить, сделайте глубокий вдох и продолжайте. Вы все отлично справитесь. Да, выступать вы будете в том порядке, в котором сидите, так что, леди Натали, вы первая, а вы, леди Америка, последняя. Удачи, девушки.

Сильвия поспешила прочь, чтобы еще раз перед эфиром проверить, все ли в порядке, а я попыталась успокоиться. Последняя. Наверное, это и к лучшему. Натали, пожалуй, куда хуже. Я покосилась на нее и увидела, что лицо несчастной покрыто испариной. Должно быть, нелегко ей было сосредоточиться в таких условиях. Я против воли взглянула на Селесту. Она не подозревала, что я застукала их с Максоном, и приходилось только ломать голову, почему она никому не разрезвонила о свидании. Вывод напрашивался сам собой: это был уже далеко не первый раз. Тем хуже.

— Нервничаешь? — спросила я, увидев, как она ковыряет ноготь.

— Нет. Это дурацкая затея, и всем все равно без разницы. Я буду рада, когда это закончится. К тому же я модель, — произнесла она, наконец взглянув на меня. — Я чувствую себя перед зрителями непринужденно.

— Да уж, играть на камеру ты умеешь, — пробормотала я и прямо-таки услышала, как закрутились у нее в голове шестеренки. Она попыталась решить, счесть эти слова за оскорбление или нет, но в итоге лишь молча закатила глаза и отвернулась.

Тут вошла королевская чета. Они вполголоса о чем-то переговаривались с очень важным видом. Следом за ними показался Максон, на ходу поправляя запонки. В своем костюме он казался таким чистеньким и невинным, что мне пришлось напомнить себе, каково его истинное лицо.

Он бросил взгляд в мою сторону. Я не собиралась позволять ему себя запугать и заставить первой отвести глаза, поэтому уставилась на него в упор. Тогда Максон нерешительно поднял руку и потянул себя за ухо. Я медленно покачала головой с выражением, которое недвусмысленно давало принцу понять: если это будет в моей воле, я ни слова больше ему не скажу.

Когда началась презентация, меня пробил холодный пот. Проект Натали был кратким и по сути неверным. Она заявила, что все действия повстанцев преступны и злонамеренны и что их существование следует объявить вне закона, чтобы обезопасить провинции Иллеа. Когда она закончила, мы все молча уставились на нее. Неужели Натали была не в курсе, что вся их деятельность уже и так считается незаконной?

Вид у королевы, когда Натали вернулась на свое место, был донельзя опечаленный. Элиза предложила программу, в рамках которой представители высших каст должны были переписываться с жителями Новой Азии. Она полагала, что это послужит укреплению связей между нашими странами и поспособствует прекращению войны. Я не была уверена в том, что это может принести реальную пользу, но ее слова стали лишним напоминанием о том, почему она до сих пор здесь. Королева поинтересовалась, не знает ли она, случайно, кого-нибудь, кто мог бы участвовать в подобной программе, и Элиза заверила ее, что знает.

Презентация Крисс была впечатляющей. Она хотела модернизировать систему народного образования. Я уже знала, что эта идея близка сердцу и королевы, и Максона. Профессорская дочь, Крисс наверняка думала об этом всю жизнь. На экране она демонстрировала нам снимки, сделанные в школе в ее родной провинции, куда родители отправили ее учиться. Изможденные лица учителей бросались в глаза, а на одном снимке мы увидели класс, в котором четверо учеников сидели прямо на полу, поскольку стульев им не досталось. Королева забросала ее десятками вопросов. Крисс без запинки на все ответила. Воспользовавшись копиями старых финансовых отчетов, которые мы когда-то изучали, она даже придумала, откуда можно выкроить средства, чтобы начать работу, и высказала несколько предложений, каким образом продолжить финансирование.

Она уселась на свое место, и я отметила, что Максон улыбнулся и кивнул ей. Крисс зарделась и принялась разглядывать кружева на платье. С его стороны было очень жестоко так играть с ней, учитывая характер его отношений с Селестой. Впрочем, вмешиваться я не собиралась. Пусть делает что хочет.

Презентация Селесты была небезынтересной, хотя и с манипуляторским душком. Она предлагала ввести минимальный размер оплаты труда для некоторых низших каст. Шкала дохода предполагалась скользящая, в зависимости от результатов аттестации. Однако, чтобы пройти эту аттестацию, Пятерки, Шестерки и Семерки должны ходить в школу, за которую нужно платить... что было выгодно главным образом

Тройкам, поскольку именно они по закону занимались преподаванием. Будучи Двойкой, Селеста понятия не имела о том, как нам приходилось вкалывать с утра до вечера, чтобы свести концы с концами. Ни у кого попросту не нашлось бы времени на прохождение этой аттестации. А это означало, что люди до конца жизни будут вынуждены довольствоваться минимальным заработком. В теории все это было очень хорошо, но на практике совершенно неприменимо.

Селеста вернулась на свое место, и я с трепетом поднялась. На долю секунды меня посетила мысль изобразить обморок. Но мне хотелось, чтобы это произошло. Не хотелось лишь иметь дело с последствиями.

Я прикрепила мой плакат — схему кастовой системы — к подставке и аккуратно разложила на столе книги. Потом набрала полную грудь воздуха и взяла в руки свои карточки. К своему удивлению, когда я начала речь, оказалось, что я могу прекрасно обойтись и без них.

— Добрый вечер, Иллеа. Сегодня я обращаюсь к вам не как одна из Элиты, не как Тройка или Пятерка, но как соотечественница, как равная. В зависимости от принадлежности к той или иной касте ваше восприятие нашей страны будет различным. Это я могу вам сказать на собственном опыте. Но до недавнего времени я и не подозревала, как глубоко люблю Иллеа. Несмотря на то что в детстве мне доводилось сидеть без еды и электричества, несмотря на то что дорогие мне люди загнаны в рамки, раз и навсегда predetermined фактом нашего рождения, несмотря на то что я отчетливо вижу пропасть, отделяющую меня от других людей в силу нашей принадлежности к разным кастам, хотя на самом деле различия между нами не так уж и велики, — я взглянула туда, где сидели остальные девушки, — я очень люблю нашу страну. — Я механически взяла следующую карточку, понимая, что настает решительный миг. — То, что я предлагаю, сделать будет непросто. Это может быть даже болезненно, но я искренне верю, что это пойдет на пользу всему королевству. — Снова набрала полную грудь воздуха. — Я считаю, что нам необходимо отменить касты. Я отдаю себе отчет в том, что на заре существования нашей страны разделение людей на касты помогло организовать общество, которому в противном случае угрожало полное исчезновение. Но мы давно уже не та страна. Мы прошли огромный путь. Позволить бездарностям наслаждаться непомерными привилегиями и угнетать тех, кто мог бы стать величайшими умами мира ради сохранения архаичной системы, — жестоко. Это лишает нас возможности превратиться в ту прекрасную страну, которой мы могли бы быть.

Я упомянула увиденные в одном из журналов Селесты результаты

очередного голосования по итогам той программы, в которой мы говорили о переходе на добровольный призыв. Шестьдесят пять процентов сочли, что это хорошая идея. Зачем лишать людей возможности избрать для себя это поприще? Затем я процитировала один старый отчет о результатах всеобщей аттестации в общественных школах. В нем акцент делался на том, что хороший уровень знаний продемонстрировали всего три процента Шестерок и Семерок, а поскольку показатели были такими низкими, перспективы у них отсутствовали. Я же сделала акцент на том, что нам всем должно быть стыдно за то, что эти люди обречены всю жизнь копать канавы, хотя вполне могли бы, к примеру, преуспеть в кардиохирургии.

Наконец я закончила излагать суть:

— Может, у нашей страны и есть недостатки, но никто не станет отрицать, что у нее огромный потенциал. Боюсь, что без перемен в обществе этот потенциал будет растрочен впустую. А я слишком сильно люблю нашу страну, чтобы позволить этому случиться, и слишком сильно в нее верю. — Я сглотнула, радуясь, что хотя бы с этим покончено. — Благодарю за внимание, — произнесла я и вполоборота повернулась к королевскому семейству.

Дело было худо. Максон сидел с таким же каменным лицом, как в день экзекуции Марли и Картера. Королева избегала смотреть на меня, но вид у нее был разочарованный. Король, напротив, сверлил меня взглядом. Не дав мне опомниться, он кинулся в бой.

— И каким же образом вы предлагаете избавиться от каст? — осведомился он. — Вот так просто взять и отменить?

— Э-э... Не знаю...

— А вам не кажется, что это вызовет бунты? Повергнет страну в хаос? Позволит повстанцам воспользоваться неразберихой в обществе?

Эту сторону я не продумала. Слишком сильно была возмущена несправедливостью.

— Я думаю, образование нашей страны тоже сопровождалось изрядной неразберихой, но мы как-то справились. На самом деле, — я потянулась к своей стопке книг, — у меня тут есть описание.

Я вытащила дневник Грегори и принялась искать нужную страницу.

— Мы еще в эфире? — проревел король.

— Нет, ваше величество, — отозвался кто-то.

Я вскинула глаза и увидела, что лампочки, которые обычно сигнализировали о том, что работают камеры, не горят. Каким-то жестом, которого я не заметила, король распорядился прервать выпуск «Вестей».

Он поднялся:

— Направьте их на пол.

Все камеры уткнули объективами в пол. Король подлетел ко мне и вырвал у меня из рук дневник.

— Где ты это взяла? — рявкнул он.

— Отец, перестань! — подскочил встревоженный Максон.

— Где она это взяла? Отвечай!

— Это я ей дал, — признался Максон. — Мы искали, что такое Хеллоуин. Он писал об этом в дневниках, и я подумал, что ей интересно будет узнать об этом побольше.

— Идиот! — выплюнул король. — Так я и знал, что надо было тебе дать их прочитать раньше. Никакого от тебя толку! Ты понятия не имеешь о своих обязанностях!

Ох, только не это. Только не это.

— Чтобы к вечеру духу ее во дворце не было! — распорядился король Кларксон. — Я по горло сыт ее выходами.

Я съежилась и отступила, пытаюсь очутиться как можно дальше от короля, но чтобы это не бросалось в глаза. Постаралась даже не дышать слишком громко. Посмотрела на девушек, сосредоточившись почему-то на Селесте. Я ожидала увидеть на ее лице улыбку, но ей явно было не по себе. Никогда еще король не впадал в такую ярость.

— Ты не можешь отправить ее домой. Это мой выбор, и я говорю, что она остается, — спокойно возразил Максон.

— Максон Калике Шрив, я король Иллеа, и я говорю...

— Можешь хотя бы на пять минут перестать быть королем и побыть просто моим отцом?! — заорал Максон. — Это мой выбор. Ты принимаешь свои решения, и я тоже хочу принимать свои. Никто никуда не поедет, пока я не скажу!

Я заметила, как Натали прижалась к Элизе. Обеих, похоже, била дрожь.

— Эмберли, отнеси это на место, — сказал король, сунув дневник ей в руки. Королева кивнула, но никуда не пошла. — Максон, я жду тебя в моем кабинете.

Я не сводила с принца глаз, и, возможно, мне это только показалось, но в его взгляде промелькнуло паническое выражение.

— Или, — предложил король, — я могу просто поговорить с ней сам. — Он кивнул в мою сторону.

— Нет, — поспешно ответил Максон, вскидывая руку в защитном жесте. — Это излишне. — Девушки, — добавил он, поворачиваясь к нам, — почему бы вам всем не подняться к себе? Ужин подадут в ваши

комнаты. — Он помолчал. — Америка, думаю, тебе стоит собрать вещи. Просто на всякий случай.

Король улыбнулся. На фоне недавней вспышки это выглядело зловеще.
— Превосходная идея. На выход, сын.

Я посмотрела на Максона. Вид у него был убитый. Мне стало стыдно. Принц открыл рот, чтобы что-то сказать, но лишь покачал головой и двинулся прочь. Крисс ломала руки, провожая его взглядом. Я ее понимала. Во всем этом было что-то угрожающее.

— Кларксон, — негромко сказала королева Эмберли. — Осталось еще одно дело.

— Какое еще дело? — раздраженно бросил он.

— Ну, новости же, — напомнила она ему.

— Ах да. — Он опять подошел к нам.

Я поспешила вернуться в свое кресло, чтобы не оказаться снова совсем рядом с ним. Голос короля звучал твердо и спокойно.

— Натали, мы не хотели сообщать тебе об этом перед эфиром, но мы получили плохие новости.

— Плохие новости? — эхом отозвалась она, беспокойно теребя ожерелье.

Король подошел еще ближе:

— Да. К моему огромному сожалению, похоже, сегодня утром твою сестру захватили повстанцы.

— Что? — прошептала она.

— Днем было обнаружено ее тело. Прими наши соболезнования.

К чести короля, в его голосе и в самом деле звучало что-то близкое к сочувствию, хотя он произнес эти слова так, словно тренировался выражать соболезнования, а не демонстрировал подлинные чувства. Он быстро вернулся к Максону и грубо вывел его за дверь. Натали душераздирающе закричала. Королева бросилась к ней, принялась гладить по волосам, пытаясь успокоить. Селеста, никогда не отличавшаяся сострадательностью, молча вышла. Ошеломленная Элиза последовала за ней. Крисс задержалась и попыталась утешить Натали, но когда стало понятно, что ее усилия не дают никаких результатов, тоже вышла. Королева сказала Натали, что на всякий случай к ее родителям приставят охрану и что она может поехать на похороны, если захочет. Все это время она не выпускала Натали из объятий.

Все так стремительно и так зловеще изменилось, что я оцепенела в своем кресле.

Когда перед самым лицом у меня мелькнула чья-то рука, я от

неожиданности шарахнулась.

— Не пугайтесь, пожалуйста, — сказал Гаврил. — Я просто хотел помочь вам подняться.

Булавка на лацкане у него поблескивала, отражая свет. Я протянула ему руку и поразилась тому, как нетвердо держусь на ногах.

— Должно быть, он очень вас любит, — заметил Гаврил, когда я кое-как поднялась.

Я не смогла заставить себя взглянуть на него.

— Почему вы так говорите?

Гаврил вздохнул:

— Я знаю Максона с детских лет. Никогда еще он не давал такого отпора отцу. — Гаврил отошел от меня и велел членам съемочной группы не распространяться о том, свидетелями чего им довелось сегодня стать.

Я подошла к Натали. Нельзя сказать, что я очень хорошо ее знала, но если я в чем-то и была уверена, так это в том, что она любила свою сестру так же сильно, как я любила Мэй. Сложно представить, какую боль она испытывала.

— Натали, мне очень жаль.

Она кивнула в ответ. Это было самое большее, на что Натали сейчас была способна.

Королева сочувственно взглянула на меня, не зная, как выразить свою печаль.

— И еще... Простите, что так получилось. Я не пыталась... просто...

— Знаю, милая.

В свете того, что случилось с Натали, требовать прощания было бы слишком эгоистично, поэтому я в последний раз сделала перед королевой реверанс и медленно вышла за дверь пожинать все последствия собственноручно организованной катастрофы.

Глава 28

Последнее, чего я ожидала, переступая через порог комнаты, — небольшая овация, которой встретили меня мои служанки. Я стояла, неподдельно тронутая их поддержкой. Их светящиеся гордостью лица немного исправили настроение. Энн взяла меня за руки:

— Отлично сказано, мисс.

Она легонько сжала мои пальцы, и я на мгновение почувствовала себя не так ужасно.

— Мне просто не верится, что вы это сделали! За нас никто никогда не заступается! — добавила Мэри.

— Максон должен выбрать вас! — воскликнула Люси. — Вы единственная, кто дает людям надежду.

Надежда. Мне необходимо было подумать, а сделать это без помех можно было только в саду. Хотя служанки настаивали на том, чтобы я сталась, я все-таки ушла, выбрав длинный путь, через черную лестницу в дальнем конце коридора. Если не считать редких гвардейцев, на первом этаже было пустынно и тихо. А мне-то казалось, что дворец должен был жужжать, точно растревоженный улей, учитывая, сколько всего произошло за последние полчаса.

Когда я проходила мимо госпитального крыла, дверь распахнулась, и я налетела прямо на Максона, который выронил плотно закрытую металлическую коробку. Он охнул, хотя столкновение было вовсе не таким уж и сильным.

— Почему ты не в своей комнате? — спросил он и медленно нагнулся, чтобы поднять коробку. На торце я заметила его имя. Интересно, что он хранил в госпитальном крыле?

— Я шла в сад. Пытаюсь понять, очень большую глупость я сделала или нет.

Максон, похоже, с трудом держался на ногах.

— О, могу тебя заверить: еще какую большую!

— Тебе помочь?

— Нет, — ответил он поспешно, избегая смотреть мне в глаза. — Я иду к себе в комнату. Советую тебе сделать то же самое.

— Максон. — Тихая мольба в моем голосе заставила его взглянуть на меня. — Прости. Я была вне себя от ярости и хотела... не знаю даже, чего именно. И потом, это ведь ты сказал, что в том, чтобы быть Единицей, есть

свои плюсы, что ты можешь что-то изменить.

Он закатил глаза:

— Ты не Единица. — Повисло молчание. — Но даже если бы ты ею и была, неужели ты не заметила, как я решаю проблемы? Потихоньку и помаленьку. Пока что по-другому никак. Глупо было прийти на телевидение с жалобами на то, как устроена жизнь в стране, и ожидать, что мой отец, да и кто угодно другой, тебя поддержит.

— Прости! — воскликнула я. — Прости, пожалуйста.

Он немного помолчал.

— Я не уверен, что....

До нас донеслись крики. Максон развернулся и зашагал по коридору, а я поспешила следом, пытаясь понять, что за шум. Кто-то дрался? Очутившись ближе к выходу в сад, мы увидели, как туда хлынули гвардейцы.

— Тревога! — закричал кто-то. — Они прорвались за ворота!

— Оружие на изготовку! — скомандовал еще кто-то, перекрывая гвалт.

— Известите короля!

И тут, точно рой пчел, в холл влетели какие-то маленькие предметы. Один из гвардейцев упал навзничь, с тошнотворным треском ударившись головой о мраморный пол. При виде крови, хлынувшей у него из груди, я закричала. Максон инстинктивно потянул меня прочь, но не слишком проворно. Наверное, он тоже пребывал в состоянии шока.

— Ваше высочество! — заорал один из гвардейцев, бросаясь к нам. — Вы должны немедленно спуститься в подвал!

Он бесцеремонно развернул Максона и подтолкнул в направлении убежища. Максон вскрикнул и снова выронил металлическую коробку. Я бросила взгляд на руку гвардейца, ожидая увидеть, что он всадил Максону нож в спину. Однако, кроме массивного оловянного кольца на большом пальце, ничего не разглядела. Я взяла коробку за ручку, надеясь, что после падения внутри все осталось в целости, и бросилась бежать туда, куда тащил нас гвардеец.

— Я не дойду, — выдохнул Максон.

Я обернулась и увидела, что он весь в испарине. С ним явно что-то было не так.

— Дойдете, сир, — сурово сказал гвардеец. — Сюда, пожалуйста.

Он потащил Максона за угол, за которым, казалось, был тупик. Я уже совсем было решила, что он собрался бросить нас там, как гвардеец нажал на какую-то кнопку, и в стене открылась очередная потайная дверь. За ней

было так темно, что я не видела, куда мы идем, но Максон без колебаний нырнул внутрь, пригнув голову.

— Сообщите моей матери, что мы с Америкой в безопасности. Прямо сейчас, — велел он.

— Непременно, сир. Я лично за вами вернусь, когда все закончится.

Завыла сирена. Я очень надеялась, что всем хватит времени добежать до убежищ.

Максон кивнул, и дверь закрылась, оставив нас в полной темноте. Люк прилегал так плотно, что внутри не было слышно даже воя сирены. Максон нашарил выключатель, и через миг наше укрытие озарил тусклый свет. Я принялась озираться по сторонам. На стене висело несколько полок с темными пластиковыми упаковками и еще одна с аккуратно сложенными тонкими одеялами. Посередине крохотной комнатки стояла деревянная скамья. На ней могли разместиться человека четыре. В углу напротив имелась небольшая раковина и грубое подобие туалета. В одну стену вбили несколько крючков, но сейчас на них ничего не висело. В воздухе стоял запах металла, из которого, по-видимому, были сделаны стены.

— По крайней мере, с укрытием нам повезло, — заметил Максон и поковылял к скамье.

— Что с тобой?

— Ничего, — негромко ответил он и почти упал на сиденье.

Я опустилась рядом, поставила металлическую коробку на скамью и снова оглядела комнатку.

— Я правильно догадалась, что на этот раз нападающие — южане?

Максон кивнул. Я попыталась дышать размеренно и стереть то, что я только что видела, из памяти. Выживет ли тот раненый гвардеец? Можно ли вообще выжить после такого?

Я задумалась, насколько глубоко повстанцам удалось проникнуть во дворец за то время, пока мы добирались до убежища. Успела ли сработать сирена?

— Мы здесь в безопасности?

— Да. Это одно из укрытий для слуг. Если нападение застигает их в кухне или в складских помещениях, там им и так ничего не грозит. А вот те, кто в это время занят работами во дворце, могут и не успеть спуститься. Это укрытие не такое надежное, как большое убежище для королевской семьи, к тому же тамошние запасы позволяют продержаться довольно длительное время, но на крайний случай и это тоже сойдет.

— Повстанцы знают про убежища?

— Не исключено. — Максон попытался распрямиться и

поморщился. — Но если в убежище кто-то есть, попасть в него они не смогут. Способов выбраться всего три. Дверь можно открыть специальным ключом снаружи, можно — изнутри. — Максон похлопал себя по карману, намекая, что мы и сами можем выбраться из нашего укрытия, если что. — Или придется ждать два дня. Потом двери автоматически разблокируются. После того как опасность минует, охрана обычно проверяет все укрытия. Но всегда существует шанс пропустить одно из них, и без механизма отсроченной разблокировки какой-нибудь бедняга мог бы застрять в убежище навечно.

На то, чтобы произнести все это, у него ушло какое-то время. У Максона явно что-то болело, но мне показалось, что рассказом он пытается отвлечься от боли. Он наклонился вперед и зашипел.

— Максон?

— Все... не могу... не могу больше терпеть. Америка, ты не сможешь мне снять пиджак?

Он протянул руку, и я бросилась ему. Максон опустил на скамью и принялся расстегивать пуговицы. Я пришла ему на помощь, но он вдруг перехватил мои руки.

— Опыт показал, что ты неважно умеешь хранить секреты. Но этот секрет должен уйти в могилу вместе с тобой. И со мной. Ты меня поняла?

Я кивнула, хотя не до конца понимала, что он имеет в виду. Максон отпустил мои руки, и я медленно расстегнула на нем рубашку. Интересно, он когда-нибудь рисовал эту сцену в своем воображении? Должна признаться, я рисовала. В ночь после хеллоуинского бала я лежала в постели и воображала в мыслях именно этот миг нашего будущего. Вот только в моих мечтах все выглядело совершенно иначе. И все равно по спине побежали мурашки.

Хоть я и была музыкантом, но росла в семье художников. Как-то раз я видела древнюю скульптуру. Она изображала атлета, бросающего диск. Тогда я еще подумала, что создать такое совершенное тело под силу только гениальному художнику. Мускулатура на груди Максона не уступала ни одному произведению искусства.

Впрочем, все эти мысли мгновенно вылетели, как только я попыталась спустить рубашку у него со спины. Она прилипла к коже и не желала поддаваться.

— Полегче, — прошипел он.

Я кивнула и зашла сзади, чтобы попробовать оттуда. Ткань на спине была вся пропитана кровью. Я ахнула, на мгновение окаменев. Но потом, чувствуя, что Максону это неприятно, стряхнула с себя оцепенение и

принялась за дело. Когда рубашку удалось снять, я накинула ее на один из крючков, воспользовавшись этой секундной передышкой, чтобы вернуть самообладание.

Взяв себя в руки, я обернулась и внимательно осмотрела спину Максона. Она вся оказалась исполосована рубцами разной степени давности — от совсем свежих, кровоточащих, до слегка подживших и давно затянувшихся. Свежих насчиталось штук шесть. Они багровели поверх бесчисленного множества более старых.

Как такое могло случиться? Максон ведь принц. Он властитель, августейшая особа, не простой смертный, стоит выше всего, иной раз даже выше закона, так откуда на нем взялись эти шрамы?

Потом я вспомнила лицо короля сегодня в студии. И попытка Максона скрыть страх. Как можно было такое сделать с собственным сыном? Я снова отвернулась и принялась рыться на полках в поисках небольшой губки. Потом подошла к раковине и с радостью обнаружила, что в кране есть вода, пусть и ледяная. Наконец собралась с мужеством и вернулась к Максону, пытаясь сохранять спокойствие ради него.

— Может немного пощипать.

— Ничего, — прошептал он. — Я привычный.

Я взяла губку и промокнула длинную ссадину на плече, решив, что буду двигаться сверху вниз. Он слегка дернулся, но вытерпел все молча. Когда я перешла ко второй ране, Максон заговорил:

— Знаешь, я ведь многие годы готовился к этому вечеру. Ждал, когда буду достаточно силен, чтобы бросить ему вызов. — Он на какое-то время умолк, и многие вещи внезапно обрели для меня смысл: зачем человеку, занимавшемуся бумажной работой, нужны такие серьезные мускулы, почему он в любое время дня и ночи был одет и готов к любым неожиданностям, почему так взвился, когда я толкнула его и назвала ребенком.

Я кашлянула.

— Так почему же ты этого не сделал?

Он помолчал.

— Испугался, что тогда его гнев обрушится на тебя.

Я оцепенела, настолько потрясенная, что не могла даже говорить. К глазам подступили слезы, но я изо всех сил сражалась с ними. Они только сделали бы еще хуже.

— Кто-нибудь об этом знает? — спросила я.

— Нет.

— Ни врач? Ни твоя мать?

— Врач знает, но держит язык за зубами. А матери я бы никогда про это не рассказал и даже не дал бы ей повода что-то заподозрить. Она знает, что отец суров со мной, но я не хочу ее волновать. И как-нибудь это переживу. Я продолжала промокать его спину губкой.

— С ней он так себя не ведет, — поспешно добавил он. — Наверное, ей от него тоже достается, но не таким образом.

— Хм, — протянула я и, не зная, что еще сказать, продолжила обрабатывать его раны.

— Черт, больно, — застонал Максон.

Я убрала губку и с минуту подождала, пока его дыхание не успокоится. Он кивнул, и я продолжила свое дело.

— Так что я сочувствую Марли с Картером куда сильнее, чем ты себе представляешь, — нарочито легкомысленным тоном произнес он. — Такие раны причиняют боль довольно долго, особенно если не обращаться за помощью.

Я потрясенно молчала. Марли получила пятнадцать ударов сразу. Наверное, если бы мне пришлось выбирать, я бы тоже предпочла этот вариант — все лучше, чем ждать, когда будет следующий раз и за что.

— А за что были все остальные? — спросила я и тут же покачала головой. — Прости. Это был бестактный вопрос.

Он пожал окровавленным плечом:

— За то, что сделал что-то или сказал. За то, что узнал.

— И за то, что узнала я. Максон, я так... — У меня перехватило горло, и я с трудом удержалась от слез. С таким же успехом я сама могла нанести ему эти удары. Он не обернулся, но пошарил рядом с собой и положил ладонь на мое колено.

— Как ты сможешь привести меня в порядок, если будешь плакать?

Я слабо рассмеялась сквозь слезы и утерла лицо. Потом закончила обмывать его спину, стараясь прикасаться к ней как можно бережней.

— Как думаешь, здесь есть бинты? — спросила я, обводя комнату взглядом.

— В железной коробке, — сказал он.

Пока он пытался отдышаться, я откинула крышку и обнаружила внутри уйму медикаментов.

— Почему ты не хранишь бинты у себя в комнате?

— Исключительно из гордости. Я был полон решимости никогда больше не допустить, чтобы они мне понадобились.

У меня вырвался негромкий вздох. В коробке я обнаружила дезинфицирующий раствор, мазь, похожую на болеутоляющую, и бинты.

Я встала у него за спиной, готовясь нанести лекарство.

— Может быть больно.

Максон кивнул. Когда раствор попал на кожу, он негромко замычал, потом умолк. Я пыталась делать все быстро и тщательно. Старалась как могла облегчить ему боль. После принялась накладывать на его раны мазь; снадобье явно помогало. Его плечи становились менее напряженными прямо у меня на глазах. Я порадовалась. Это была возможность хотя бы отчасти искупить свою вину.

Он негромко фыркнул:

— Я понимал, что рано или поздно мой секрет выплывет наружу, и много лет пытался сочинить какую-нибудь подходящую историю. Я очень надеялся, что у меня получится придумать что-нибудь правдоподобное до свадьбы, поскольку моя жена неминуемо должна была бы увидеть рубцы, но так ни до чего и не додумался. Может, у тебя будут какие-нибудь идеи?

Я ненадолго задумалась.

— Всегда можно сказать правду.

— Не самый мною любимый вариант, — кивнул он. — По крайней мере, в этом случае.

— Полагаю, я закончила.

Максон слегка изогнулся, стараясь не делать резких движений. Потом с благодарным видом обернулся ко мне:

— Потрясающе. У меня самого никогда так хорошо не получалось.

— На здоровье.

Он некоторое время молча смотрел на меня. А что тут можно сказать?

Мой взгляд как магнитом притягивала его грудь. Надо было как-то отвлечься.

— Пойду выстираю твою рубашку.

Я забилась в угол у раковины и принялась оттирать окровавленную ткань, глядя, как вода окрашивается в бурый цвет, прежде чем утечь в трубу. Я понимала, что кровь все равно до конца не отстирается, но, по крайней мере, это позволяло мне хотя бы чем-то себя занять.

Закончив со стиркой, выжала рубашку и повесила обратно на крючок. Когда обернулась, Максон внимательно смотрел на меня.

— Почему ты никогда не задаешь вопросов, на которые я очень хочу ответить?

Сесть рядом с ним на скамейку значило подвергнуть себя искушению прикоснуться к нему, поэтому я устроилась на полу напротив.

— Я не знала, что это так.

— Именно так.

— И что это за вопросы, на которые тебе не терпится ответить?

Он глубоко вздохнул и осторожно наклонился вперед, уткнувшись локтями в колени.

— Не хочешь, чтобы я объяснился насчет Крисс и Селесты? Тебе не кажется, что ты этого заслуживаешь?

Глава 29

Я скрестила руки на груди:

— Крисс уже рассказала мне свою версию о том, как все случилось, и не думаю, чтобы она что-то преувеличила. Что до Селесты, я предпочла бы не говорить о ней больше никогда.

— До чего же ты упрямая, — рассмеялся он. — Мне будет этого не хватать.

Я с минуту помолчала.

— Значит, все? Меня отправляют домой?

Максон немного подумал, потом сказал:

— Не уверен, что теперь смогу помешать. Разве ты сама не этого хотела?

Я покачала головой.

— Меня трясло от бешенства, — прошептала я. — Я была вне себя.

Я отвела взгляд, потому что боялась расплакаться. По всей видимости, Максон решил, что я должна выслушать его вне зависимости от моих собственных желаний. В любом случае, деться отсюда было некуда, так что придется выслушать все, что он намеревался рассказать.

— Мне казалось, что ты моя, — начал он. Я покосилась на него и увидела, что он смотрит в потолок. — Если бы я мог сделать тебе предложение на балу в честь Хеллоуина, я бы его сделал. Я должен официально предложить моей избраннице руку и сердце перед камерами, в присутствии родителей и гостей, но я получил специальное разрешение просить тебя стать моей женой в приватной обстановке и устроить после этого прием. Я не говорил тебе об этом? — Максон посмотрел на меня, и я слабо покачала головой. Он горько улыбнулся, вспоминая. — Даже речь заготовил, собирался дать тебе всякие обещания. Наверное, я благополучно бы все забыл и выставил себя полным идиотом. Хотя... помню ее до сих пор. — Он вздохнул. — Я избавлю тебя от необходимости это выслушивать. — Максон немного помолчал. — Когда ты оттолкнула меня, я запаниковал. Я-то считал, что с этим бредовым состязанием покончено, а тут мне показалось, что все надо начинать заново, только на этот раз выбор у меня был куда более ограниченный. Да еще как раз за неделю до этого я по очереди побывал на свиданиях со всеми остальными девушками, пытался найти ту, что смогла бы затмить тебя, но все без толку. Я был в отчаянии. А потом ко мне пришла Крисс, такая тихая и скромная. Ей не

нужно было от меня ничего, только чтобы я немного повеселел, и я поразился, как я до сих пор не заметил в ней этого. Я считал ее славной девушкой и к тому же очень привлекательной, но оказалось, что в ней есть нечто большее. Думаю, я просто не смотрел по-настоящему. Да и к чему, если у меня была ты?

Я обхватила себя руками, пытаюсь защититься от боли. Теперь меня у него не было. И винить можно лишь себя саму.

— Ты ее любишь? — тихо спросила я. Мне не хотелось смотреть на его лицо, но по долгому молчанию, последовавшему за моим вопросом, я поняла, что этих двоих связывают глубокие чувства.

— Это не то, что было у нас с тобой. Это нечто более спокойное, более дружеское. Но при этом надежное. Я могу положиться на Крисс и твердо знаю, что она предана мне. Как ты сама видишь, в моем мире нет ничего незыблемого. Так что в этом смысле Крисс — глоток свежего воздуха.

Я кивнула, по-прежнему избегая смотреть ему в глаза. Невозможно думать ни о чем другом, кроме того, что он говорит о нас с ним в прошедшем времени, а в адрес Крисс расточает одни похвалы. Мне очень хотелось, чтобы я могла сказать про нее что-нибудь нелестное, нечто такое, что сделало бы ее образ чуть менее идеальным. Увы, ничего такого я сказать не могла: Крисс — настоящая леди. С самого начала она не сделала ни единого промаха. Я была удивлена, как он вообще мог предпочесть меня ей. Она идеально ему подходила.

— Зачем тогда тебе понадобилась Селеста? — спросила я, наконец отважившись взглянуть на него. — Если Крисс такая замечательная...

Максон кивнул. Похоже, ему неловко было обсуждать эту тему. Впрочем, он сам затеял разговор, так что, наверное, заранее к нему подготовился. Принц поднялся, еще раз осторожно повел плечами, потом принялся мерить крохотную комнатку шагами.

— Как ты теперь знаешь, моя жизнь полна разнообразных стрессов, которыми я не хочу ни с кем делиться. Я живу в состоянии постоянного напряжения. На меня все время смотрят, все время оценивают. Родители, советники... Вся моя жизнь проходит перед телекамерами, а теперь еще появились вы. Уверен, ты хотя бы раз чувствовала себя в ловушке из-за своей касты, а представь, каково мне. Я многое видел и многое знаю и не думаю, чтобы у меня получилось изменить все эти вещи. Уверен, ты в курсе, что мой отец должен уйти в отставку, когда мне будет двадцать с небольшим и он убедится, что я готов управлять страной. Но неужели ты думаешь, что он когда-нибудь перестанет дергать за нитки? Этому не бывать, пока он жив. Я знаю, что он ужасный человек, но не желаю ему

смерти. Он ведь все-таки мой отец. — (Я лишь кивнула.) — Кстати, это он с самого начала Отбора решал, кто будет исключен. Если посмотреть, кто остался, это становится совершенно очевидно. — Максон принялся загибать пальцы. — Натали очень податлива, и это делает ее лучшей кандидаткой в глазах отца, поскольку я, по его мнению, чересчур своенравен. Тот факт, что он так ее любит, заставляет меня бороться с желанием ее возненавидеть. У Элизы имеются союзники в Новой Азии, но я не уверен, что от этого есть какой-то толк. Эта война... — Максон о чем-то задумался и покачал головой. В этой войне было что-то такое, чем он не хотел со мной делиться.

— К тому же она такая... не знаю даже, как это назвать. Я с самого начала понимал, что мне не нужна девушка, которая будет соглашаться со всем, что бы я ни сказал, или немедленно начнет преклоняться передо мной. Когда я пытаюсь втянуть ее в спор, она тут же уступает. И так каждый раз! Это выводит меня из себя. Нельзя же быть такой бесхребетной. — Он перевел дух.

Я и не подозревала, как сильно она его раздражает. Принц всегда был с нами так терпелив. Наконец Максон взглянул на меня. — Только ты мой выбор. Мой единственный выбор. Отец был не в восторге, но тогда ты еще не сделала ничего такого, что вызвало бы его недовольство. И пока не высовывалась, он не возражал против твоего присутствия во дворце. На самом деле отец разрешил бы мне выбрать тебя, если бы ты вела себя тихо. Теперь же он воспользовался твоими недавними поступками, чтобы обвинить меня в неразумности, и настаивает на том, что последнее слово должно быть за ним. — Максон покачал головой. — Я отвлекся от темы. Всех остальных — Марли, Крисс и Селесту — выбрали советники. Марли была в их глазах лучшей кандидаткой, как теперь Крисс. — Он вздохнул. — Крисс могла бы стать отличным выбором. Жаль, что она не подпускает меня ближе, а я понятия не имею, есть ли между нами... искра. Что касается Селесты. Она очень влиятельна и сама по себе знаменитость. Для телеэкрана — идеальный вариант. Выбрать девушку, которая стоит почти на той же ступени, что и я, кажется вполне логичным шагом. Она мне нравится хотя бы своим упорством. У нее, по крайней мере, присутствует характер. Но я прекрасно вижу, что в ней есть манипуляторская жилка и что она пытается выжать из этой ситуации все, что только можно. Когда Селеста обнимает меня, я отлично понимаю, что в первую очередь она видит во мне корону. — Максон закрыл глаза, как будто собирался произнести самое худшее. — Она пользуется мной, а потому я не испытываю угрызений совести, когда пользуюсь ею. Я не удивлюсь, если

окажется, что ей посоветовали повеситься мне на шею. Я уважаю принципы Крисс. И я предпочел бы находиться в твоих объятиях, но в последнее время ты почти со мной не разговариваешь... Почему мне не может хотеться на пятнадцать минут забыть, что я принц? Почувствовать себя обычным человеком? Хотя бы на какое-то время сделать вид, что меня кто-то любит? Можешь осуждать меня, если хочешь, но я не стану извиняться за то, что нуждаюсь хоть в чем-то нормальном в своей жизни. — Он заглянул мне в глаза, ожидая порицания и в то же время надеясь его не дожидаться.

— Я тебя понимаю.

А ведь я сама искала того же самого в объятиях Аспена! И чем я лучше его? Я увидела, как в голове у Максона закрутились шестеренки. Он пытался понять, в буквальном смысле я это сказала или нет. Это был единственный секрет, который я не могла ему открыть. Даже если для меня Отбор закончен, нельзя допустить, чтобы Максон так про меня думал.

— Ты мог бы ее выбрать? Селесту, я имею в виду?

Он подошел и опустился на пол рядом со мной, стараясь не потревожить спину. Я не представляла, как ему больно.

— Если пришлось бы, я предпочел ее Элизе и Натали. Но только в случае отъезда Крисс.

— Крисс — хороший выбор, — сказала я. — Из нее выйдет куда лучшая принцесса, чем из меня.

Он фыркнул:

— У нее нет такой склонности к подрыву устоев. Бог знает до чего могло бы довести страну твое чуткое руководство.

Я рассмеялась, потому что он был прав.

— Наверное, я бы ее развалила.

— Быть может, это именно то, что ей нужно, — отозвался Максон, продолжая улыбаться.

Мы немного посидели в молчании. Я думала о том, как это могло бы выглядеть. От королевской семьи избавиться нельзя — в чьи руки иначе перейдет власть? — но, быть может, имеет смысл изменить некоторые вещи. Должности можно сделать выборными, а не передавать по наследству. Что же касается каст... Я была бы счастлива, если бы их не осталось вообще.

— Ты не откажешь мне в одной просьбе?

— В какой?

— Ну, за сегодняшний вечер я поделился с тобой множеством вещей, признаться в которых мне было нелегко. Может, ты тоже ответишь мне на

один вопрос?

Его взгляд был настолько искренним, что у меня не повернулся язык отказать ему. Я очень надеялась, что не пожалею.

— Да. На какой угодно.

Он сглотнул.

— Ты когда-нибудь меня любила?

Максон заглянул мне в глаза, и я задалась вопросом, видит ли он. Видит ли он все те чувства, с которыми я боролась, потому что принимала его за того, кем он не был, все те чувства, которым я никогда не отваживалась дать название. Я опустила голову:

— Когда я считала, что Марли высекли по твоему приказу, я была просто раздавлена. Не только потому, что это произошло, но и потому, что мне невыносимо было считать тебя человеком, который способен на такое. Когда ты говоришь про Крисс или когда я думаю о том, что ты целовался с Селестой... у меня в глазах темнеет от ревности. И когда мы с тобой разговаривали на хеллоуинском балу, я думала о нашем будущем. И я была счастлива. И если бы ты тогда... я сказала бы «да». — Последние слова я произнесла шепотом. Думать об этом оказалось почти физически больно. — Я так и не смогла разобраться в своих чувствах по поводу того, что ты принц и что встречаешься с другими девушками тоже. И даже после всего, что ты сегодня рассказал, думаю, в твоей душе всегда останутся уголки, в которые мне никогда не будет доступа... Но, несмотря на все это... — Я кивнула.

Я не могла заставить себя произнести эти слова вслух. Потому что, если они прозвучат, как после этого я смогу уехать?

— Спасибо, — прошептал он. — По крайней мере, теперь я могу быть уверен в том, что хотя бы в один краткий миг мы с тобой испытывали одни и те же чувства.

Глаза у меня защипало, к горлу подступили слезы. Он никогда не говорил мне прямо, что любит меня, не сказал этого и сейчас. Но подошел близко, очень близко.

— Какой же я была дурой, — срывающимся голосом произнесла я. Меня душили слезы. — Я позволила короне встать между мной и тобой. Я твердила себе, что на самом деле ты ничего не значишь в моей жизни. Упорно считала, будто ты нечестен со мной, что ты мне не доверяешь и не питаешь ко мне никаких чувств. В итоге позволила себе поверить, что ничего для тебя не значу. — Я взглянула в его прекрасное лицо. — Достаточно взглянуть на твою спину, чтобы понять, что ты был готов ради меня на все. А я взяла и все испортила. Просто все испортила...

Он раскрыл мне объятия, и я упала в них. Максон молча обнял меня и принялся гладить по голове. Как бы мне хотелось стереть все остальное и удержать этот миг, это краткое мгновение, полное понимания, как много мы друг для друга значим.

— Пожалуйста, не плачь, милая. Если бы я мог, то сделал бы так, чтобы ты в жизни больше не пролила ни слезинки.

— Я уже никогда тебя не увижу, — дрожащим голосом сказала я. — И все это по собственной вине.

Он прижал меня к себе еще крепче:

— Нет, я должен был больше тебе доверять.

— Я должна была проявлять больше терпения.

— Жаль, что я не сделал тебе предложение в тот вечер.

— Жаль, что я не дала тебе его сделать.

Он фыркнул. Я подняла на него глаза, не зная, сколько еще раз суждено мне увидеть его улыбку. Пальцы Максона утерли слезы с моих щек. Он сидел и смотрел мне в глаза. А я — ему. Мне хотелось навсегда запомнить этот миг.

— Америка... я не знаю, сколько времени у нас осталось, но не хочу растратить его на сожаления о том, чего мы не сделали.

— И я тоже.

Я потерлась щекой о его ладонь, целуя ее. Потом поцеловала кончик каждого пальца. Он запустил руку в мои волосы и притянул меня к себе, так что наши губы слились. Как же я скучала по его поцелуям, таким спокойным и уверенным. И знала, что ни с кем и никогда больше, даже если выйду замуж за Аспена или еще за кого-ни-будь, я не буду чувствовать себя так. Словно я делала его мир лучше. Словно я и была его миром. Это был не взрыв, не фейерверк. Это огонь, медленно выжигающий изнутри.

Мы переместились: я очутилась на полу, Максон надо мной. Он провел носом по моей щеке, скользнул по шее вниз, к плечу, потом тем же путем вернулся обратно, к губам, отмечая каждый шаг на этой дорожке поцелуем. Я запустила руки в его волосы. Они были очень мягкими и щекотали ладони. Потом мы соорудили из одеял импровизированное ложе, и он прижимал меня к себе, глядя в глаза. Если бы не моя глупость, так могло бы быть каждую ночь до конца нашей жизни. Максон натянул подсохшую рубашку, а сверху надел пиджак, чтобы прикрыть засохшие буроватые пятна, и снова свернулся клубочком рядом со мной. Когда мы оба устали, то принялись разговаривать. Я ни секунды не желала тратить на сон, и он, судя по всему, тоже.

— Думаешь, ты вернешься к нему? К твоему бывшему?

Мне не хотелось сейчас говорить об Аспене, но я обдумала эту перспективу.

— Он хороший выбор. Умный, смелый, пожалуй, единственный человек на планете, который более упрям, чем я. — Максон негромко рассмеялся. Глаза у меня были закрыты, но я продолжала говорить. — В прочем, должно пройти время, прежде чем я смогу об этом думать.

— Мм.

Молчание затянулось. Максон потер большим пальцем мою руку.

— Не возражаешь, если я буду тебе писать? — спросил он.

— Наверное, стоит выждать несколько месяцев. Может, ты и думать про меня забудешь. — (Максон издал звук, почти похожий на смех.) — Если все-таки будешь писать... тебе придется рассказать об этом Крисс.

— Ты права.

Он не пояснил, значило это, что он скажет ей или что просто не будет писать. Впрочем, мне сейчас не хотелось уточнять. В голове не укладывалось, что все это произошло из-за какого-то дурацкого дневника. Я ахнула, распахнув глаза. Дневник!

— Максон, а что, если повстанцы-северяне ищут дневники?

Он пошевелился, по-прежнему не открывая глаз.

— О чем ты?

— Когда я в тот день убежала от повстанцев в лес, то видела, как они пробегали мимо меня. Девушка с парнем тащили по котомке книг. Они крадут книги. А что, если им нужна какая-то конкретная?

Максон открыл глаза и задумчиво сощурился:

— Америка... что именно было в том дневнике?

— Много всего. О том, как Грегори практически обманом захватил власть над страной, как он силой навязал людям касты. Это было ужасно.

— Но выпуск «Вестей» прервали, — возразил он. — Даже если повстанцы ищут дневник, они не могли узнать ни что это был он, ни что там написано. Поверь, после этого маленького представления отец позаботится о том, чтобы до дневников больше никто не добрался.

— Они ищут дневник. — Я закрыла рот ладонью, давя зевок. — Я это знаю.

— Не надо, — сказал он. — Не надо так беспокоиться. Может, они просто очень любят читать.

Эта попытка пошутить вызвала у меня стон.

— Я ведь на самом деле думала, что хуже уже не сделаю.

— Ш-ш, — произнес он, придвигаясь ближе. Его сильные руки пригвождали меня к земле. — Не волнуйся. Попробуй лучше поспать.

— Но я не хочу, — прошептала я и еще крепче прижалась к нему.
Максон снова закрыл глаза, не выпуская меня из объятий.

— Я тоже не хочу. Даже в спокойные дни это заставляет меня нервничать.

Защемило сердце. Я не представляла, в каком нервном напряжении он жил, особенно если учесть, что до этого его довел родной отец. Он выпустил мою руку и стал что-то искать у себя в кармане. Я кое-как разлепила веки, но он проделывал это все с закрытыми глазами. Мы оба почти спали. Максон снова взял мою руку и принялся что-то завязывать вокруг моего запястья. Я узнала браслет, который он привез мне из Новой Азии.

— Я все это время носил его в кармане. Романтик несчастный. Я собирался оставить его себе, но хочу, чтобы у тебя что-то осталось на память обо мне. Он надел браслет поверх того, что соорудил для меня Аспен, и я ощутила, как пуговица впилась мне в кожу.

— Спасибо. В нем я чувствую себя счастливой.

— Тогда я тоже счастлив.

Больше мы ничего не говорили.

Глава 30

Разбудила меня скрипнувшая дверь. Ударил такой яркий свет, что пришлось прикрыть глаза ладонью.

— Ваше высочество? — раздался чей-то голос. — Боже правый! Я нашел его! Он жив!

Наше маленькое убежище внезапно заполнилось гвардейцами и слугами, и вокруг нас поднялась суматоха.

— Ваше высочество, вы не успели спуститься в подвал? — спросил один из гвардейцев.

Я взглянула на нашивку с именем. Марксон. Я не уверена, но он, кажется, был из высших чинов.

— Нет. Офицер, который проводил нас сюда, должен был сообщить моим родителям, что я в безопасности. Я приказал отправляться напрямик к ним, — объяснил Максон, пытаясь пригладить волосы. Если бы я не знала, что ему больно шевелиться, то никогда не догадалась бы об этом по его лицу.

Лишь однажды он себя выдал.

— Какой офицер?

— Я не спросил, как его зовут, — вздохнул Максон и вопросительно взглянул на меня.

— Я тоже. Но у него на большом пальце было кольцо. Такое серое, вроде оловянного.

— Таннер, — кивнул Марксон. — Его нет в живых. Мы потеряли около двадцати пяти гвардейцев и десяток слуг.

— Что? — Я прикрыла рот руками.

Аспен. Только бы он был жив. Всю прошлую ночь я была так поглощена собственными переживаниями, что мне и в голову не пришло беспокоиться за него.

— Что с моими родителями? И с остальными девушками из Элиты?

— Все живы и здоровы, сир. Впрочем, у вашей матушки случился нервный срыв.

— Она уже вышла из убежища?

Мы двинулись на выход. Максон шел первым.

— Все уже вышли. Мы пропустили несколько мелких убежищ и обходили все по второму кругу в надежде найти вас и леди Америку.

— О господи, — сказал Максон. — Я сейчас же иду к ней.

С этими словами он вдруг застыл как вкопанный. Я проследила за его взглядом и увидела, во что повстанцы превратили дворец. На стене были нацарапаны те же самые слова, которые я видела в прошлый раз.

«МЫ УЖЕ БЛИЗКО»

Снова и снова, написанные всем, что попало под руку, эти зловещие слова смотрели на меня со стен коридора. Повсюду царил невообразимый разгром. Я никогда не видела, во что повстанцы превращали первый этаж, только коридоры рядом с моей комнатой. Огромное бурое пятно на ковре свидетельствовало о том, что кто-то — беззащитная служанка или бесстрашный гвардеец — погиб на этом месте. Окна были разбиты и щерились острыми осколками стекол. Немногочисленные уцелевшие светильники упрямо моргали, не желая сдаваться. К своему ужасу, я заметила в стенах выбоины. Может, они видели, как люди прятались в убежищах, и пытались в них прорваться? Кто знает, насколько мы с Максоном были близки к гибели?

— Мисс? — обратился ко мне кто-то из гвардейцев, вернув к реальности. — Мы взяли на себя смелость связаться с родными всех девушек. Судя по всему, нападение на семью леди Натали было прямой попыткой сорвать Отбор. Они наносят удары по вашим родственникам, чтобы заставить вас уехать.

Я зажала рот руками.

— Нет!

— Король распорядился приставить охрану к родным всех девушек. Он настаивает на том, что все должны остаться во дворце.

— А если они сами захотят уехать? — возразил Максон. — Не можем же мы держать здесь кого-то против воли!

— Разумеется, сир. Вам необходимо переговорить с королем.

Гвардеец, похоже, не ожидал, что мнения короля и наследника столь кардинально разойдутся.

— Мою семью не придется долго охранять, — произнесла я, надеясь разрядить напряжение. — Сообщите им, что я скоро буду дома.

Гвардеец перевел взгляд с меня на Максона. Явно искал подтверждение тому, что меня исключают. Принц молча кивнул.

— Да, мисс, — с поклоном отозвался гвардеец.

— Моя мать у себя? — остановил его Максон.

— Да, сир.

— Передайте ей, что я сейчас приду. Можете идти.

Мы остались в одиночестве. Принц снова взял мою руку:

— Не торопись уезжать. Попрощайся со служанками и с кем захочешь

из девушек. И поешь что-нибудь. Ты ведь так любишь здешнюю еду.

— Обязательно, — улыбнулась я.

Максон провел языком по губам, с трудом держа себя в руках. Вот и все. Настал прощальный момент.

— Ты навсегда меня изменила. И я никогда тебя не забуду.

Свободной рукой я погладила его по груди, поправляя пиджак.

— Не тяни себя за ухо с кем-то другим. Это лишь мое. — Мне удалось выдавить улыбку.

— И не только это.

— Мне нужно идти. — Я сглотнула.

Он кивнул. Потом поцеловал меня, всего один раз, в губы, и побежал по коридору. Я провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, и только потом направилась к себе в комнату.

Каждый шаг по парадной лестнице превращался в пытку, как из-за того, что я оставила позади, так и из-за того, что ждало меня там, на втором этаже. А вдруг я позвоню в колокольчик, а Люси не придет? Или Мэри? Или Энн? А вдруг я больше никогда не увижу Аспена?

На втором этаже царил разгром. Оно по-прежнему было узнаваемо, самое прекрасное место на свете, даже в руинах. Но я не представляла себе, сколько нужно времени и денег, чтобы вернуть всему этому первозданный вид. Повстанцы потрудились на совесть. Когда я приблизилась к своей комнате, до меня донесся чей-то плач. Люси. Я выдохнула, радуясь, что она жива, и страшись того, что заставило ее плакать. Усилием воли взяла себя в руки, решительно завернула за угол и вошла в комнату.

Заплаканные Мэри и Энн подметали с пола осколки разбитой балконной двери. Мэри остановилась и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. В углу Люси безутешно рыдала у Аспена на груди.

— Ш-ш-ш, — успокаивал он ее. — Ее отыщут, я уверен.

Меня охватило такое облегчение, что я залилась слезами:

— Вы целы. Вы все целы.

Из Аспена словно разом выпустили воздух, так резко обмякли его напряженные плечи.

— Миледи? — будто не веря своим глазам, уточнила Люси. В следующую секунду она уже бежала ко мне. Мэри и Энн немедленно последовали ее примеру и заключили меня в объятия.

— Это против всяких приличий, — сказала Энн, не выпуская меня.

— Ох, хватит уже, бога ради, — оборвала ее Мэри. Мы все были так рады, что остались целы и невредимы, что эта маленькая пикировка вызвала у нас дружный смех. Аспен стоял и молча улыбался, глядя на меня

поверх голов служанок. Без всяких слов было ясно, как он рад меня видеть.

— Где вы были? Вас искали повсюду.

Мэри потянула меня к кровати и усадила на постель, хотя ее перевернули вверх дном: одеяло искромсано, из распотрошенной подушки сыпались перья.

— В одном из убежищ, которое пропустили при первом обходе. Максон тоже цел и невредим, — добавила я.

— Слава богу, — выдохнула Энн.

— Он спас мне жизнь. Я как раз шла в сад, когда они напали. Если бы я оказалась за пределами дворца...

— Ох, миледи! — воскликнула Мэри.

— Ни о чем не беспокойтесь, — распорядилась Энн. — Мы в два счета приведем вашу комнату в порядок, а когда вы придете в себя, у нас есть для вас потрясающее новое платье. И мы можем....

— Все это мне уже не понадобится — я уезжаю домой. Надену что-нибудь простенькое и через несколько часов уеду.

— Что?! — ахнула Мэри. — Но почему?

— Ничего не вышло, — пожала плечами я.

Лицо Аспена оставалось непроницаемо. Единственное, что я могла различить, — это облегчение, что я жива.

— Я действительно думала, что это будете вы, — проговорила Люси. — С самого начала. А после всего того, что вы сказали вчера вечером... У меня просто в голове не укладывается, что вы едете домой.

— Спасибо тебе на добром слове, но ничего страшного. У меня будет к вам одна просьба. Если вы сможете чем-то помочь Крисс, сделайте это. Ради меня.

— Обязательно, — пообещала Энн.

— Ради вас — все, что угодно, — поддержала ее Мэри.

Аспен кашлянул:

— Девушки, с вашего позволения, мне надо переговорить с леди Америкой. Если она сегодня уезжает, необходимо принять некоторые меры безопасности. Не для того она выкарабкалась из этой передраги, чтобы теперь кто-то причинил ей зло. Энн, не могла бы ты раздобыть чистые полотенца и все прочее для ванны? Не подобает леди возвращаться домой в таком виде.

Мэри, сообрази ей что-нибудь поесть. — Обе, как по команде, кивнули. — А тебе, Люси, наверное, не мешало бы отдохнуть.

— Нет! — воскликнула та, распрямляясь. — Я в состоянии работать.

— Вот и славно, — улыбнулся Аспен.

— Люси, ступай в мастерскую и закончи с платьем. Мы тоже скоро придем. Леди Америка, мне плевать, кто и что будет говорить. Вы поедете домой с шиком, — сказала Энн, под конец обращаясь уже ко мне.

— Есть, мэм, — отозвалась я.

Служанки вышли, закрыв за собой дверь. Аспен подошел ко мне, и я поднялась ему навстречу.

— Я думал, ты погибла.

— Не дожدهшься, — слабо улыбнулась я. Теперь, когда появилась возможность своими глазами увидеть, насколько серьезно положение, только и оставалось, что шутить, чтобы сохранить присутствие духа.

— Я получил твою записку. У меня в голове не укладывается, что ты не рассказала мне про дневники.

— Прости, я не могла.

Он преодолел разделявшее нас расстояние и погладил меня по волосам.

— Мер, если ты не могла показать его мне, пытаться показать его всей стране точно не стоило. А эта твоя идея с отменой каст... Ты ненормальная, знаешь об этом?

— Еще бы мне не знать. — Я окинула взглядом разгром на полу, воскрешая в памяти весь этот безумный день.

— Значит, Максон тебя исключил?

— Не совсем. Это король отправляет меня домой. Даже если бы принц прямо сейчас сделал мне предложение, это ничего бы не изменило. Король против, так что я ухожу.

— А-а, — произнес он. — Без тебя тут будет странно.

— Знаю, — вздохнула я в ответ.

— Я буду писать, — пообещал он быстро. — И могу посылать тебе деньги, если хочешь. У меня много. Мы можем пожениться сразу же, как вернусь. Я понимаю, до этого еще долго...

— Аспен! — Я не знала, как объяснить ему, что мое сердце разбито. — После отъезда я хочу, чтобы меня оставили в покое, понимаешь? Мне нужно отойти от всего этого.

Он отступил, уязвленный:

— Так что, мне не писать и не звонить?

— Может, не сразу, — сказала я, пытаюсь говорить небрежным тоном. — Просто мне хочется какое-то время побыть с родными и прийти в себя. После всего того, что я здесь пережила, я не могу...

— Погоди, — сказал он, вскинув руку, и немного помолчал, испытующе вглядываясь в мое лицо. — Он до сих пор тебе нужен, —

обвинительным тоном произнес он. После всего, что он сделал, после Марли, даже когда никакой надежды уже не осталось, ты все равно думаешь о нем.

— Он ничего не делал. Жаль, я не могу объяснить тебе про Марли, но я дала слово. Я не держу зла на Максона. И знаю, что все кончено, но сейчас чувствую себя примерно так же, как когда ты порвал со мной. — (Он обиженно засопел, запрокинув голову, как будто не верил собственным ушам.) — Серьезно. Когда ты тогда сказал, что между нами все кончено, я стала искать спасение в Отборе, потому что это давало мне какое-то время, чтобы справиться с чувствами к тебе. А потом ты появился тут, и все переменялось. Это ты изменил нашу жизнь, когда бросил меня в нашем домике на дереве, а теперь считаешь, что, если надавить на меня как следует, все опять будет как прежде. Так не бывает. Дай мне шанс выбрать тебя.

Едва эти слова сорвались с моих губ, как я поняла, что в этом и есть корень проблемы. Я любила Аспена так долго, что мы многие вещи принимали просто как данность. Но теперь все было по-иному. Ни он, ни я больше не были никому не известными жителями маленького городка в Каролине. Мы оба видели слишком многое, чтобы спокойно жить прежней жизнью.

— А кого же еще ты можешь выбрать, если не меня? Разве не я твой единственный выбор? — спросил он с болью в голосе.

— Вот именно! Неужели это тебя не волнует? Я не хочу, чтобы мы были вместе исключительно потому, что я не смогла быть с тем единственным, кроме тебя, кто был мне нужен, а ты больше ни на кого не смотрел? Ты действительно хочешь получить меня вот так, из-за безвыходности?

— Мне все равно, каким именно образом я тебя получу, — ответил Аспен горячо.

Внезапно он бросился ко мне и, обхватив мое лицо ладонями, принялся исступленно целовать, пытаясь заставить меня вспомнить, чем был для меня когда-то. Я не смогла ответить на его поцелуи. Наконец он сдался и приподнял мой подбородок, пытаясь заглянуть мне в глаза.

— Америка, что происходит?

— У меня сердце рвется на куски, вот что! Мой мир рушится, ты единственное, что у меня осталось, но ты любишь меня не настолько сильно, чтобы дать мне дышать.

Я расплакалась, и Аспен наконец овладел собой.

— Прости, — прошептал он. — Но я раз за разом думаю, что потерял

тебя, а моя инстинктивная реакция — бороться за тебя. Понятия не имею, что еще делать.

Я уткнулась взглядом в пол, пытаюсь взять себя в руки.

— Не волнуйся, я могу ждать, — пообещал он. — Когда будешь готова, напиши. Я достаточно сильно люблю тебя, чтобы дать тебе дышать. После вчерашней ночи это единственное, что мне по-настоящему нужно, — чтобы ты дышала.

Мы обнялись, но на этот раз все было по-иному. Долгое время я была совершенно уверена, что Аспен будет в моей жизни всегда, и впервые задумалась о том, что это может быть не так.

— Спасибо, — прошептала я. — Береги себя. Не геройствуй без нужды.

Он отступил назад и кивнул в ответ, но не произнес ни слова. Потом все так же молча поцеловал меня в лоб и вышел.

Я долго стояла, не понимая, куда себя деть, пока не пришли служанки, чтобы в последний раз привести меня в порядок.

Глава 31

Я расправила платье.

— Не слишком ли оно роскошное для такого случая?

— Вовсе нет! — возразила Мэри.

День был в самом разгаре, а они нарядили меня в вечернее платье — пурпурное и очень торжественное. Рукава доходили до локтя: в Каролине было холоднее, чем здесь, в Анджелесе. Через руку я перебросила пелерину с капюшоном, чтобы не замерзнуть после приземления. Высокий воротник был призван защитить шею от ветра, а волосы служанки уложили в такую элегантную прическу, что я была совершенно уверена: никогда еще за все время моего пребывания во дворце я не выглядела так великолепно. Жаль, нельзя было зайти попрощаться с королевой Эмберли: уверена, даже она была бы под впечатлением.

— Нет смысла затягивать. Долгие проводы — лишние слезы. Я просто хочу, чтобы вы знали, как сильно я благодарна вам за все, что вы для меня делали. Не только за то, что заботились о моем внешнем виде, но и за то, что проводили со мной время и болели за меня душой. Я никогда вас не забуду.

— Мы тоже всегда будем помнить вас, мисс, — пообещала Энн.

Я кивнула и принялась обмахивать ладонью лицо.

— Все, все, для одного дня слез уже и так было достаточно. Не могли бы вы сказать водителю, что я уже скоро? Я буду через минутку.

— Конечно, мисс.

— Если мы обнимемся на прощание, это все равно будет нарушение этикета? — нерешительно спросила Мэри, переводя взгляд с меня на Энн.

— Кому какая разница? — отозвалась та, и все трое в последний раз сгруппировались вокруг меня.

— Берегите себя.

— И вы тоже, мисс, — сказала Мэри.

— Вы всегда были настоящей леди, — добавила Энн. Они отступили, но Люси продолжала меня обнимать.

— Спасибо вам, — выдохнула она, и я увидела, что девушка плачет. — Я буду очень скучать.

— И я тоже.

Она отпустила меня. Девушки подошли к двери и остановились. Потом сделали прощальный книксен, а я помахала им.

Сколько раз в последнее время мне хотелось уехать? Теперь, когда до отъезда оставались считанные секунды, он страшил меня. Я вышла на балкон и остановилась у перил, глядя вниз, на сад. Я нашла скамейку, ту самую, на которой мы познакомились с Максоном. Не знаю почему, но я безотчетно ожидала увидеть его там. Но принца там не было. Видимо, у него нашлись дела поважнее, чем расслаживаться и думать обо мне. Я коснулась браслета на запястье. Впрочем, он все-таки будет обо мне вспоминать время от времени. Эта мысль меня утешила. Ведь все это было наяву.

Я вернулась в комнату, заперла балкон и вышла в коридор. Шла медленно, пытаясь запечатлеть в памяти красоту дворца, пусть даже ее немного портили разбитые зеркала и расколотые рамы. Мне вспомнилось, как я спускалась по этой лестнице в самый первый день, растерянная и восхищенная одновременно. Тогда нас здесь было так много.

Очутившись перед дверями, чуть помедлила. Я настолько привыкла находиться под защитой этих массивных деревянных створок, что покинуть их казалось чем-то неправильным.

Я сделала глубокий вдох и собралась открыть дверь.

— Америка!

Я обернулась. В дальнем конце коридора стоял Максон.

— Привет, — произнесла я беспомощно. Я не ожидала увидеть его снова.

Он быстро подошел ко мне:

— Ты выглядишь сногшибательно!

— Спасибо.

Я погладила ткань платья. Мы молча стояли, глядя друг на друга. Наверное, он просто решил воспользоваться последней возможностью меня увидеть.

Максон вдруг кашлянул, вспомнив о своей цели:

— Я поговорил с отцом.

— Да?

— Да. Он был рад, что я жив. Как ты можешь догадаться, продолжить королевский род для него очень важно. Я объяснил, что едва не погиб из-за его несдержанности, и сказал, что отыскал убежище только благодаря тебе.

— Но я не...

— В курсе. А вот его об этом информировать необязательно. — (Я улыбнулась.) — Потом сообщил ему, что серьезно поговорил с тобой о твоём поведении. Опять-таки ему необязательно знать, что это неправда, но ты могла бы сделать вид, как будто это так, если бы захотела.

Я не очень понимала, зачем мне делать вид, как будто что-то такое произошло, если я буду находиться на другом конце страны, но кивнула.

— С учетом того, что я, как он думает, обязан тебе жизнью, он согласился, что мое желание оставить тебя во дворце не лишено оснований, при условии что ты будешь вести себя идеально и научишься не высовываться.

Я смотрела на него во все глаза, не в силах поверить, что не ослышалась.

— На самом деле нужно позволить уехать Натали. Она сделана совсем не из того теста. Сейчас, когда в ее семье такое горе, ей лучше всего быть с родными. Мы уже переговорили. Мне объяснять дальше?

— Да, пожалуйста. — Я все еще не могла опомниться.

Максон взял меня за руку:

— Ты останешься здесь и продолжишь участие в состязании, но теперь все изменится. Отец, скорее всего, будет суров с тобой и пойдет на все, чтобы заставить тебя оступиться. Думаю, с ним можно бороться, но на это уйдет какое-то время. Теперь ты знаешь, насколько он может оказаться безжалостным. Ты должна быть к этому готова.

— Думаю, это мне по силам, — кивнула я.

— Это еще не все. — Максон принялся разглядывать ковер, пытаясь привести в порядок мысли. — Америка, мое сердце принадлежало тебе с самого начала. Ты уже должна была это понять.

Когда он посмотрел на меня, я увидела это в каждом его движении и почувствовала каждой своей клеточкой.

— Понимаю.

— А вот мое доверие — это совсем другой вопрос.

— Что? — Я была ошеломлена.

— Я открыл тебе столько своих секретов, защищал тебя всеми доступными мне способами. Но стоит мне только чем-то вызвать твое неудовольствие, как ты начинаешь рубить сплеча. Ты отгораживаешься, обвиняешь меня во всех смертных грехах, а то и бросаешься менять все государственное устройство.

Ох. Это был чувствительный удар.

— Я должен быть уверен, что могу положиться на тебя. Уверен, что ты сможешь хранить мои тайны, доверять моему суждению и ничего от меня не утаивать. Мне нужно, чтобы ты была абсолютно со мной честна и прекратила подвергать сомнению каждое решение, которое я принимаю. Мне нужно, чтобы ты верила в меня.

Его слова причиняли боль, но это была правда. Что я сделала такого,

чтобы он мне больше доверял? Все вокруг пытались добиться от него если не одного, так другого. Почему я просто не могла быть с ним рядом?

— Я верю в тебя. — Пальцы нервно сплетались, пока я подбирала подходящие слова. — И надеюсь, что ты видишь, как сильно я хочу быть с тобой. Но ты тоже мог бы быть со мной более честным.

— Наверное, — кивнул он. — И я хотел бы много о чем тебе рассказать, но я знаю такие вещи, о которых не стоит рассказывать, если существует хотя бы ничтожная вероятность, что ты не сможешь сохранить их в тайне. Я должен быть уверен, что тебе это под силу. И мне необходимо, чтобы ты была совершенно откровенна со мной.

Я хотела уже ответить, но не успела.

— Максон, вот ты где! — воскликнула показавшаяся из-за угла Крисс. — Я забыла тебя спросить, наша договоренность насчет сегодняшнего ужина остается в силе?

— Разумеется, — ответил Максон, по-прежнему глядя мне в глаза. — Мы поужинаем у тебя в комнате.

— Чудесно!

Это меня задело.

— Америка? Ты что, в самом деле уезжаешь? — спросила она, подходя к нам. В ее глазах затеплилась искорка надежды. Я взглянула на Максона; выражение его лица, казалось, говорило: «Вот видишь, именно об этом мы с тобой и рассуждали. Ты должна принять последствия своих действий и дать мне возможность сделать мой собственный выбор».

— Нет, Крисс. Не сегодня.

— Хорошо. — Она со вздохом обняла меня. Интересно, какая часть этого объятия была призвана произвести впечатление на Максона? Впрочем, это не имело значения. Крисс — моя главная соперница, но в то же время и самая близкая подруга среди оставшихся девушек. — Я очень беспокоилась за тебя. Рада, что ты жива и здорова.

— Спасибо. На мое счастье... — Я чуть было не ляпнула, что, на мое счастье, пережидала нападение в убежище не одна, а в компании Максона, но хвастовство вполне могло разрушить то хрупкое доверие, которое мне удалось возродить за последний десяток секунд. Я кашлянула. — На мое счастье, гвардейцы подросли вовремя.

— Слава богу. Ладно, еще увидимся. — Она обернулась к Максону. — До вечера.

Крисс вприпрыжку побежала по коридору. Никогда еще я не видела ее в таком легкомысленном настроении. Наверное, если бы парень, которого я любила, поставил меня выше своей бывшей фаворитки, я бы тоже прыгала

до потолка.

— Знаю, что тебе это не нравится, но она мне нужна. Если ты меня подведешь, Крисс — моя единственная надежда.

— Это неважно, — пожала плечами я. — Я тебя не подведу.

Потом чмокнула его в щеку и, не оглядываясь, побежала по лестнице. Еще несколько часов назад я считала, что потеряла Максона навсегда. Теперь же, когда стало очевидно, насколько он мне дорог, я намерена была бороться за него до конца. Остальные девушки понятия не имели, что их ждет.

Я летела по ступеням парадной лестницы, чувствуя себя окрыленной. Наверное, мне следовало бы тревожиться о предстоящем испытании, но я могла думать лишь о том, как я в итоге его преодолею.

Вероятно, король почувствовал мою радость, а может, просто поджидал меня, но стоило мне подняться на второй этаж, как я наткнулась на него в коридоре. Он неторопливо приблизился ко мне, недвусмысленно демонстрируя свою власть. Когда он остановился передо мной, я сделала книксен:

— Ваше величество.

— Леди Америка. Судя по всему, вы все еще с нами.

— Похоже на то.

Мимо нас прошла группа гвардейцев, поклонившись на ходу.

— Давайте поговорим о деле, — произнес он сурово. — Что вы думаете о моей жене?

Я нахмурилась, изумленная этим неожиданным поворотом, но ответила честно:

— По-моему, королева — поразительная женщина. Я не знаю подходящих слов, чтобы выразить, как я перед ней преклоняюсь.

— Она редкостная женщина. — Он кивнул. — Прекрасная, как все могут заметить, и при этом скромная. Робкая, но не трусливая. Послушная, с идеальным характером, великолепная собеседница. Кажется, несмотря на то, что она выросла в бедности, она была рождена стать королевой. — Он выдержал паузу и посмотрел на меня; не заметить неприкрытого восхищения на моем лице было невозможно. — Чего нельзя сказать о вас. — Я попыталась сохранять самообладание, а он между тем продолжал:

— Внешние данные у вас весьма посредственные. Волосы рыжие, цвет лица невыразительный, фигура, пожалуй, вполне приличная, но ни в какое сравнение с Селестой не идет. Что же до вашего характера... — Он принялся методично перечислять: — Вы плохо воспитаны и несерьезны, а если решаете сделать что-то серьезное, это подрывает устои нашего

государства. Вы ведете себя совершенно необдуманно. И я еще не упомянул вашу безобразную осанку и походку. Крисс куда привлекательней вас внешне и намного более покладиста.

Я сжала губы, исполненная решимости ни в коем случае не плакать. И напомнила себе, что и без него все это прекрасно знаю.

— И разумеется, родство с вами не принесет нам совершенно никакой политической выгоды. Вы не из такой уж низкой касты, чтобы это могло послужить для кого-то вдохновляющим примером, и не обладаете равным счетом никакими связями. В отличие от Элизы, которая оказала нам неоценимую помощь во время поездки по Новой Азии.

Интересно, каким образом Элиза могла оказать им помощь, если они так и не связались с ее родными? Может, конечно, там было что-то, о чем я просто не знала. А может, король все преувеличил, чтобы заставить меня почувствовать себя полным ничтожеством. Если его задача заключалась в этом, он отлично с ней справился.

— Что вы здесь делаете? — Король сверлил меня своим холодным взглядом.

— Думаю, вам лучше спросить об этом Максона. — Я сглотнула.

— Я спрашиваю вас.

— Он хочет, чтобы я была здесь, — твердо ответила я. — И я тоже хочу быть здесь. Пока мы оба совпадаем в этом желании, я никуда не уеду.

— Сколько вам лет, шестнадцать? Семнадцать? — Король усмехнулся.

— Семнадцать.

— Подозреваю, вы не слишком хорошо разбираетесь в мужчинах, как, собственно, и должно быть, коль скоро вы здесь очутились. Позволю себе заметить, что они могут быть очень непостоянны. Возможно, вы не захотите цепляться за свои чувства к нему с таким упорством, когда всего один миг может лишить вас его привязанности.

Я сощурилась, не очень понимая, к чему он клонит.

— У меня есть глаза и уши по всему дворцу. Мне известно, что есть девушки, предлагающие ему то, что вам и не снилось. Думаете, такая серая мышка, как вы, может на что-то рассчитывать рядом с ними?

Девушки? Во множественном числе? Он хочет сказать, что то, что я видела в коридоре между Максоном и Селестой, еще цветочки? Что наши с ним поцелуи всю прошлую ночь напролет — ничто в сравнении с тем, что предлагают ему эти таинственные девушки во множественном числе?

Максон сказал, что хочет быть честным со мной. Неужели у него все-таки есть от меня тайна? Я решила, что буду стоять на том, что доверяю Максону.

— Если это правда, значит Максон рано или поздно отпустит меня и вам не о чем беспокоиться.

— Нет, есть о чем! — взревел он, потом понизил голос. — Если Максон по дурости все-таки выберет вас, ваши выходки могут очень дорого нам обойтись. Десятилетия работы, труд многих поколений псу под хвост, потому что вы решили поиграть в героиню! — Он так наседал на меня, что я даже отступила на шаг назад, но он подошел ближе, и мы оказались почти вплотную друг к другу. Король заговорил тихо и свирепо, и это было еще страшнее, чем если бы он на меня кричал. — Вам придется научиться держать в узде свой язык. В противном случае мы с вами будем врагами. И, можете мне поверить, это вам не понравится.

Его наставленный на меня палец едва не касался моей щеки. Вот возьмет сейчас и разорвет меня в клочья. Даже если рядом случайно кто-то окажется, что они смогут сделать? Никто не защитит меня от короля.

— Я понимаю, — произнесла я, стараясь говорить спокойным голосом.

— Превосходно. — Он вдруг ни с того ни с сего развеселился. — Тогда предоставлю вам заново обустроиваться. Доброго дня.

Я осталась стоять столбом. И лишь после того, как он скрылся, осознала, что вся дрожу. Когда король велел мне держать язык за зубами, я предположила, что это означает, чтобы я даже в мыслях не думала рассказать об этом Максону. Так что пока я не собиралась ему ничего говорить. Можно об заклад биться, что это проверка: насколько он может меня запугать. Я была исполнена решимости ни за что не сдаваться.

Во мне произошла резкая перемена. Было страшно — да, но в то же самое время я злилась.

Кто он такой, чтобы мной командовать? Да, он король, но на самом деле он всего лишь тиран. С чего он взял, что, подавляя всех вокруг и заставляя молчать в тряпочку, он делает для нас доброе дело? Попробовал бы сам жить на обочине общества! А то хорошо устроился: у всех в Иллеа куча ограничений и только он один может делать что хочет!

Вспомнилось, как Максон спрятал Марли от отцовского гнева на дворцовой кухне. Несмотря на то что я прожила здесь всего ничего, тем не менее уже знала, что из него выйдет куда лучший король. Максон, по крайней мере, был способен на сострадание.

Я медленно отдышалась, а когда почувствовала, что вновь владею собой, пошла дальше. Войдя в комнату, нажала кнопку звонка, предназначенного для вызова служанок. Не успела я оглянуться, как вбежали запыхавшиеся Энн с Мэри и Люси.

— Миледи? — забеспокоилась Энн. — Что-то не так?

— Нет, — улыбнулась я. — Если, конечно, новость, что я остаюсь, вас не расстроит.

— Правда?! — пискнула Люси.

— Правдивее не бывает.

— Но как?! — изумилась Энн. — Я думала...

— Знаю, знаю. Это сложно объяснить. Могу сказать лишь, что мне дали второй шанс. Максон мне небезразличен, и я намерена за него бороться.

— Это так романтично! — воскликнула Мэри, а Люси хлопала в ладоши.

— Тише вы! — строго прикрикнула на них Энн.

Я-то думала, что она будет рада. Ее внезапная серьезность даже удивила.

— Если мы хотим, чтобы она победила, нам нужен план.

— Чертики, заплывавшие у нее в глазах, заставили меня улыбнуться вместе с ней.

Я никогда в жизни не встречала никого столь же организованного, как эти девушки. Если они будут на моей стороне, я просто не смогу проиграть.

Благодарности

Ну, привет тебе, стойкий читатель. Спасибо, что дочитал мою книгу! Надеюсь, она произвела на тебя такое неизгладимое впечатление, что ты бросился строчить о нем в «Твиттере» в три часа ночи. Во всяком случае, так это происходит со мной, так что...

Каллауэй, лучший в мире муж! Спасибо тебе за твою поддержку и за то, что гордишься тем, что я делаю. С тобой все становится лучше. Безумно люблю тебя.

Гайден и Зузу, мама любит вас сильно-сильно! Я без ума от историй, которые пишу, но вы навсегда останетесь лучшим, что я сделала в жизни.

Мама, папа и Джоди, спасибо вам за то, что второго такого прибабахнутого семейства не найти на всем белом свете, и за то, что любите меня такой, какая я есть.

Мими, папа-2 и Крисс, спасибо за любовь и поддержку и за ваш неизменный интерес к тому, что происходит в моей жизни.

Спасибо всем моим многочисленным родственникам, которых так много, что я не буду даже пытаться перечислить вас всех здесь. Я знаю, что, где бы вы ни жили, вы вечно хвастаетесь вашей племянницей / внучкой / двоюродной сестрой, которая пишет книги, и, поверьте, это очень много для меня значит.

Илейна, спасибо почти за все, что есть под солнцем. Без тебя ничего этого не было бы. (Смущенно обнимает.)

Эрика, спасибо за то, что не возражала против моих бесконечных звонков, за горячий интерес к этой книге и вообще за то, что ты такая классная.

Катлин, спасибо за то, что благодаря тебе читатели из Бразилии, Китая, Индонезии и всех прочих мест теперь тоже могут читать мои книги! Для меня это просто взрыв мозга.

Спасибо всему коллективу «HarperTeen». Ребята, круче вас не бывает. Люблю вас.

Благодарю «Нордстар» за то, что стал семейству Касс домом.

Благодарю Афины, Ребекку и всех остальных ребят из кафе «Кристиансбург панера» за восхитительный горячий шоколад и дурдом, на фоне которого я давала телефонные интервью. Спасибо!

Благодарю Джессику и Монику... главным образом потому, что дала слово, и за то, что вызываете у меня улыбку.

Благодарю всех моих читателей за то, что остаетесь с Америкой (и со мной) все это время. Вы просто потрясные! Спасибо Господу за то, что можно писать. Без этого я пропала бы.

Спасибо за возможность поспать... чем, кстати, я сейчас и намерена заняться. И за тортики... просто потому что.